

СЕМЬ ПЛАНЕТ

КОНАН И ГЛАВ ПАУКА

Annotation

Конан и сотоварищи не оставят нападение на «Уютную нору» и гибель своих товарищей безнаказанными. Но они даже не представляют, что поиски убийц приведут их к культуре почитателей бога-паука Затха. Но даже это не остановит Конана.

- [Олаф Бьорн Локнит](#)

- [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Эпилог](#)
-

Олаф Бьорн Локнит

Глаз Паука

Пролог

Башня над морем

На самом деле ничего этого не было.

Не было огромного приморского города с домами из ослепительно белого камня и раскинувшегося на холме величественного дворца с позолоченными крышами. Не было шумящей день и ночь напролет гавани, забитой множеством торговых и военных кораблей. Не было яростного солнца,искрами отражающегося в малейшей зеркальной поверхности и щедро заливающего город. Не было резной зелени колышущихся пальм, неумолчных криков торговцев и проникающего всюду острого запаха свежей рыбы.

Несмотря на чужеземные корабли и сотни постоянных дворов, ни один путешественник никогда не прибывал в этот город и не проходил его улицами, вымощенными плитами разноцветного ракушечника. Порой случалось, что кварталы и дворцовые строения словно бы окутывались туманным маревом, начиная колыхаться и расплыватьсь – но местные жители напрочь не замечали странного происшествия, продолжая жить своими делами и заботами.

Единственной реальной, неоспоримой и действительной вещью в полупризрачном мирке было и оставалось море. Море, на берегах которого некогда процветал великий, богатый и надменный народ, диктовавший свою волю иным городам и странам, покуда не исчерпалось отпущенное ему богами время. Люди ушли. Останки былых домов и дворцов затянуло песком, сквозь плиты мостовой проросла серая жесткая трава. Лишь однозначное существо помнило теперь о днях величия павшего города.

Помнило – и своей магической властью возродило его призрачный образ, отдав дань собственной сентиментальности и получив возможность иногда возвращаться в место, где Оно впервые осознalo себя.

И еще была башня – легкая, устремленная к вечно безоблачному небу постройка из золотистого и розового камня на побережье, где заканчивается городское предместье и начинаются бесконечные виноградники, перемежаемые оливковыми рощами. Давно сгинувшие обитатели призрачного города, сами не отдавая себе отчета, порой тревожно взглядывали туда, где поднимались розово-золотые стены. Неизвестно почему Башня считалась местом нехорошим, облюбованным демонами. Она казалась необитаемой, хотя и очень хорошо сохранившейся – ни тебе выкрошившихся кирпичей, ни осыпающейся облицовки, – однако еще никому из горожан не пришло в голову сходить и взглянуть на нее поближе. Впрочем, разве могут быть собственные желания у призраков, само иллюзорное бытие коих зависит единственно от прихоти создателя?

...Сегодня Башню лихорадило. Окрас каменных стен сменился с торжественно-золотого на грязно-оранжевый, но превращение на том не закончилось. К середине дня башня приобрела мрачный темно-красный оттенок дикого камня, покрытого местами черным сырьим мхом. Оливковые деревья вокруг словно побило внезапным холодом. Их мясистые листья, съеживаясь и опадая от малейшего ветерка, толстым ковром устилали ведущую к башенной двери дорожку.

Хотя странная башня и вела себя самым неподобающим для каменного строения образом, дверь у нее была самая обычная – из толстых дубовых досок, сшитых

потускневшими от времени бронзовыми скрепами. Каменную плиту перед самым порогом украшало неизменное для гостеприимного Полудня благопожелание входящему, выложенное цветными камушками. За порогом начиналась узкая винтовая лестница, освещенная косыми солнечными лучами, падающими из прорезанных в толще стен окошек. Кое-где на лестницу выходили двери – весьма загадочные, надо заметить. Среди них не нашлось бы и пары одинаковых. Решетчатые, сделанные из переплетенных бронзовых прутьев; деревянные, схваченные для крепости железными накладками; открытые арки, затянутые легкомысленного вида тканями или шнурями с нанизанными бусинами. Наконец, на самом верху имелось нечто вообще непонятное – проем, обрамленный вычурной рамкой чистого серебра. Внутри, не смешиваясь, переливались синий и фиолетовый цвета, будто капли масла, скользящие по поверхности воды.

Ступеньки приводили в просторную круглую комнату, шагов двадцати в поперечнике, занимавшую весь верхний этаж. В поднимавшихся от пола до выгнутого изящным куполом мозаичного потолка высоких окнах трепетали прозрачные занавеси. Пробиваясь сквозь цветные шелка, солнце наполняло комнату множеством разноцветных отблесков, делая помещение ярким и радостным.

Вернее, пытаясь сделать. Настроение комнаты обычно соответствовало состоянию духа ее обитателя, а сегодня таковое оставляло желать лучшего. Все свидетельствовало о том, что верхний зал Башни целеустремленно и яростно пытались разнести вдребезги, используя любые попадавшиеся под руку предметы.

На мраморном полу, составленном из перекрещающихся окружностей всех цветов радуги, блестели осколки разбитых зеркал и обращенных в пыль хрустальных и фарфоровых безделушек. В воздухе над грудой вспоротых подушек медленно кружили легкие перышки. Под черепками расколотых вдребезги кувшинов, брошенных в стены или шваркнутых об пол, расплывались липкие винные лужицы. Возле одной из них брюхом вверх вытянулось длинное мохнатое тельце хорька, слабо перебиравшего в воздухе лапами и блаженно повизгивавшего – животное, судя по всему, было мертвеецки пьяно. Десяток его собратьев шумно носился туда-сюда, с треском гоняя по мрамору округлый граненый камень ярко-бирюзового цвета размером с голубиное яйцо, выстреливавший снопы ослепительных искр.

Кроме увлеченных потасовкой хорьков, в комнате находились двое людей – по крайней мере внешность этих двоих позволяла сделать предположение об их несомненной принадлежности к человеческому роду. А вот судить о том, живы ли эти люди, следовало весьма осторожно. Мужчина, похоже, был все-таки жив, хоть и находился в той печальной степени опьянения, какое зовется «мертвецким». Что же до девушки...

Одетая в длинное алое платье, расшитое невиданными золотыми цветами, она сидела в круге, выложенном бледно-голубым камнем ровно в центре комнаты, и медленными движениями раскладывала перед собой гадательный тарок. Миловидное скуластое лицо уроженки Турана обрамляли пушистые локоны – не черные, но светло-рыжие, с приятным медовым оттенком, в больших карих глазах поблескивали задумчивые золотые искорки. Карты из плотной кожи изрядно обтрепались по краям, но нарисованные на обратной стороне драконы по-прежнему презрительно шурились, не торопясь раскрывать свои тайны.

Вместо красочных загадочных изображений на всех картах тарока красовалось одно и тоже.

Черная пустота, лишенная каких-либо знаков. Тьма, конец всех путей.

Раскинув карты, гадалка растерянно взирала на получившийся расклад, взмахом руки

собирала колоду, перемешивала и повторяла ритуал снова. Девушка не отрывала пристального взгляда от тарока и не обращала внимания, если орава заигравшихся зверьков проносилась сквозь нее. Ферузу иси-Мансур-ат'Джебеларик, как звали рыжую туранку, не беспокоило уже ничего: тело ее пребывало на кладбище, а душа – на Серых Равнинах.

Для того, кто вызвал из небытия призрак гадалки Ферузы, было достаточно просто смотреть на нее. Следить за неспешными движениями тонких рук, перебирающих карты. Наблюдать, как покачивается длинный золотистый локон, и какое у нее спокойное, сосредоточенное лицо. Почти как там, в Обманном переулке, где ее настигла случайная стрела... Случайная – или?..

Хозяин Башни – предпочтавший облик молодого человека лет двадцати пяти с небольшим, смуглого, темноволосого, темноглазого, с хищно выгнутым орлиным носом и красиво вычерченным ртом – поерзал, устраиваясь поудобнее и укладывая подбородок на сжатые кулаки. Огромная кровать, на которой он лежал, занимала чуть не половину комнаты и пребывала в жалком состоянии. Непонятно зачем он прикончил все подушки, изодрал простыни в живописные лохмотья и изрубил часть резного изголовья. Облегчения это не принесло, а хорошая вещь была безнадежно испорчена.

В приступе отчаяния ему опять захотелось разбить или сломать что-нибудь, но в пределах досягаемости не осталось ни одной целой вещи. Можно, конечно, заняться креслами и превратить их в кучу щепок... Или развеять к демоновой бабушке треклятый город – на кой ляд он вообще его создал?! Сжечь его, похоронить под песками, смыть приливной волной, заставить призрачных жителей драться меж собой, пока не падет последний... можно все, но разве это вернет Ферузу?

Так что лучше молча любоваться ею, растравляя душу. У вещей довольно короткая память, оживленные заклятьем воспоминания так долго принадлежавшей гадалке колоды карт скоро сойдут на нет. Тарок вновь станет тремя десятками истрапанных кусочков кожи, покрытыми облезшей краской, бесполезными и никчемными. Он будет валяться здесь, неотрывно глядеть на нее и потихоньку сходить с ума от безнадежности – хотя смертные уверены, что с подобными ему такого случиться не может.

Впрочем, владельца Башни-на-побережье подобные мелочи не волновали. Его вообще ничего не волновало, кроме наваждения, уже начинавшего постепенно таять. Алое платье Ферузы казалось слегка выцветшим, и золотые соцветия на нем вроде бы поблекли... Неужели его способностей достало только на несколько кратких мгновений чуда, а потом все пойдет своим чередом? Мертвецы канут в прах, он останется в одиночестве посреди рассыпанных сокровищ Башни...

Будто подчеркивая безнадежную нелепость ситуации, под куполом поплыл чистый девичий голосок, сопровождаемый перезвоном невидимой виолы:

...И с кошкой под окном
все смотрим за огнем —
но думаем не о нем.
И свечка догорит,
и печь проговорит:
«Усни-ка в тепле, при мне...» —
и месяц кувырком
покатится клубком

по крышам – все ниже – в снег...

Порвется в пальцах нить —
легко соединить:
здесь путь привычен и прост...
А вот как карты не кидай,
на сердце не гадай —
дорога, дорога врозь...

Бесхитростная мелодия стала той соломинкой, что переломила спину верблюда: агатовые зрачки подозрительно заблестели, послышался отчетливый душераздирающий всхлип. Возившиеся на полу хорьки бросили игру, уселись кружком и уставились бусинками глаз на своего господина и повелителя, недоуменно пересвистываясь.

Под одним из кресел мелькнул изумрудный проблеск, и на свет задом наперед выбралось непонятное существо. Росточком оно едва ли достало бы человеку до пояса. Пришлец, судя по внешнему виду, годился Хозяину Башни в прадедушки, носил одежду пронзительно-зеленых цветов и залихватски сдвинутый набок алый колпачок. Еще карлик мог похвастаться клочковатой седой бороденкой, маленькими бегающими глазками и физиономией, смахивающей на хорошо провяленную сливу.

В разных мирах и разных временах сородичей забавного карлика именовали по разному. Люди, назвав подобных созданий «клурикане», полагали их исключительно вымышенными персонажами и в сказках выводили родословную Маленького Народца от двергов – ошибаясь и в том, и в другом. Во-первых, клурикане абсолютно реальны, хотя немногочисленны и скрытны. Мало кто из людей мог похвастаться, что видел живого карлика (впрочем, подобное хвастовство обычно списывали на чрезмерное употребление крепкого вина.) Во-вторых, клурикане не имеют к гномам ровным счетом никакого отношения, будучи порождены совершенно иной Силой, нежели та, что однажды – по ошибке или намеренно – обратила несколько гранитных валунов в семерых Праотцов двергов. В отличие от подгорныхrudознатцев, клурикане терпеть не могут подземелья, предпочитая обитать на поверхности земли. Некоторые даже устраиваются в человеческих жилищах или рядом с ними, утверждая, якобы лучше места не найти – люди такие рассеянные и бесполковые, что либо не замечают живущих по соседству карликов, либо принимают их за духов-хранителей дома.

Клурикане не бессмертны, но срок их жизни многократно превышает отмеренное людям. Правильный клурикане предпочитает оружью – колдовство, вину – пряный и хмельной вересковый мед (который, по преданию, только они умеют варить именно так, как нужно), людям – животных и зеленый цвет – всем остальным. Легенды гласят, что, изловив клурикане (а сие невероятно сложно даже в легендах), нужно первым делом пытать его про клады, по части которых карлики считаются несравненными знатоками. Легенды врут – Маленький Народец своих кладов не прячет и чужими не интересуется, но, если каким-то образом привадить карлика и суметь подружиться с ним, то у вас появится неоценимый помощник в любых делах, неутомимый и вездесущий, хотя и весьма ворчливый. А вот в чем сказки совершенно правы, так это в описании знаменитого клуриканского ехидства. В глухих деревнях за Граскаалем еще в ходу поговорка: «Вредный, как клурикане». Наделенный хоть и небольшим, но несомненным колдовским даром, Маленький Народец неистощим по части

мелкопакостных шуток, гнусных розыгрышей и прочих зловредных проделок, с помощью коих жизнь человека день за днем можно сделать совершенно невыносимой. Карлики никогда не спускают нанесенной им, намеренно или невольно, обиды, в особенности же не любят пьяниц, нерях и сборщиков податей.

Клурикане, давным-давно обосновавшийся в Башне-у-Моря, носил длиннущее и напрочь непроизносимое человеческим языком имечко, постепенно сократившееся до незамысловатого прозвища «Квикка». Считалось, якобы он исполняет должность уборщика и прислуги за все, но сам Квикка полагал себя законным домоправителем – по его мнению, истинный владелец Башни совершенно не обладал способностью приглядывать за собственным имуществом.

Хотя у старого клурикане имелась целая свора помощников, порой ему самому доводилось вспоминать прежнее ремесло. Как правило, это случалось в те дни, когда на Хозяина Башни накатывал очередной приступ чернейшей меланхолии. Вот и сейчас, повозившись, человечек извлек из-под кресла кожаное ведро едва ли не с него самого ростом, метелку из конского волоса да серебряный совок, украшенный по краям россыпью мелких изумрудов и заозирался, довольно громко бурча себе под нос:

– ...Та-ак, подушки пуховые, перина, покрывало расписанноешелковое, все в мелкие лохмотья... Кресла с кожаной обивкой, марангового дерева, кхарийской работы, восстановлению не подлежат... Убытка сколько, а все из-за чего? Горе у него, поди ж ты... Погибла любовь единственная, неповторимая, за последнее столетие семьдесят восьмая... ай-ай-ай, подумать, какое горе, то ль в окно сигануть, то ль в винице утопиться... Ну любовь и любовь, а вещи-то зачем ломать? Ага, и гобелен спалил, семьсот лет гобелену...

– А ну немедленно заткнись, – старательно выговаривая каждое слово, на что способны лишь очень пьяные люди, потребовал молодой человек.

– И не подумаю, – Квикка нарочно водрузил свое ведро по соседству с призраком девушки, от которой теперь остались только очертания фигуры в алом да кисти рук, перемешивающих старую колоду. – Я не за хозяйство радею, мне вас жалко! До чего себя довели, смотреть противно, гляньте в зеркало-то, на что похожи... а, и зеркало вдребезги... Или, скажете, я не прав? – низкорослый слуга патетически помахал в воздухе метлой. – Ну умерла, ну убили, так куда ж теперь?.. Есть такое обыкновение у людей – умирать, потому и зовутся – *смертные*, не вам, Творцам, чета! Обычная смертная девчонка, к которой вас угораздило привязаться на пару дней...

– Она моя жена, – упрямо возразил Хозяин Башни. – Законная супруга. Пред богами и людьми.

– Пфе! Сколько их еще на моей памяти было! – фыркнул клурикане, деловито отправляя в ведро вместе с пригоршней мусора искрящийся сапфир. – Хоть себя-то не обманывайте. А уж коли она вам вправду была дорога, то нечего сидеть, хныча в тряпочку о своей горькой судьбе. Сыщите этих шакалов из худого рода, что повинны в ее смерти, да проучите так, чтобы впредь было неповадно. Вот как тогда, с огирским банкиром, который из ревности отправил прекрасную... как ее звали, вашу тогдашнюю?.. ну, вы ж помните, всего лет триста прошло?.. И не рассказывайте мне сказки, якобы вам запретили наведываться в Мир! – свирепый взмах метелки пресек любые возражения. – Когда вас останавливали чьи-то запреты, а? Но раз вы торчите в Башне, стало быть, вам это по душе – страдать да убиваться. Или все, силенки исчерпались? Может, вы еще и стариться начнете, кряхтеть и жаловаться на костную сухотку?

— Заткнись, кому сказано! — на сей раз приказание сопровождалось шариком алого огня, слетевшим с указательного пальца молодого человека. Карлик без труда уклонился. Испуганные хорьки брызнули в разные стороны, прячась под уцелевшими предметами обстановки, а на блестящем мраморе появилось жирное черное пятно.

— Вот-вот, я об этом и говорю, — прислужник наставительно поднял вверх крючковатый палец. — Рыдаете по своим знакомцам, промахиваетесь по мне, вскоре не сумеете попасть ключом в замочную скважину... Кому вы тогда станете нужны? У кого хватит ума верить в ходячую нелепость? Даже призрака своей ненаглядной толком сотворить не сумели!

Последнее утверждение было сущей правдой. Стоило Хозяину Башни отвлечься, как наваждение тихонько исчезло, развеявшись сизой дымкой. Лишившись опоры, тарок с пару ударов сердца повисел в воздухе и шлепнулся на пол. Карты разлетелись шелестящим веером, некоторые приземлились у обутых в стоптанные остроносые сапоги ног коротышки. Тот наклонился вперед, чтобы спустя мгновение сообщить своему господину:

— О... вроде бы расклад какой-то выпал. Удивительное дело! Не соизволите взглянуть?

— Не на что смотреть. Они больше не разговаривают, — меланхолично отозвался молодой человек, не делая даже попытки встать. — Всегда одно и то же: тьма и конец всех путей.

— Да нет же! — настаивал на своем клурикане, вглядываясь в появившиеся на кусочках кожи тусклые рисунки, с каждым мгновением становившиеся все отчетливее и яснее. — Что я, гадальных карт не знаю, когда их моя прабабушка выдумала? Вот это точно Узник, чтоб мне переродиться земляным червяком! А вот Бесконечная Лестница или как там она зовется...

Настойчивость старого слуги одержала верх. Хозяин Башни нехотя сполз с разоренной кровати и побрел к центру зала, пару раз споткнувшись о перевернутые кресла. Встав рядом, господин и домоправитель в немом изумлении уставились на разметанные карты.

Большая часть колоды легла рубашкой кверху, открылись лишь пять, сложившиеся в пятеричный крест — стянутые воедино Прошлое, Настоящее и Будущее, соединенные могуществом препятствующих и содействующих Обстоятельств. Молодой человек, пошатнувшись, опустился на корточки, ведя подрагивающим пальцем по затертым кусочкам кожи, перечисляя названия карт и запнувшись лишь однажды, не по неведению, а от удивления:

— Узник, Врата, Дорога, Лисы-в-винограднике... и Паутина в центре. К чему все это? Кто этот Узник — уж не я ли, в этой треклятой Башне? Бrrr, в голове все плывет... Квикка, ты вроде хвалился, будто умеешь толковать тарок?

— С превеликим удовольствием, да... Гм... Ага, вот как... Узник стоит у Врат, — забубнил коротышка Квикка. — Врата сии — из прошлого в будущее, хм, странно... Узник, господин, карта темная, и к добру бывает, и к несчастью... Дорога — она и есть дорога, опасности многие путнику сулящая, и куда ведет, никто не знает, но только в препятствиях она у вас легла, уж не обессудьте... Лисы-в-винограднике, напротив, в Обстоятельствах содействующих, ну а Карта Лис суть общество людей хитрых и вороватых, каковые в любимом вашем городишке не переводятся — заодно с вами эти люди будут, хотя не знаю, помогут ли... А Паутина — хоть меня убейте, не ведаю, к чему она. Только где паутина, там, ясное дело, и паук недалеко... Да есть ли вообще такая карта в тароке? Не помню ее!..

Несколько мгновений Хозяин Башни с туповатым вниманием изучал валяющиеся на полу кусочки кожи. Внезапно резким движением руки он перемешал их. Резкость стоила ему равновесия — поскользнувшись на гладком полу, молодой человек шлепнулся на пятую точку

и возопил в пространство, добавляя трагического надрыва в голос:

— О, Квикка, добрый мой друг, что мне теперь до этого? Пауки, лисы, дороги — пропади оно все пропадом! Она умерла, ушла навеки, разлучена со мной и духом, и телом! Лишь призрак ее со мной, но и он мимолетен, былое же не вернуть никогда! Понимаешь ли ты, что такое «никогда», глупый карлик? Ни-ког-да! — последнее слово он повторил по слогам, ударяя в такт кулаком по мраморным плитам. — Ох, горе... Вина мне.

— Нету, — отрезал карлик.

— Есть. Полный погреб. Вина мне! Я желаю...

— Нет, — рявкнул Квикка, сердито наступив клочковатые брови. Насколько старый прислужник обожал и побаивался своего хозяина трезвого, настолько же презирал его пьяного — со всей врожденной клуриканской истовостью. Правда, пьяным хозяин бывал нечасто: от силы два-три раза в столетие, но так, как нынче, не было, пожалуй, ни разу. Придя к решению, клурикане покрепче ухватился за палку своей метлы и решительно заявил: — А хоть бы и было, все одно не дам. Хватит вам накачиваться всякой дрянью.

— А я хочу, — упрямко замотал растрепанной головой Хозяин Башни. — И вообще, с какой стати ты со мной споришь? Ты вообще кто такой, а?! Вот превращу тебя во что-нибудь тихое... В жабу... В крысу! Нет, в...

— В каракатицу, — мрачно перебил карлик. — Уже дрожу. Лучше хотя бы раз в жизни послушайте старого Квикку. Сами знаете — в вашей Башне ничего случайно не происходит, стало быть, и расклад у тарока выпал неспроста, — в интонациях клурикане появилась тревожная озабоченность: — Вдруг это она, ну, подружка ваша, желает вам что-то сказать напоследок? Неужели вы и с места не двинетесь, чтобы исполнить последнюю просьбу бедной девушки? А она-то небось так на вас рассчитывала...

— Замолчишь ты или нет? — рявкнул молодой человек. — Я сказал и повторяю еще раз, первый и последний — я никуда отсюда не двинусь! Все, хватит, надоело! Тарок там или не тарок, а я точно знаю: мертвые не разговаривают с живыми, а Феруза мертв! Пусть они теперь делают в своем Шадизаре, что хотят, и обходятся без меня! Вина мне!

— Как бы не так! — клурикане выпрямился во весь свой крохотный рост и смачно сплюнул на розово-голубой мрамор пола. Собрав всю имевшуюся храбрость, Квикка совершил то, на что раньше никогда бы не отважился: сгреб сидевшего на полу Хозяина Башни за воротник рубашки и с неожиданной для столь маленького создания силой поволок к выходу из зала.

Будь пол не таким скользким, а человек не таким пьяным, трюк бы вряд ли удался. Но старый карлик не на шутку рассвирепел, понимая — господина нужно срочно спасать, пусть даже против его желания. Опешивший и растерявшийся владелец Башни-у-Моря не пытался вырваться, бессвязно грозя своему прислужнику жуткими караами. Скакавшие вслед за странной парой хорьки оглушительно верещали, сочтя происходящее новой увлекательной игрой.

Доволочив свою слабо упирающуюся ношу до лестницы, клурикане крякнул и решительно начал тяжкий спуск вниз. Вопли Хозяина Башни сменились с угрожающих на жалобные — ему не очень-то нравилось стукаться о каждую из ступенек винтовой лестницы. Однако старый коротышка был неумолим, отпустив жертву только перед загадочным проемом в обрамлении серебряной каймы.

— Я тебе... — бормотал человек, делая слабые попытки подняться на ноги. — Я тебе... в жабу...

— Нет уж, в каракатицу, как договорились, — буркнул Квикка, разворачивая господина и повелителя в нужном направлении, то есть головой к волшебным переливам синего, лилового и темно-пурпурного.

— Не делай этого! Квикка, я тебе еще припомню!..

— Как вернетесь, так сразу и припомните. А пока ступайте и разберитесь, что там к чему в вашем паршивом городке. Поосторожней там, да не пейте много, — карлик тяжко вздохнул и отвел руку для мощного толчка. — Раз, два... три!

— Не-ет!.. — отчаянно взвыл Хозяин Башни.

И канул в магический портал головой вперед, словно пловец, бросающийся в омут, утянув с собой одного из хорьков, вцепившегося коготками в штанину. За ними сомкнулась сине-фиолетовая гладь, заколыхалась, пошла кругами, в точности такими, какие расходятся по воде от упавшего камня, и вдруг застыла мертвым серебряным зеркалом.

Старый Квикка горестно посопел, пнул не в меру настырного хорька и поплелся заканчивать уборку.

Часть первая

В поисках утраченного

Глава первая

Пытливые умы

Город Шадизар, Замора.

Конец лета 1264 года по основанию Аквилонии.

В это же самое время в славном городе Шадизаре, в большом и богато обставленном доме в самом конце улицы Изис, на выходящей в сад веранде сидел в любимом плетеном кресле Верховный Дознаватель Заморы и потягивал розовое вино со льдом, поджиная гостей. Гости опаздывали.

Черепичная крыша веранды укрывала от одуряющей летней жары, кхитайское кресло было удобным, а вино – вкусным. В маленьком садике журчал фонтан и пели птицы. Сладкие цветочные ароматы наполняли воздух. Но всех этих красот сидящий на веранде хозяин дома почти не замечал, постепенно наливаясь слабеньkim вином и черной злостью.

На душе у Его светлости месьора Рекифеса Рендера скребли кошки. Большие и злые.

Во имя всех богов, древних и новых, думал он, что делает потомок старинного и гордого дворянского рода в сей смрадной луже, переполненной мерзавцами, жуликами и убийцами всех сортов и разновидностей? В этой ошибке Создателя, по чистому недоразумению получившей громкое звание города? В этом прогнившем болоте, пристанище ядовитых змей и скорпионов, норовящих исподтишка вцепиться тебе в задницу?

Проще говоря – что делаю я в Шадизаре, провались он на дно самой глубочайшей из преисподних!

Трижды проклятье! И зачем только правителям Немедийской империи некогда втемяшилась в голову блестательная идея расширить границы государства за счет никчемного клочка земли, где даже дурманные маки толком не растут? Ладно, расширили – нужно же утереть нос турanskим соседям за грядой Кезанкийских гор и присмотреть за изрядным участком проходящей здесь Дороги Королей. Тут бы вовремя и остановиться, так ведь нет!

Найти бы того умника, коему пришла на ум свежая мысль – распутать скрутившийся за столетия узел темных шадизарских делишек. Взять к ногтю враждующие банды, шайки контрабандистов, торговцев лотосом и живым товаром. Истребить под корень проходимцев, чеканящих поддельную монету, изготовителей Больших королевских печатей, ничуть неотличимых от настоящих, и совершить уйму прочих дел, достойных упоминания в летописях.

Взглянуть бы в честные глазки чинуши, назвавшего единственным подходящим человеком для такого подвига некоего Рекифеса из рода Рендеров. И предать злобного интригана самой жуткой, самой мучительной... нет! Смерть – слишком легкое воздаяние за подобную гнусность! Есть наказание получше: назначить его Верховным Дознавателем, а заодно Лордом-Протектором Шадизара.

И пусть тогда выкручивается как хочет!

...Порой месьору Рекифесу начинало казаться, что подходящих финалов его карьеры может быть два.

Первый: он обвиняет всех поголовно обитателей Шадизара, включая младенцев и стариков, в заговоре против Трона Дракона и намерении свести его, Рекифеса Рендера, с ума, требует от Бельверуса прислать сюда парочку легионов и поджигает мерзкий городишко со всех четырех концов. Воспоминания о горящем Шадизаре будут единственной вещью, способной скрасить последующие годы, проведенные под замком в каземате бельверусской тюрьмы.

Второй: он плюет к демонам свинячым на любые обязательства перед короной, разгоняет Сыскную Когорту, начинает брать взятки направо и налево, а лет через пять узурпирует власть в Шадизаре, объявляя его вольным городом. После чего из Бельверуса опять-таки заявляются карающие легионы. Недолгое, но яростное сопротивление завершается штурмом, и самозваный правитель с гордо поднятой головой отправляется на плаху. Скорбящие жители провожают его горестными воплями и забрасывают букетиками желтого лотоса... по пять сиклей за связку.

Как говорят шемские торговцы – оно мне надо?..

За минувший год Рекифес не раз и не два ощущал себя на месте того мальчика из сказки, что самоуверенно пытался ложкой вычерпать море. Он разработал и протащил через Городской Совет целый свод новых законов, направленных против уличной преступности – но все его начинания разбивались о нерадивость городской стражи и корыстолюбие чиновников. Он отправлял на плаху и в соляные копи убийц, рубил руки ворам, набивал Алронг мошенниками и вымогателями, устраивал внезапные облавы в притонах; добрался даже до нескольких квартальных «старшин» – и что же? Едва его стараниями в преступной иерархии возникало свободное место, как его тут же занимал новый бандит, ничуть не лучше предыдущего. Мало того, у некоторых хватало нахальства благодарить Сыскную Когорту и лично Его светлость за посильную помощь в «продвижении по службе»!

К тому же, как видно, на небесах сочли, что всех этих испытаний и треволнений Рекифесу Рендери недостаточно, усугубив его и без того нелегкую жизнь вспыхнувшей на пустом месте сварой между представителями религиозных конфессий, обосновавшихся в Шадизаре. Митрианцы жаловались на поклонников – и особенно поклонниц Иштар, переманивающих красочными обрядами паству к себе. Госпожа Лейлит, верховная жрица иштарицийцев, недавно приволокла многостраничный донос на маленькую общину последовательниц Дэркето, яростно кляня последних за распущенность и растление нравов. Девы Дэркето робко негодовали на турецев, следующих суровым воинским заветам Эрлика – вплоть до полного воздержания, подумать только! – и приравнивавших капище Сладостной к обычному борделю...

Единственное, что объединяло верующих различных учений и их духовных наставников – ненависть к воспрянувшему в нынешнем году культу Затха, Паука Всезнающего и Всеведающего. Рекифес полагал, что поклонение Пауку уже давным-давно сошло на нет, а два его уцелевших храма пребывают в весьма бедственном состоянии. Однако горожане, что подтверждалось осведомителями, и в самом деле по неведомой причине вновь обратились к своему древнему божеству. Впитавшаяся в кровь подозрительность твердила месьору Рендери: ничего хорошего от эдаких новостей ждать не приходится. Кончится все мордобитием во имя веры, а ему опять искать виновного.

Хорошо хоть, ни единая живая душа не жаловалась на нынешнего покровителя города,

Обманщика. Правда, до Верховного Дознавателя дошел смутный слух о дерзкой выходке кого-то из Ночного Братства, стянувшего с алтаря одного из молелен Хранителя Воров ритуальный талисман, кольцо с отмычками. Зачем они кому-то понадобились, молва сказать затруднялась: отмычки были проржавевшими в прах и грозили вот-вот рассыпаться.

А тут еще новая беда. Пришла, как водится, откуда не ждали.

Из блистательной Тарантии вернулся в отчий дом Адриеш Тавилау, долгих пять лет постигавший разнообразные науки в стенах тарантийской Обители Мудрости. Помимо обширных знаний касательно языков и законов Материка, сей способный студиозус нахватался в Аквилонии всяческих вольнодумных идей, каковые идеи, едва появившись в Шадизаре, принялся увлеченно воплощать в жизнь. Мало того, сумел увлечь своей затеей младшую сестру, Юнру Тавилау. А затея была – ни много ни мало как выставить в самом неприглядном и смешном свете городские власти, ожиревшие и продажные, по мнению молодого Тавилау.

Острый ум Юнры, редкостное ехидство Адриеша и деньги «Торгового Дома Тавилау» быстро сделали сию непростую задачу не только выполнимой, но и весьма популярной сперва в узком кругу друзей (что было еще терпимо), а потом и среди народа. Вот этого Рекифес Рендер уже не стерпел. Господин Верховный Дознаватель еще мог, скрепя сердце, понять причины бандитской признательности. Но когда над ним начинали публично издеваться те, кого он всеми силами старался защитить, неподкупный немедиец приходил в самую настоящую ярость.

Доказательства возмутительной деятельности молодых Тавилау лежали перед ним на низком столике, придавленные, чтоб не унес случайный ветерок, тяжелым хрустальным графином.

* * *

Адриеш Тавилау не зря потратил годы и деньги своих родителей на учебу, поразив родных и знакомых своими многогранными талантами. Наиболее заметным из плодов юного пытливого ума стал «Вестник» – здоровенный лист скверно выделанной тряпичной бумаги, украшенный зарисовками городской жизни и подписями к ним, иногда довольно пространными и едкими. Раз в седмицу Тавилау изготавливали с десяток таких «Вестников», продавая или даря их своим приятелям из числа разумеющих грамоте. Поначалу содержание листков сводилось к пересказу слухов, касающихся мутных сливок шадизарского высшего света, перечнем победителей очередных скачек на Конном Ристалище, да кратким изложением городских и заграничных новостей.

Диковинная забава быстро нашла своих поклонников. В дни выхода нового «Вестника» у ворот имения Тавилау теперь всегда торчала кучка слуг, отправленных с поручением любыми средствами раздобыть свежий листок. Среди прислуги отыскались свои грамотеи, вслух зачитывавшие любопытным собратьям изложенные в «Вестнике» сплетни. Далее, заполучившие долгожданный листок господа считали своим долгом заказать писцам снять копии – для друзей своих друзей, и «Вестник» расползался по зажиточным кварталам быстрее моровой язвы. Писцы за малую мзду или просто за угощение пересказывали

прочитанное в тавернах, добавляя, кто во что горазд, пикантных подробностей от себя...

Мельком глянув на парочку доставленных ему листков, Верховный Дознаватель счел новое повальное увлечение богатой молодежи вполне безобидным – но, как выяснилось, ошибся. В последующих «Вестниках» разошедшийся Адриеш Тавилау принял излагать свое мнение относительно продажности городского Совета, сообщив также подробности кое-каких личных пристрастий уважаемых советников. Где предприимчивый юнец брал сведения – для Рекифеса пока оставалось загадкой. Но, как видно, кое-что из сплетен оказалось правдой, и однажды некие личности крепко избили не в меру любопытного студиозуса в темном переулке.

Любой благоразумный человек почел бы за благо свернуть лавочку, однако понятие благоразумности и Младший Тавилау явно никогда не были близко знакомы. Он продолжал выпускать свой омерзительный листок, правда, сделался осторожен и ходил по городу не иначе как в сопровождении двух телохранителей. (Что до Юнры, его сестры, то последняя и прежде крайне редко покидала хорошо охраняемое отцовское имение.) Зато случившаяся с юношем незадача странным образом прибавила ему популярности, и подстрекаемый гордней Адриеш перешел к торговым Гильдиям, а от них – к Дознавательной Управе вообще и Сыскной Когорте в частности.

Вот тут-то Рекифес начал постепенно закипать. Если верить Адриешу, Когорта состояла исключительно из скудоумных тупиц, возглавляемых высокомерным солдафоном, с рождения лишенным как мозгов, так и малейшего воображения. Продажность дознавателей, согласно утверждениям Младшего Тавилау, не шла ни в какое сравнение с жадностью ростовщиков Каменного Рынка, а настоящие преступники могли спать спокойно – при условии, если они поделились частью своей добычи с Когортой. Разумеется, только полный болван способен поверить заверениям человекаохранителей, якобы все добро, столь виртуозно похищенное за последние луны двергами Чамгана, будетозвращено законным владельцам...

Последнее утверждение просто довело месьора Рендера до белого каления. Он бросил свои лучшие силы на выслеживание этих распроクリятых коротышек, умудрявшихся с непостижимой ловкостью обходить самые хитроумные ловушки и запоры! Его люди накрыли двергов с поличным при попытке вывезти награбленное за пределы города! Предотвратили ограбление городской казны шайкой Назирхата уль-Вади – между прочим, одной из наиболее опасных, прикончив ее вожака!..

А потом какой-то юнец, ровным счетом ничего не понимающий ни в сыском деле, ни в политических хитросплетениях, осмеливается раскрывать свой рот и тявкать, обвиняя Верховного Дознавателя во всех мыслимых и немыслимых преступлениях!

Что самое досадное, дружная парочка до поры до времени пребывала в полнейшей безнаказанности. Любые причиненные им неприятности обращались сугубым неудовольствием хоть и одряхлевшего летами, но все еще грозного Аземы Тавилау, главы Гильдии Антикваров, обладателя второго или третьего по величине состояния в Шадизаре. Младшие Тавилау сидели у Рекифеса в самых печенках, но достойный человекоохранитель даже не рискнул потребовать от них прибыть на улицу Ратай, где находились казармы Сыскной Когорты, не говоря уж о том, чтобы прислать за ними отряд вооруженной гвардии.

Вместо этого, скрепя сердце и скрипя зубами («Говорила мышка кошке – заходи на огонек...»), Верховный Дознаватель пригласил свою головную боль в ближайшее же время нанести приватный визит в некий дом в конце улицы Изис на границе зажиточного квартала

Ламлам. Таковой дом являлся казенным владением Немедийской короны и отводился для проживания Его светлости, но Рекифес вспоминал о его существовании не чаще чем раз в седмицу, а навещал и того реже.

* * *

— ...Ваша светлость, гости прибыли, — вкрадчиво сообщил слуга-кофиец, возникнув из ниоткуда рядом со столиком. — Прикажете впустить?

— Прикажу, прикажу, — буркнул Рекифес. — Проводи их сюда. Да принеси еще вина.
Слуга удалился, кланяясь.

Немедиец мрачно покосился ему вслед. Выгнать бы мерзавца, подумал он. Наверняка ведь ворует. Вон как двигается — ни одна половичка не скрипнет. И ловок, должно быть, что твоя кошка... Все воруют. Одно жульё вокруг. Что делать честному человеку, потомственному немедийскому дворянину, в городе, где одна половина населения ворует у другой?.. Мысли Дознавателя двинулись было вновь по привычному кругу, но тут на веранде появились долгожданные визитеры, а пустой графин на столе сменился полным.

Адриеш оказался красивым юношем, как две капли воды похожим на Старшего Тавилау, каким тот был, наверное, лет с полста тому — хорошо сложенным, рослым, с густыми черными кудрями и с постоянной полуулыбкой на губах. Выражение его лица будто говорило собеседнику: «А я про тебя кое-что знаю!» Одет он был броско, богато и по последней столичной моде, так что молчаливая, худощавая и скромно одетая Юнра рядом с братом казалась совершенно невзрачной. На увертывания Рекифеса Адриеш отвечал уверенно и напористо, а затем и сам перешел в атаку — должно быть, знал, что нет обороны лучше нападения.

Чем дальше, тем больше Рекифес терял терпение. Этот тип людей был хорошо знаком и неприятен многоопытному немедийцу: самовлюбленный мальчишка, полагающий, что весь мир обязан крутиться вокруг него одного. Адриеш слишком явно гордился своим умом и проницательностью, а еще того пуще — состоянием своего отца (в котором, если разобраться, у сына не было ни малейшей заслуги). К тому же его обманчиво вежливый тон содержал столько скрытого ехидства, что в конце концов изначальное намерение Верховного Дознавателя сохранять спокойствие испарилось начисто.

Он прервал нахального юнца посередине очередной язвительной фразы самым незамысловатым образом — грохнув кулаком по разбросанным на столе экземплярам «Вестника». Оба Тавилау, подскочив от неожиданности, в испуге взорвались на немедийца.

— А теперь послушайте меня внимательно, *ваша светлость*, — в эти два слова Рекифес влил столько яду, что достало бы отравить быка: семейство Тавилау, будучи лишь купеческим домом, не имело прав на дворянский титул. — Хватит болтать попусту. Если по молодости лет вам не хватает своего ума, чтобы представить последствия своих выходок, так я вам скажу. Прямо и грубо, как подобает тупому солдафону — я ведь, по-вашему, таков? Так вот: вы распускаете гнусные сплетни о представителях городской знати, об уважаемых семействах...

— Это не сплетни! — перебил разом побледневший юноша.

— Если это правда, будь любезен представить доказательства! — рявкнул немедиец,

окончательно плюнув на условности. – А пока все вот это, – Рекифес сгреб пачку «Вестника» и потряс бумажным ворохом перед носом отшатнувшегося студиозуса, – ничем не отличается от похабных рисунков на заборе! «Городской Совет страдает слабоумием», каково? «Аристократка участвует в ритуалах чернокнижников», полный вздор! Или «советник Арлин тайно посещает бордель для мужеложцев» – ты его там видел, в этом борделе?! Может, свидетелей приведешь?! Я тебе говорю: если вы не угомонитесь, ты и твоя сестрица, у Дома Тавилау будут большие неприятности! Хочешь восстановить против себя всю городскую Управу и весь квартал Ламлам? Хочешь разорить свою семью бесконечными судами? Ну так разориши! Это во-первых, а во-вторых...

– Но ведь... – заикнулся Младший Тавилау. Рекифес не дал ему и рта раскрыть.

– ...а во-вторых, почтенный месьор Тавилау, вам и этого мало, как посмотрю. В последнее время взялись за немедийского наместника, за Сыскную Когорту и за некоего Рекифеса Рендера лично. Так вот, сынок, я тебе напомню «Уложение о вышестоящих», разделы пять и шесть, а еще – «Об оскорблении власть предержащих словом либо делом»... на первый раз замеченные в клевете на власть получают тюремное заключение либо платят большие деньги отступного, а на второй присуждаются к прилюдному бичеванию и седмице у позорного столба... Что, пробрало? Да-да, бичевание и позорный столб, и замена наказания денежным штрафом не допускается!

Адриеш вдруг вскочил, опрокинув кубок, всхлипнул и опрометью бросился прочь с веранды.

Давно уже месьор Верховный Дознаватель не испытывал такого мстительного удовлетворения. Проводив взглядом мелькнувшую в саду фигуру, немедиец твердой рукой наполнил свой кубок и с наслаждением выпил до дна.

– Месьор Верховный Дознаватель...

Сестра Адриеша, Юнра, не улизнула следом за нахальным братцем – по-прежнему сидела напротив Рекифеса, выпрямившись и чинно сложив руки на коленях. С самого появления в доме она впервые подала голос, и Рекифес взглянул на девушку пристальнее.

– Ну? – не очень-то вежливо буркнул он.

– Извините моего братца, – Юнра подумала и добавила почти умоляющим тоном: – Пожалуйста. Я его сколько раз предупреждала: осторожнее в высказываниях. Он слишком привык к вольности рассуждений Обители Мудрости. Вдобавок вы просто ему не нравитесь, месьор Рендер. Адриеш терпеть не может, когда ему начинают приказывать, что делать и как поступать. Он и «Вестник» придумал исключительно ради того, чтобы насолить вам и Когорте в вашем лице. Но, если хотите знать мое мнение... – она сделала паузу, вопросительно косясь на Рекифеса, отделенного от нее простором стола.

– Хочу, – сказал немедиец.

– За десять лет я успела повидать пятерых ваших предшественников, присланных сюда из Бельверуса, – осторожно начала девица Тавилау. – Двое незамысловато спились. Третий проворовался так, что это было чересчур даже для Шадизара, четвертый предпочитал ни во что не вмешиваться. Целыми днями сидел на этой самой веранде и глядел на улицу. Последний, тот, которого сменила Ваша светлость, исчез. Вышел вечером из Управы и сгинул без следа. Все они сразу же невзлюбили это место – в точности как вы. Но никто из них не пытался что-то изменить – и этим вы от них отличаетесь. Знаю, такой замысел, переделать Шадизар, кажется изначально обреченным на провал. Но ведь можно хотя бы попытаться... Мы – я, Адриеш, наши друзья – очень любим наш город, хотя он порой смахивает на садок со

змеями. И если бы мы могли чем-то помочь...

— Благодарю, вряд ли, — отмахнулся месьор Рендер. Впрочем, суровый немедиц не мог не признать, что проникновенная речь девицы Тавилау весьма польстила его самолюбию. — И все-таки, госпожа Тавилау...

— Просто Юнра, — девица на миг наклонила головку с гладко причесанными светлокаштановыми прядями. Она не носила ни длинных тяжелых серег, ни золотых ожерелий и браслетов, больше смахивающих на драгоценные кандалы, ограничившись незамысловатыми янтарными бусами.

— ...и все-таки, Юнра, затею с изготовлением «Вестников» придется прикрыть.

— Совсем? — жалобно пискнула Юнра.

— Совсем, — непререкаемо изрек Рекифес. Девица уныло вздохнула. — И вдобавок по истечении этой седмицы сундуки вашего папеньки оскудеют на сотню империалов — за словесное оскорбление служителей власти, «Уложение о вышестоящих», раздел пятый и шестой. Закон есть закон, понятно? Надеюсь, после такого кровопускания почтенный Азема растолкует своему сынку, что здесь ему, умнику, не Аквилония.

— Платить будет Адриеш, — отрицательно помотала головой Тавилау-младшая. — Отцу вовсе необязательно об этом знать. Я прослежу, чтобы Адриеш заплатил из своих средств, а не запускал руку в семейные накопления. Скажите, если брат не расплатится, его отправят за решетку, да?

— Учитывая происхождение и то, что прежде он ни в чем не обвинялся... Посидит седмицу в Алронге. Но я сомневаюсь, что до этого дойдет, Дом Тавилау не допустит такого скандала... А жаль, парню пошло бы на пользу. Что касательно помощи... — он призадумался.

В самом деле, чем может помочь Сыскной Когорте семейство Тавилау? Разве что золотом да еще пересказом того, о чем поговаривают в богатых домах квартала Ламлам. Или докладами о том, какие новые товары, не имеющие печати Таможенной Управы, появились на Пергаментной Аллее... но ни Юнра, ни ее братец доносить, конечно же, не станут. Рекифес был более чем уверен, что контрабанда редкостей приносила Дому Тавилау определенный доход. С другой стороны, не так уж часто представители знатных семейств столь открыто и искренне предлагают свое содействие... Престиж городской стражи в последнее время весьма невысок...

— Городская стража уже давно стала всеобщим посмешищем, — то ли девица Юнра умела читать мысли, то ли размышляла о схожих вещах. — Вот если бы вы совершили нечто такое, что встряхнуло бы весь город... Заставить их если не доверять Когорте, то хотя бы испугаться и задуматься, прежде чем совершить что-то противозаконное? Мы могли бы написать про вас в «Вестнике», подробно, от начала до конца. Восстановить ваше доброе имя... о вас заговорят с уважением...

— О нас и так говорят, — пробормотал Рекифес, — только слушать такое неохота... И что же ты собираешься описывать, чтобы «восстановить имя»?

— Ну, к примеру... Слухи о двергских сокровищах — правда? — оживилась Младшая Тавилау. — Вы поймали этих вороватых гномов? Что с ними стало — я имею в виду и коротышек, и добро, которое они прикармнили? Можно начать хотя бы с этого...

Едва не подавившись глотком вина, Рекифес вскинул ладони в протестующем жесте. Верховному Дознавателю отнюдь не хотелось, чтобы некоторые подробности этой странной истории стали всеобщим достоянием. К тому же толком он ничего и не добился — двергов,

сопровождавших памятный караван, пришлось отпустить, и они укрылись за надежными вратами квартала Чамган. Единственный уличенный виновник, дверг по имени Альбрих, в суматохе куда-то сгинул. Стража на трех городских воротах клянется всеми богами и могилами любимых бабушек, что мимо них гном с определенными приметами не проскакивал...

Должно быть, судьбе показалось, что Рекифес Рендер и госпожа Юнра Тавилау не дали себе труда как следует задуматься – и судьба в кои веки пошла им навстречу.

* * *

Судбоносный намек первым заметил господин Дознаватель, случайно взглянувший на улицу и озадаченно нахмурившийся. У покосившейся калитки перед входом в его жилище неизвестно откуда появился паланкин – с тиснеными кожаными занавесками, запряженный двумя породистыми мулами и сопровождаемый четверкой громил чрезвычайно мрачного и целеустремленного вида. Управлял мулами некий смутно знакомый Рекифесу тип: тощий пронырливый парень, смахивающий на хорька в человеческом обличье. Впрочем, сравнение с лисицей подошло бы ему больше – у молодого человека были длинные рыжие лохмы, выгоревшие на солнце до песочного цвета и увязанные на затылке в пышный хвост.

Остановив упряжку точно напротив калитки, рыжий широким жестом откинул занавеску паланкина. На пыльные камни мостовой поспешно выпорхнула девица-служанка… а уж за ней с достоинством последовала хозяйка – некая особа, с ног до головы закутанная в покрывало бледно-кремового шелка.

– Это кто? – захлопала ресницами Юнра, приподнимаясь со своего табурета.

– Представления не имею, – рассеянно молвил месьор Рендер, думая отнюдь не о задрапированной в шелка даме, но о том, где же он мог видеть этого возницу с хитрой лисьей физиономией. Совсем недавно, дней пять тому или чуточку побольше...

Гости приблизились к калитке, служанка что-то сказала сторожу, потрясенно вытаращившему глаза и попытавшемуся взять «на караул», когда дама и двое ее сопровождающих проходили мимо. Паланкин и телохранители остались дожидаться возвращения госпожи на улице, а та невозмутимо прошествовала по вымощенной красным гравием дорожке, поднялась на крыльцо и остановилась, обеими руками откладывая с лица шелковую ткань.

Девица Тавилау слабо ойкнула, а Верховный Дознаватель на пару ударов сердца потерял дар речи. Нужно и в самом деле быть полным болваном, чтобы после единственной встречи не сохранить образ этой великолепной женщины в самом потаенном уголке сердца.

Высокая и стройная, с правильными чертами лица и широко поставленными сероголубыми глазами, хранившими рассеянно-вежливое выражение, она была безупречна и совершенна – от кончиков ухоженных розовых ногтей до тщательно уложенных крупными волнами и перевитых жемчужными нитями локонов сочного пшеничного цвета. Клелия Кассиана диа Лаурин, красавица-аристократка из блестательной Ианты Офирской, даже искушенному взгляду представала кем-то вроде спустившейся с небес на землю богини. И почти каждый житель Столицы Воров, кому довелось взглянуть на прекрасную офорку хотя

бы мельком, немедленно задавался вопросом: во имя Единого, что делает это дивное создание в нашем захолустье?!

Тем не менее, оффирская графиня жила в Шадизаре уже не меньше луны, пресколько вмешиваясь в местные дела и заводя весьма странные и неподходящие для особы ее положения знакомства. Рекифес уже сталкивался с ней, на Воловьей площади у стен тюрьмы Алронг, где по милости госпожи графини сорвалось показательное наказание изловленных злоумышленников. Ей позарез требовалось вернуть свободу какому-то юнцу с Полуночи, и она своего добилась – правда, вместе с улизнувшим мальчишкой удрало еще не меньше десятка тех, кто вполне заслуживал казни через повешение.

– Госпожа Кассиана, – Рекифес вновь обрел дар речи, заодно вспомнив о правилах хорошего тона и о том, что надо бы встать. Украдкой он покосился на Юнру Тавилау – восхищенная девчонка зачарованно таращилась на оффирскую гостью и уходить отнюдь не собиралась. – Вам повезло, что вы меня застали. В этом доме я бываю нечасто… наверное, кто-нибудь подсказал?

– Ах, вижу, вы меня не забыли, месьор Рекифес, – ясные очи красавицы подернулись мечтательной поволокой. Клелия невозмутимо опустилась в свободное кресло. Следовавшие за ней рыжий парень и тоненькая глазастая девушка с каштановыми косами, похожая на уроженку Полуденного Побережья, остались стоять, скромно отойдя на пару шагов. – Вы правы, нашлись добрые люди, подсказали, где вас найти. Мы сперва приехали к Дознавательной Управе, там сказали, что вы у себя дома, и мы отправились сюда… Спасибо, милейший.

Последнее относилось к прислужнику, притащившему серебряный поднос с чашами и плявшемуся на госпожу Кассиану, ровно на земное воплощение божества.

Дознаватель, рассеянно взявший бокал, с удивлением обнаружил в нем «Золотую лозу Либнума» – не менее двух ауреев за кувшин, да и то если места знать. Не иначе, слуги расщедрились за его счет. Впрочем, ради Клелии диа Лаурин самый прожженный убийца расстелился бы ковриком – а ей не пришлось бы даже мизинцем пошевелить.

– Чем обязан столь неожиданному визиту? – светски поинтересовался немедиец. – Кого спасаете на сей раз?

– На сей раз никого не спасаю, – госпожа графиня чуть пригубила из кубка, вежливо сделав вид, будто не замечает блеска латуни, нахально просвечивающей из-под фальшивой позолоты. – Скорее, месьор Рендер, наоборот. Разыскиваю преступников ради справедливого возмездия.

Упоминание о мести и госпожа Клелия Кассиана так же не вязались между собой, как наемная плакальщица и свадебная церемония. Рекифес поднял бровь, демонстрируя крайнюю степень изумления. Девица Тавилау вовсе целиком обратилась в слух, одновременно стараясь стать как можно незаметнее.

– Я разыскиваю человека или людей, седмицу назад разгромивших и сжегших постоянный двор… как его… – Клелия нетерпеливо щелкнула пальцами.

– Таверна «Уютная нора» в Третьем Обманном переулке квартала Нарикано, принадлежавшая Лоркане Бритунийке, – вполголоса подсказал рыжеволосый молодой человек.

Вот теперь Рекифес его припомнил. Хизуне или как-то в этом роде. Изготовитель фальшивых документов, входивший вместе со своей подружкой в маленькую шайку, обитавшую в этой самой таверне. Точно, седмицу назад Дознаватель самолично посетил

закопченные руины постоянного двора, равнодушно поразившись ничем не оправданной жестокости налетчиков.

Безобидную (по сравнению с прочими бандами) шайку из «Уютной норы» вырезали почти полностью. Нападавшие не оставили после себя ни свидетелей, ни следов. Появились, сделали свое дело и исчезли. Что стало с уцелевшими членами компании, Рекифес не имел представления, но рыжий Хизуне – да нет же, его кличут как-то иначе! – сумел неплохо устроиться. Да еще, как пить дать, убедил новую покровительницу обратиться к властям за помощью в разысканьях неведомых убийц.

– «Уютная нора», – в задумчивости протянул месьор Рендер. – Где, помнится мне, никто ничего не видел и никто ничего не знает. Ты, – он ткнул пальцем в молодого человека, – как там тебя?.. Хисс? Так вот, ты ведь жил в этой «Норе», и я с тобой беседовал на следующее утро. Что ты тогда сказал, напомни?

– Я тогда не ночевал в таверне, – мрачно буркнул рыжий. – Когда прибежал утром, уже все закончилось, – он повернулся к своей госпоже: – Я ведь предупреждал, не станет он помогать. Кто мы – никто и звать никак.

– Там погибли невинные души, – в устах Клелии высокопарная фраза, обращенная к немедийцу, прозвучала вполне естественно. – Например, девушка-предсказательница Феруза Кайлиени. Неужели ее безвременная и насильственная кончина не имеет в глазах закона никакого значения?

– Одной мошенницей стало меньше, – Рекифес увидел сдвинувшиеся брови госпожи графини и запоздало пожалел о своих необдуманных словах. Туранку Ферузу он знал – впрочем, ее знал или о ней слышал почти весь Шадизар. Девица могла считаться живой редкостью, ибо в отличие от прорвы шадизарских лжепророков, гадалок и прочего шарлатанского сброва на самом деле обладала даром предвидения. Туранку прикончили по совершенной случайности – она стояла на улице, оказавшись на дороге у покидавших разгромленный трактир убийц.

Немедиец поспешил сменил тон.

– Ладно, прошу прощения. Лично мне очень жаль Ферузу... и ее погибших друзей тоже... но что я могу поделать? Я ведь не колдун, чтобы прочитать имя убийцы в воздухе.

– Почему Кайлиени? – робко подала голос забытая всеми Юнра Тавилау. – Ее полное имя – Феруза иси-Мансур-ат'Джебеларик, как принято в Туране. Мой отец и его команьоны часто приглашали ее погадать, да я и сама тоже пользовалась ее услугами...

– За день до своей гибели она вышла замуж, – пояснил Хисс. – Её безвременно овдовевшего супруга зовут Аластор Кайлиени.

– Феруза вышла замуж за Аластора?! – лицо Младшей Тавилау в точности уподобилось мордочке гончей собаки, вставшей на еще теплый след добычи. – За того самого?.. – она осеклась, вовремя вспомнив, что находится в обществе Верховного Дознавателя Заморийского протектората.

– Именно что за того самого, – с мрачным удовлетворением подтвердил Рекифес. – Эта невинная душа согласилась стать женой взломщика по кличке Дурной Глаз, которого уже лет пять или шесть упорно разыскивают в Зингаре, Аргосе, Офире, Аквилонии и Немедии, не говоря уже о странах поменьше. Совершенно не удивлюсь, если его не любят также в Стигии, Дарфаре и Пиктских Пустошах – красавчик не погнушается спереть даже любимый фетиш пиктского шамана, если в том фетише будет хоть пол-унции золота... Кстати, Хисс, куда эта живая легенда подевалась после похорон своей якобы благоверной, уж не знаю, которой по

счету? Заливает горе в «Коринфских садах» или приглядывается к чьей-нибудь сокровищнице?

Хисс прикинулся глухим на оба уха и немым от рождения, но Клелия Кассиана показала скрытые до поры коготки. Ее голос стал холоднее льда на вершинах Карпашских гор:

– Не «якобы благоверной», месьор Рендер, постарайтесь усвоить это лучше. Мой старый друг Аластор и девушка Феруза состояли пускай в кратком, но законном браке. И, между прочим, он крайне подавлен этим печальнейшим событием!

– Если мне повезет узнать, где он скрывается, я принесу ему соболезнования по поводу утраты, – хмыкнул Верховный Дознаватель. – Госпожа Клелия, постарайтесь меня понять – такому типу, как ваш дружок Дурной Глаз, место только за решеткой, как бы симпатичен лично вам он не был. Буду только рад, ежели его подавленность обернется решением убраться из Заморы, а еще лучше – подыскать себе иное ремесло.

– Значит, вы отказываетесь исполнять свой долг и разыскивать убийц? – ровным, не предвещающим ничего хорошего тоном произнесла графиня Лаурин.

– Всему свое время, – отрубил Рекифес. – У Дознавательной Управы есть заботы поважнее, чем погром в завшивевшем кабаке. Я, конечно, могу отрядить туда двоих-троих своих людей, пусть посмотрят, расспросят соседей… Может, спустя несколько дней кто-то что-то вспомнит. Скажем, подозрительных незнакомцев, шаривших вокруг постоянного двора…

Клелия резко поднялась, зашуршав шелками, и тут на редкость вовремя встряла Юнра:

– Послушайте, ведь это и есть тот самый подходящий случай!

– Какой случай? – непонимающе переспросил месьор Рендер.

– Случай для того, чтобы поднять авторитет Сыскной Когорты! – девица Тавилау выбралась из-за стола и торопливо заговорила, помогая себе быстрыми взмахами рук: – Да, само по себе убийство Ферузы Кайлиени ничего не значит… Кроме того, что ее весьма многочисленные знакомцы очень и очень огорчатся. Но если будут найдены виновные и это сделает Когорта… Мы изложим историю поисков в «Вестнике» и…

– И твои приятели весьма позабавятся, читая ее на сон грядущий, – перебил Рекифес. – Ваш «Вестник» не выходит за пределы гостиных в Ламламе. Вот если бы… – какая-то обособленная часть его разума привычно защелкала, соединяя одно с другим и выстраивая стройной цепочкой. – Госпожа Кассиана, не спешите обливать меня презрением. Дадите денег?

– Сколько, кому и зачем? – немедленно откликнулась блестательная огирская графиня.

– Для начала – вот этой вздорной девице. Это Юнра Тавилау, дочь почтенного Аземы Тавилау, вы должны его знать, – Дознаватель запоздало представил женщину друг другу. – Юнра и ее братец творили вот эту гадость, – он хлопнул ладонью по расстеленному на столе листу «Вестника». – Больше творить не будут…

– Но… – пискнула Юнра.

– …не будут, говорю. Но напоследок два десятка писцов, которые сейчас под крышей особняка Тавилау понапрасну переводят время и пергамент, напишут по меньшей мере сотню небольших листков с одной-единственной фразой: «Щедрое вознаграждение любому, кто знает что-то о нападении на таверну „Уютная нора“». Слова „щедрое вознаграждение“ в этой дыре понимают даже неграмотные. Те, кто отправится развесливать эти листки, растолкуют зевакам, куда приходить и кого спрашивать. Громко растолкуют. Дня через три слух разойдетя по всему городу, особенно если кое-кто привлечет своих знакомцев, –

Рекифес многозначительно покосился на хмурого Хисса и озадаченную Юнру. – К вам потянутся люди. Большей частью всякий сброд в надежде поживиться на дармовщинку, но среди них наверняка отыщется пара-тройка тех, кто на самом деле что-то видел, слышал, знает... Полагаю, вы отыщете способ отделить пустой песок от подлинного золота?

– Отыщу, – прекрасная офирика в задумчивости повертела в пальцах кубок. – Способ я, конечно, отыщу, но... Месьор Рендер... разве это не ваше дело – искать преступников и допрашивать свидетелей? Почему «всякий сброд» повалит *ко мне*? Почему не к вам в Управу? Если дело только в деньгах, назовите сумму...

– Вы уж не обессудьте, госпожа Клелия, но именно к вам, – покачал головой немедиц. – Если пустить слух, что вознаграждение дает Рекифес Рендер, а для беседы приглашает в Управу, то я успею состариться в ожидании первого свидетеля. Подозреваю, скорее в пустыне расцветут сады, чем хоть один из жителей этого проклятого богами городишко по доброй воле свяжется с моей Сыскной Когортой... Впрочем, обещаю, что и я не буду сидеть сложа руки. Просто у меня свои способы. Сперва мы сделаем вот что...

* * *

– Мельница слухов крутится медленно, но перемалывает все, – высказалась госпожа Клелия, когда дом в улице Изис скрылся за поворотом. – Странно, почему мы сразу об этом не подумали? Господин человекаохранитель прав: в большом городе нелегко сохранить что-либо в тайне, слишком много вокруг внимательных глаз и любопытных ушей. Я верно рассуждаю, Хисс?

– Совершенно верно, госпожа Клелия, – рассеянно откликнулся рыжий мошенник, думавший о чем-то своем. Он шагал слева от паланкина, придерживаясь рукой за деревянный брус. – Теперь хорошо бы еще среди всех этих глаз и ушей сыскаться один болтливый язык. Да чтобы болтал по делу. Да еще неплохо бы познакомиться с этаким чудом прежде, чем этот язык отрежут.

Леди Кассиана и ее горничная Лия Релатио устроились на своих местах внутри паланкина, слегка потеснившись, чтобы дать место Юнре Тавилау. Последней место в экипаже милостиво предложила сама госпожа Клелия – ибо невместно девице из знатного дома ходить по городу пешком и без охраны, а между тем ее бежавший братец исчез вместе с фаэтоном. К тому же дамы собирались обсудить наедине кое-какие подробности предстоящей затеи.

Занавеска пребывала откинутой, поскольку госпожа желала поговорить. От мрачного пророчества Хисса по прекрасному лицу офирики пробежала тень недовольства, Юнра улыбнулась, что же до Лии, то смешивая горничная только фыркнула в ответ.

– Один такой язык я знаю, – сказала она. – Змеиный такой, раздвоенный. Болтает не переставая, хоть и не по делу. Может, потому до сих пор и не отрезали?

– Спасибо тебе, милая, – буркнул Хисс Змеиный Язык. – Всегда знаешь, чем порадовать.

– Кстати, Хисс! Куда подевались твои приятели? – мысли Клелии Кассианы стремительно перескочили на другой предмет. – Шелам и второй, этот забавный мальчикварвар, вы еще прозвали его Малышом?

— По правде говоря, не знаю, — Хисс ощутил нечто вроде легкого укора совести. Ши Шелам и неразлучный с ним Малыш как в воду канули, а он был слишком занят собственными делами и горестями, чтобы интересоваться участью друзей.

— Найди их, — приказала Клелия. — Узнай, чем они заняты. Возможно, они тоже захотят участвовать в наших поисках. Можешь отправляться прямо сейчас, — она сделала быстрый и легкий жест кистью, словно отталкивая нечто невидимое. — Ступай, но постарайся вернуться к вечеру.

Маленькая процесия отбыла, держа направление к богатому постоялому двору «Рубиновая лоза», где временно поселилась графиня диа Лаурин, и Хисс махнул на прощание высунувшейся из паланкина Лиа. Юнра и госпожа Клелия уже принялись что-то горячо обсуждать. Змеиный Язык был уверен, что Младшая Тавилау быстро найдет общий язык с огирской гостью, вот только замысел их никуда не годился — по причинам, о которых Хисс пока предпочел бы умолчать.

Молодой человек в задумчивости потоптался на краю пыльной мостовой, выложенной потрескавшимися плитами. При последней встрече Ши и Малыш располагали довольною кругленькой суммой в огирском серебре, а крышу над головой им бралась предоставить Деянира Эйтала, приятельница Малыша. Всего две седмицы назад Диери пребывала в незавидной, но относительно прибыльной должности содержанки одного из городских Советников, Намира по прозвищу Племенной Жеребец. К большому сожалению девицы, ее покровитель не отличался ни щедростью, ни мягкостью нрава, и она не слишком горевала, когда в один прекрасный день Советник приказал долго жить. Намир поселил свою пассию в зажиточном квартале Ламлам, в местечке, именовавшемся Обителью Куртизанок. Если у троицы пока еще хватает средств оплачивать жилье, отыскать их не составит труда. За пару медных кафаров любой здешний побиушка или скучающий на углу стражник с готовностью укажет дом, где проживает некая девица Эйтала, а то еще и проводит до порога, дабы ищущий не заблудился.

Шагая по улицам Ламлама, Хисс размышлял о причудливых хитросплетениях судьбы, которая отнимает одной рукой, тут же даря другой что-то взамен. Три года назад Хэлкарс Целлиг из Альстейна Немедийского — именно так звучало настоящее имя Хисса по кличке Змеиный Язык — умудрился из-за собственной глупости и жадности утратить принадлежавший ему по праву рождения баронский титул, место при дворе Бельверуса и расположение грозного Вертрауэна. Вместо этого он открыл для себя Шадизар с его сверкающей круговертью золота и обмана, свел знакомство с пронырливой шемиткой Кэрли, ставшей его подругой и верной напарницей, и нашел друзей там, где совершенно этого не ожидал. Шадизар и Хисс Змеиный Язык пришли друг другу по душе, а теперь неугомонная Кэрли и его добрые приятели лежат на Кладбище-под-Платанами, и он истинным чудом не разделил их судьбу.

Спрашивается, что последовало за этими трагическими событиями?

А то, что милейшая особа Лиа Релатио, с которой он недавно познакомился, внезапно прониклась к рыжему мошеннику самым искренним сочувствием. Собственно, два дня после бойни в Обманном переулке он безвылазно торчал у Лиа, утешавшей приятеля всеми доступными женщине способами. В конце концов девушка предложила Хиссу устроить встречу со своей госпожой — вдруг та согласится оказать ему покровительство? При одном условии: госпожа Кассиана желает знать все о служащих ей людях. Пытаться что-то от нее скрыть бесполезно, да и ни к чему. Госпожа прекрасно понимает, что в затруднительных

положениях люди часто вынуждены совершать поступки, которых стыдятся впоследствии.

«Никто не безупречен», – поддерживая себя этим соображением, Хисс поведал Клелии Кассиане свою невеселую историю, честно признавшись, что подтвердить рассказ ему нечем, а поверить в эдакую повесть довольно тяжело. Выслушав, графиня Лаурин еле заметно скривилась, вздохнула и задала единственный вопрос: желает ли бывший немедийский барон восстановить свое доброе имя или его больше устраивает облик шадизарского жулика Хисса?

Вообще-то Хисс собирался произнести целую речь касательно своей пропащей судьбы. Мол, он приложит все усилия, оправдает доверие и далее до бесконечности, пока у Клелии голова кругом не пойдет от громких и ничего не значащих слов.

Вместо этого он устало брякнул: «Не знаю».

Такому ответу госпожа Кассиана почему-то обрадовалась, хлопнула в ладоши и заявила, что отныне он у нее на службе. В качестве кого – не имеет значения.

А на следующий день Клелия диа Лаурин загорелась идеей разыскать убийц, напавших на «Нору». Будучи не слишком искушенной в тайных сторонах шадизарской жизни, госпожа Кассиана решила прибегнуть к помощи закона – несмотря на отговорки Хисса и старшего над ее охранниками, Рейфа. Последний отлично понимал, что так дела в Шадизаре не делаются, но возражать хозяйке не посмел.

Что ж, чего-то госпожа Клелия добилась. По крайней мере, глава Дознавательной Управы сулился помочь – если ему ткнут под нос улики и свидетелей. Сам Хисс предпочел бы обойтись без участия Сыскной Когорты... но, с другой стороны, ловить рыбу в мутной воде куда как сподручнее.

Теперь бы еще отыскать Ши и Малыша, да потолковать как следует...

* * *

Домик, где проживала Диери Эйттола, удалось отыскать довольно быстро – маленькое двухэтажное здание, выкрашенное в светло-желтый цвет, пряталось в тени слегка увядших из-за летней жары чахлых осокорей. Хисс уже собирался подняться по вытершимся ступенькам, когда до его ушей долетел призывный посвист, а из проулка за домом высунулась до боли знакомая физиономия и замахала руками. Уцелевшая часть теплой компании из «Уютной норы» стояла в проулке, созерцая, как двое возчиков с величайшей неторопливостью взваливают на запряженную унылым пегим мерином подводу здоровенные сундуки.

Диери, Ши и Малыш – все в добром здравии. Если первые двое представляли наитипичнейшими уроженцами города у подножия Карпашских гор, то Малыш, сам того не желая, умудрялся обратить на себя внимание в любой толпе. Долговязая – и обещающая в ближайшем будущем вытянуться еще по меньшей мере на четверть локтя – обманчиво неуклюжая орясина шестнадцати лет, с вечно взъерошенной гривой черных волос и настороженно-изучающим взглядом ярко-синих зрачков. Малыш, откликавшийся еще на прозвище «Медвежонок», объявился в Шадизаре нынешней весной, придя откуда-то с Полуночи. Там он, собственно, и родился – в Нордхайме или еще каком забытом богами и

людьми местечке, получив при рождении совершенно варварское имечко Конан. Мальчишка считался учеником и воспитанником шайки из «Уютной норы», но теперь ему, похоже, предстояло сделать первые самостоятельные шаги.

Вертевшееся рядом чернявое смазливое существо шемских кровей звалось Ши Шеламом или еще Ши Умелыми Ручками. Прозвище воришко честно заслужил, будучи мастером по опустошению чужих кошельков, присваиванию всего, что плохо лежит, и умельцем в сложном деле подмены на глазах у десятка свидетелей настоящих костей фальшивыми.

Третьей была сидевшая на низкой каменной оградке девица в лиловом платье, очень подходившем по цвету к ее глазам, и с прямыми бронзовыми волосами до плеч. Хисс пока так и не взял в толк, какие скрытые достоинства обнаружила Диери Эйтоля в подростковом варваре и почему она до сих пор остается с Малышом. Вернись она в содержанки, ее жизнь – а также жизнь ее приятелей – стала бы куда легче и обеспеченнее.

Однако у Хисса хватало ума не задавать подобных вопросов – по крайней мере, в присутствии Конана, имевшего довольно своеобразные взгляды на женщин и их место в жизни. Не отличавшийся подобной сообразительностью Ши имел неосторожность дня три назад брякнуть подобную глупость, после чего на собственной шкуре выяснил, каковы ощущения птицы в полете. Варварский юноша шуток не понимал и руку имел тяжелую.

– Выставляют за неуплату или потребовалось освободить место для новой жилички? – осведомился Хисс, присаживаясь рядом с Диери.

Девица начала отвечать, но ее немедля перебил Ши:

– Представляешь, эта жирная сволочь, в смысле домовладелица… Кстати, где тебя носило? Как поживает несравненная Клелия?.. Так вот, эта жаба – домовладелица, не Клелия! – на днях заявила мне прямо в глаза: мол, у нее приличный дом, а не вовсе не притон какой-нибудь, хотя всем отлично известно…

– Ши, заткнись, – Конан, помогавший возчикам перевалить через низкий бортик особо тяжелый сундук, неторопливо подошел к приятелям. Как ни странно, Ши Шелам действительно заткнулся, причем сразу и даже без подзатыльника. – Привет, Хисс. Давно тебя видно не было.

«Власть переменилась, – с легким смешком подумал Хисс. – Да и Малыш буквально за несколько дней здорово изменился. Повзросел, что ли? И раньше-то смешлив не был, а теперь и вовсе лицо будто каменное… ну да с такими делами не только повзрослеешь за пару дней, но и поседеть успеешь…»

– Это все из-за Ши, – обиженно пожаловалась Диери, получив возможность говорить. – Мы могли и дальше жить тут припеваючи, денег хватало, но когда он начал одну за другой притаскивать сюда своих подружек…

– Что в этом такого? – немедля взвился карманник. – Не в подворотне же нам устраиваться! Называйте вещи своими именами – если это дом свиданий, то я имею полное право устраивать в нем встречи… лично для себя.

– Но хозяйке-то ты не платил, – язвительно напомнила Диери Эйтоля. – О чем тебе многократно напоминали. В последний же раз Ши перешел все границы – пригласил на огонек еще и парочку приятелей с их девицами! Они устроили таарам на полквартала, госпожа Мрида пригрозила кликнуть стражников, а поскольку кое-кому в тот миг было море по колено…

– Мы всего лишь самую малость повеселились, – с видом оскорбленной невинности

отмахнулся Ши. – И что бы не утверждала эта корова Мрида, я был трезвее митрианского жреца на проповеди! Что же касается моих приятелей, этих честнейших и уважаемых в воровском кругу людей, которым я должен сорок монет за...

– Ши, заткнись, – хором сказали Хисс и Диери.

Ши заткнулся. Вернее, перестал трещать. Однако эмоции в нем кипели, так что еще несколько ударов сердца воришко продолжал беззвучно шевелить губами, явно проговаривая до конца столь грубо оборванную речь. Тем временем возница на козлах гикнул, хлопнул кнутом, и груженая подвода неспешно поползла из проулка, переваливаясь на рытвинах. Трое приятелей и девушка двинулись следом.

– Короче, вас настойчиво попросили удалиться, – подвел итог Хисс. – Что ж, можно было ожидать. Куда теперь подадитесь?

– В «Змею и скорпиона», – уронил Малыш. – Тамошний хозяин сдает комнаты под жилье. Вернее, туда перебираемся я и Диери. Ши может катиться на все восемь сторон света. У нас в клане такого болтуна задушили бы в колыбели.

– Суровая жизнь, суровые обычаи, – хмыкнул Хисс. – И женщин своих они вырубали из камня и с ними же сочетались браком, а дети их, едва достигнув третьего года жизни, должны были голыми руками задушить пещерного медведя...

Ши заржал и заухал. Конан медленно повернул голову и одарил Хисса знакомым пристальным взглядом, не сулящим ничего хорошего.

– Это я про граскальских двергов, – с невинным видом сказал Хисс. – Цитата из «Преудивительного путешествия по земле и под нею», автор Торстен Лукавый, двести лет книге. А ты что подумал?

– Кстати о двергах, – встрял Ши. Чернявый воришко явно не способен был молчать дольше тридцати ударов сердца. – С них ведь все и началось. Ну, вся эта история с отмычками... и с «Уютной норой»... Мы тут сообща подумали...

– Да ну? А вы и думать умеете? – по привычке съязвил Хисс, но тут же сам себя оборвал. – И что же вы надумали? – спросил он уже совершенно другим тоном.

– В общем-то, ничего особенного, – уныло развел руками шемит. – Просто на другой день после похорон поспорили крепко. Конан, видишь ли, вбил себе в башку, что должен отомстить! По обычаям и согласно традиции! Кровь невинных взывает и все такое...

– Ши, – негромко и в сторону обронила девушка.

– А я что, я ничего... Да нет, я даже согласен! Нельзя это дело так оставлять... Но кому мстить-то? Где их теперь найдешь? Те поганые псы, которые «Нору» сожгли... они свое грязное дело сделали и растворились в городе, как пауки в камнях...

– Вот именно, – жестко и зло сказал киммериец. – И пока эти пауки где-то ползают живые, я спать спокойно не могу. И Райгарх не успокоится на Серых Равнинах. И...

– Месть, – произнес Хисс, точно пробуя слово на вкус. – Знаешь, Малыш... – подросток нахмурился. – Ладно, уже не малыши. Так вот, Конан, ты в этом не одинок. Причем я даже не про себя говорю. Вернее, и про себя тоже, но – помните госпожу Клелию Кассиану из Офира? Так вот – она весьма заинтересована в поимке убийц. Мало того, намерена платить за сведения и любую помощь. Очень хорошо платить. Сыскную Когорту и грозного месьора Рекифеса она уже привлекла, теперь начинается охота на свидетелей.

– Когорту? – утекающим голосом вякнул Ши. Подобно тому, как некоторые люди не выносят запаха цветущих акаций или книжной пыли, карманнику делалось нехорошо при одном упоминании Дознавательной Управы. Он даже с шага сбился, остановившись посреди

улицы. – Да вы что, с ума спятили? Мы и Когорта в одной упряжке? Отродясь такого не было, скорее уж небо на землю рухнет! Какие еще свидетели? Кто тогда жив остался – все лежали вповалку, и еще с колокол собственные имена вспоминали! Никто же ровным счетом ничего не видел, потом таверна заполыхала...

– Послушай, Хисс! А ведь те, кто напал на «Нору», поначалу не хотели убивать, – неожиданно заявил Конан. Когда мальчишка волновался или стремился как можно точнее донести свой замысел до собеседника, он начинал говорить медленно, с резким гортанным акцентом. – Тем, кто ночевал во дворе, просто прогулялись дубинками по головам – чтобы не путались под ногами. Никого из жильцов тоже не трогали, пока Ар-Гийяд не схватился за меч и не бросился пластиать врагов на кусочки. Они шли вовсе не за нашими жизнями. Им что-то другое было нужно. Что?

– Вот именно, – понизил голос Хисс, мельком поразившись способности подростка-варвара порой на удивление точно угадывать главное в разговорах и действиях. – *Что-то другое*. Вы до сих пор не догадались – что?

– Ой, мамочка моя дорогая… – довольно прозрачные намеки наконец-то пробились к цепкому, но безалаберному рассудку Ши Шелама. – Теперь ведь никак не проверить, уцелело там в руинах что-то или нет… Думаешь, они все унесли с собой – и книгу, и отмычки, и солнечный диск, и меч туранца?..

– Не сомневаюсь, – согласно кивнул Хисс. – И советую дружно поразмыслить вот о чем. Кто мог пронюхать о дивном собрании в нашей таверне? Зачем кому-то понадобились эти вещи? Есть ли способ вновь отыскать нашу добычу – а через нее и убийц, чтоб этим тварям в канаве сдохнуть? Вот что: сейчас вселяемся в «Змею и скорпиона». Все вместе. Изгнание Ши отменяется, равно как и его удушение в колыбели. О деньгах можно не думать, госпожа Клелия покроет все расходы. Нынешним вечером, как положено, отметим разом и новоселье, и встречу – а с утра… Нужно еще раз сесть, всем вместе, и подумать. Хорошо подумать. Не сомневаюсь, что-нибудь обязательно придумается.

– Так мы снова работаем вместе? – уточнил Конан, оживая на глазах.

– Опять одна банда, – кивнул Хисс Змеиный Язык.

– Вместе с Когортой? – недоверчиво спросил Ши.

– Если понадобится для дела – то и вместе с Когортой, – отрезал Конан. Немного подумал и добавил:

– Но лучше бы, конечно, без нее.

Глава вторая

Что сказал покойник

Короткий нож с диковинной поперечной рукояткой завис над раскрытым фолиантом. Медленно, словно через силу, опустился. Изогнутое лезвие надрезало пергаментную страницу у верхнего края переплета, аккуратно отделяя ее от соседок.

На подвижной физиономии Хисса появилось столь мучительное выражение, будто он добровольно отрубал собственный палец, а не вырезал пару листов из книги. В жизни рыжего мошенника имелась единственная искренняя привязанность – старинные редкие вещи, в особенности книги, – и потому он ощущал себя святотатцем, уничтожающим алтарь своего божества. Ши предложил избавить приятеля от неприятной обязанности, взяв ее на себя, но Хисс упрямо замотал головой. Замысел изначально принадлежал ему, значит, потрошение несчастной книги тоже должно лежать на его совести.

Подвергавшийся столь варварскому обхождению фолиант внушал почтение одним своим видом. Не меньше ладони толщиной, со следами былой позолоты на обрезе, обтянутый потрескавшейся черной кожей с бронзовыми накладками на уголках. Накладки украшала чеканка – ромбические щиты и перекрещенные топорики на длинных рукоятях. Две стягивающие книгу застежки изображали приготовившихся к прыжку леопардов. Изготовили том лет пятьдесят назад, и он находился в весьма хорошем состоянии – если не обращать внимания на следы огня, немного подпортившего правую нижнюю накладку и углы примыкавших к ней страниц. Однако загадочный состав, изготавляемый двергами, коим щедро пропитали стены и крышку некоего сундука, не подвел, и содержимое тайника в саду сгоревшей таверны «Уютная нора» почти не пострадало.

Ши завладел извлеченной из книги страницей, повертел ее так и эдак, с любопытством рассматривая. Воришка умел немного читать и писать на распространенных в Заморе наречиях, однако устаревшей формой немедийского языка не владел. Он узнал начертания нескольких знакомых слов, но запутался, пытаясь прочесть и перевести хотя бы фразу. К тому же текст на пергаменте имел не совсем привычный вид. Размашисто выведенные строки наезжали друг на друга, кое-где красовались темные пятна клякс и наскоро выполненные рисунки – страховидные морды демонов или отдельные части человеческих тел. Книга вышла не из мастерской переписчиков, но была собранием личных записей.

Хотя Ши Шелам не отличался большим суеверием, он испытывал настоятельное желание вымыть руки всякий раз, как ему приходилось хотя бы ненароком притрагиваться к черному переплету в позеленевшей бронзовой оковке. Малыш, после того как ему растолковали содержание и смысл книги, наотрез отказался брать фолиант в руки. Единственным, кто считал диковинную книгу истинным сокровищем – пускай весьма порочным, темным сокровищем – оставался Хисс, сейчас с подлинными душевными мучениями вырезавший из нее третий по счету лист. И план по ее использованию, как уже упоминалось, тоже пришел в голову Змеиному Языку.

...Время шло, запущенная общими трудами мельница слухов крутилась, но перемалывать ей было нечего. Две сотни листков с заманчивым предложением гуляли по городу, красовались наклеенными на видных местах, чтецы пересказывали их содержание любому желающему – все тщетно. Обещанное Клелией Кассианой щедрое вознаграждение оставалось невостребованным, и госпожа графиня пребывала в полной растерянности. На ее

глазах творилось истинное чудо: погром и убийства в таверне обошлись без единого свидетеля!

И однажды Хисс, взявший за правило коротать вечера в «Змее и скорпионе» в компании старых друзей, с досадой бросил: вот если бы заставить разговориться тех, кто напал на постоянный двор и погиб там! Мертвцы ведь так и остались валяться где-то под развалинами. Найти бы, вытащить и допросить по всей строгости – кем ты был при жизни, недобрый человек, и с какой стати учинил смертоубийство с разбоем? Эх, жаль, я не некромант!

Практичный Конан в ответ на подобные рассуждения сплюнул. Диери невесело улыбнулась. Ши ударился в пространные рассуждения, доказывая, что большинство обитающих в городе «магов» – такое же жулье, как некий Хисс Змеиный Язык, продающий почти настоящие карты зарытых кладов времен Кхарийской Империи. Но даже если отыскать колдуна, готового всерьез взяться за подобный ритуал, они разорятся сами и разорят милейшую госпожу Клелию. Заклятия для общения с миром мертвых обходятся слишком дорого. К тому же в нынешние времена представители властей смотрят на практикующих некромантию ох как косо... Взять хоть того же Рилеранса: с одной стороны, если верить всезнающим сплетникам, маг куда как серьезный, а с другой – даже в славном Шадизаре, городе весьма вольных нравов, живет как мышь под метлой, не иначе осторегается власть предержащих...

Вот тут-то у Хисса, скорбно сидевшего в обнимку с пузатым кувшином «Драконьей крови», внезапно остекленели глаза, и рыжий мошенник молча воздвигся во главе стола, став предметом всеобщего внимания.

– Рилеранс! – значительно произнес он, уставив палец в потолок.

Повисло тягостное молчание, нарушенное ясным голосом Диери:

– Совсем упился.

– Трезв как стеклышико, – немедленно возразил Змеиный Язык. – Ри-ле-ранс!

– Трижды помянешь демона к ночи, и явится демон пред ясные очи, – буркнул Ши. – Что – Рилеранс? Денег тебе должен, что ли?

– Еще как должен! Еще какие деньги! – торжествующе возопил Хисс. – Все, считайте, что некромант у нас в кармане. Надо только наведаться к «Уютной норе» и пошарить в тайничке. Нет, по такому поводу стоит выпить! Как я мог забыть! Дневник Рюцциля-Людоеда! Рилеранс!..

После того, как кувшин с «Драконьей кровью» опустел, а Хисс, икая от выпитого и азартно сверкая глазами, изложил друзьям историю похищенных у мага раритетов и свой коварный план, их первоначальное недоумение уступило место бурному веселью.

– Хисс, ты неподражаем! – уверяла хохочущая Диери. – Обокрасть мага, а потом его же заставить отрабатывать собственное украденное добро! Трюк в лучшем духе славного Шадизара! Ты точно уверен, что твои дальние предки не были родом из квартала Нарикано, а?..

– Действительно неплохой план, Змеиный Язык, – сдержанно похвалил Конан, когда восторги пошли на убыль. – Теперь осталось только решить, кто будет разговаривать с чернокнижником. Ты пойдешь один или прихватишь Ши на всякий случай?

Хисс едва не выронил кружку.

...Так или иначе, припрятанные до поры в тайничке фолианты, дней десять тому позаимствованные ради исполнения заказа Хиссом и Кэрли у практикующего магика

Хоршемишской гильдии Рилеранса, покинули место своего хранения и оказались в комнатке на втором этаже постоянного двора «Змея и скорпион». Книг было пять, но подлинной жемчужиной среди них считался неведомо каким чудом уцелевший своеуручный дневник Рюцциля из замка Шилале, более известного как Рюцциль Людоед или Рюцциль Чернокнижник. Именно оттуда Хисс с таким старанием вырезал страницы, существовавшие подтвердить существование книги, исчезнувшей из библиотеки чародея.

Однако идти к хоршемишскому магу и лично вести с ним переговоры Хисс отказался наотрез.

— Я еще не спятил, — отметил он любые уговоры приятелей. — А если меня там заметили и узнают? Вдруг этот колдун способен проникать мысли? По моему скромному мнению будет лучше всего, если туда сходит Конан.

— Угу, точно, — Ши глумился от души, маскируя нервозность весельем. — Даже если колдун читает мысли, он рехнется, пытаясь отыскать у нашего юного варвара хоть что-нибудь годное для прочтения. Зато Малыш будет на высоте — из лучших побуждений треснет хозяина дома мордой о стол, приговаривая что-нибудь о богопочтании и благолепии...

— Как скажешь, дорогой, — Хисс был сама любезность. — Значит, решено: к магику пойдешь ты.

— Почему — я?!

— Потому что, во-первых, ты сам напросился...

— Когда?!

— ...Только что. Во-вторых, из нас четверых ты наименее ценен для дела. В-третьих, у тебя есть удивительная способность, никогда прежде такой не встречал: можешь болтать день и ночь напролет, а толком ничего не скажешь. Ну, а если Рилеранс попробует залезть в твою голову, все, что он там отыщет, это вольный ветер да две-три мыслишки о жратве и девках из «Алмазного водопада».

— Да не хочу я туда идти! — припомнив гулявшие по Шадизару слухи касательно Рилеранса из Хоршемиша, Ши откровенно перетрусили.

— Может, и не придется, — Хисс со стуком захлопнул толстенный фолиант, лязгнув бронзовыми застежками. — Я придумал кое-что получше. В конце концов, когда это приманка ходила в логово льва? Нет уж, пусть зверь сам вылезет из норы... Где там этот наш гонец? Тащите его сюда, да побыстрее!

Три вырезанных страницы дневника Рюцциля улеглись в плотный пергаментный пакет, завязанный для надежности сурою нитью и запечатанный кляксой зеленого сургуча. Компанию им составляло безуказненно составленное послание, коим магу Рилерансу предписывалось на следующий день не позднее первого послеполуденного колокола появиться в таверне «Тоскующая сова» и ждать там за самым дальним столом слева от входа, пребывая притом в полном одиночестве.

Пакет вкупе с горстью серебра вручили одному из знакомцев Ши Шелама, слывшему парнем немного тугоумным, а потому надежным, и с полдюжины раз повторили несложное задание: дойти до улицы Кисиндо, отыскать дом мага Рилеранса, передать послание стражникам у ворот. Около дома по возможности не задерживаться, в разговоры с караульными не вступать, отдать — и сразу же делать ноги.

Гонец, надо отдать ему должное, отменно справился с данным ему заданием. Однако назавтра в условленное время Хисс и его приятели, приняв все мыслимые и немыслимые меры предосторожности, дожидались колдуна напрасно. План Змеиного Языка не сработал,

зверь так и не покинул своего логова. Рилеранс не пришел.

Лишь когда хозяин «Тоскующей совы» начал поглядывать с явным подозрением на странных посетителей, мрачно дующих кувшин за кувшином дрянное слабенько винцо, какой-то оборванец бросил на стол перед Хиссом клочок пергамента.

«Мне недосуг ходить по дешевым кабакам. Хотите говорить – приходите сами. Обещаю полную неприкосновенность. Не хотите – проваливайте к демонам».

– Что ж, – молвил с тяжким вздохом Хисс, прочитав послание мага, – этого я и боялся. А что делать? Придется идти.

* * *

Паланкин, на время одолженный Ши Шеламом у одного из многочисленных приятелей, при ближайшем рассмотрении оказался не таким уж новым – здесь потрескался лак на перекладинах, там тиснены занавески украшала аккуратно наложенная заплата, тут напрочь оторвалась бахрома. Однако это был настоящий паланкин, пусть не такой роскошный, как у госпожи Клелии, со слегка облезшим гербом торгового дома Солнари, запряженный двумя философического вида мулами, казавшимися слегка траченными молью. Паланкин сопровождали погонщик и мальчишка, в чью обязанность входило бежать впереди, тряся потрескавшимся колокольчиком и разгоняя замешкавшихся прохожих. Диери пришла в восторг от возможности прокатиться по улицам родного города, как знатная дама. Хисс, критически осмотрев стоявшую во дворе таверны повозку, сокрушенno поцокал языком, но больше ничего не сказал.

...Возможно, Рилеранс из Хоршемиша и приготовился к приему гостей, но рассчитывать на хозяйское радушие этим гостям явно не приходилось – добро, если удастся уйти живыми, а если руки-ноги останутся в целости, то, считай, повезло. Именно об этом подумали Ши и Диери, узрев мрачные рожи охранников, отворивших на стук калитку. Хмурые верзилы со всей серьезностью выслушали заявление воришки о продаже старых книг, переглянулись и неторопливо принялись открывать ворота, впустив паланкин во внутренний двор.

Сопровождаемые одним из караульных, визитеры бодро прошагали по дорожке из красных и желтых плит через маленький опрятный садик к дому Рилеранса Кофийского. За входной дверью к их провожатому присоединились еще двое, зверовидного облика и с увесистыми дубинками на поясах. Прислужник, встретивший гостей первым, повел компанию в глубину дома сквозь лабиринт проходных полутемных комнат, заставленных дорогой мебелью; двое охранников, храня угрюмое молчание, замыкали процессию. Все это до того походило на арестантский конвой, что даже Диери отбросила напускную беспечность и теперь косилась по сторонам с кровью опаской. Ши, всем затылком ощущая колющие взгляды костоломов-наемников, пытался считать повороты – на случай, если обратно придется удирать сломя голову. Правда, исход такого бегства был ясен заранее.

За очередной дверью тянулся узкий, полутемный коридор, завершившийся полукруглой аркой, занавешенной тонкими серебряными нитями с нанизанными на них хрустальными шариками. Возле арки провожатый, мгновение помявшись, позвонил в болтавшийся на ободверине бронзовый колокольчик, и хрустальная занавесь раздвинулась сама собой.

Открылась большая комната без окон, освещенная тусклым пламенем десятка бронзовых светильников, расставленных вдоль стен. Единственной мебелью в комнате был большой круглый стол из сандалового дерева да несколько кресел рядом с ним. С низкого сводчатого потолка, выкрашенного в густо-синий цвет и украшенным золотистыми искорками звезд, на тонких нитях свисали медленно поворачивающиеся вокруг своей оси чучела невиданных в природе зверей – крылатой ящерицы, кошки со скорпионным хвостом и орлиноголового пса.

При виде сих тварей Ши заметно приободрился. Ткнув пальцем в ближайшее чудовище – ящера в полтора локтя длиной с широкими кожистыми крыльями – он подмигнул спутнице и начал тоном заправского знатока:

– Дешевка с Ишлаза! Втюхивается заезжим собирателям редкостей за пару империалов. Хороший чучельник сделает запросто. Берешь дохлого пустынного ящера и крылья летучей соба...

Шелест, будто распечатали колоду тарока, и пронзительный карк прервал его разглагольствования, заставив вздрогнуть. Дальний угол комнаты занимала большая, едва ли не в человеческий рост клетка из медных прутьев. На жердочке внутри, нахохлившись, восседала здоровенная птица – с виду похожая на сову, однако с оперением не в привычных пепельно-серых, но в черно-зеленых тонах. При звуках незнакомых шагов птица встрепенулась, открыв ярко-желтые круглые глаза и издав скрежещущий клекот. Почти одновременно, будто птичий крик послужил сигналом, в противоположной стене распахнулась низкая дверь, и Рилеранс Кофийский шагнул в комнату.

Сперва маг показался гостям настоящим гигантом – его фигура заполнила собой весь дверной проем, а чтобы не зацепиться за притолоку, Рилеранс вынужден был пригнуться. Но спустя пару мгновений, когда хозяин дома вышел к свету, Ши и Диери смогли разглядеть его получше. Колдун был невероятно долговяз и настолько тощ, что выглядел изможденным. Длинное, до самого пола, парчовое одеяние придавало ширины его костлявым плечам – алая ткань, густо затканная золотом, жестко топорщилась на сгибах. Он сильно сутулился, как всякий рослый человек, ведущий малоподвижную жизнь, и передвигался неспешной, величавой походкой, хотя величавость эту в равной степени можно было приписать как развитому чувству собственного достоинства, так и некоему скрытому заболеванию. Впрочем, вряд ли сыскался бы смельчак или глупец, рискнувший шутить над внешностью магика. С самого первого взгляда Рилеранс вызывал стойкое ощущение не то чтобы могучей силы, но скорее какой-то непредсказуемой опасности – словно смертельно ядовитая змея, затаившаяся промеж камней.

Шурша полами драгоценного одеяния, Рилеранс молча пересек комнату и уселся в одно из кресел. При этом колючий взгляд его глубоко посаженных глаз с набрякшими веками не отрывался от лица Ши, уже начинавшего чувствовать себя, как кролик перед голодным удавом. На красотку Диери магик даже не взглянул.

– Садитесь, – наконец сказал Рилеранс.

Голос у него оказался, как из бочки – глубокий и гулкий. На огромном черепе мага, гладко выбритом на турецкий манер, невесть как держалась вышитая бисером плоская шапочка из черного бархата. В других обстоятельствах такой головной убор показался бы Ши Шеламу до чрезвычайности забавным и совершенно не идущим к внешности колдуна, но сейчас ему отчего-то было не до смеха. Поколебавшись, гости расположились в массивных креслах. Троє охранников безмолвными и неподвижными изваяниями застыли вдоль стен.

– Вы настаивали на встрече со мной, – сказал магик. – Что ж, благодаря некоему...

кхм... весьма занимательному посланию вы добились своего. Кто вы и чего хотите? Будьте кратки, ибо мое время дорого.

Он потянулся и перевернул большие песочные часы, стоявшие посередине стола. Из верхней колбы в нижнюю потекла тонкая красная струйка.

Ши прокашлялся, точно оратор перед выступлением.

— Мое имя Ши Шелам, — начал он. — Впрочем, уверен, оно ни о чем не скажет вам, так же как имя моей спутницы. Зато имя почтенного Рилеранса Кофийского весьма известно... в узких кругах. Нечасто в наши дни в благословенном богами Шадизаре удастся сыскать магика, чье искусство — не просто приманка для простецов, но...

— Короче, — оборвал его маг, пальцами правой руки выбив нетерпеливую дробь по отполированной столешнице.

— Э... ну... — весь дипломатический талант Ши, способного заговорить зубы даже кое-кому из городских советников, пропадал втуне под тяжелым взглядом немигающих глаз колдуна. — Мы хотим нанять вас для выполнения... некой работы.

Под столом острый каблучок Диери, честно выполнявшей свою часть задания — строившей глазки хозяину дома, безо всякого, впрочем, успеха — вонзился в щиколотку Ши.

— Нанять меня? Вы? — магик трескуче рассмеялся. — Что ж... нанявшись мне в услужение лет эдак на десять, вы, может быть, сможете оплатить мою работу... а может, и нет. К услугам Рилеранса Кофийского прибегают «золотые пояса», и не так давно я отказал самому градоправителю — просто потому, что не имел желания заниматься его вздорной просьбой. А вы... не нужна магия, чтобы опознать карманника средней руки и девчонку-содержанку.

Диери мгновенно убрала с лица сладкую улыбку и села прямо, чинно сложив руки на коленях.

— Я бы попросил... — слабо вякнул Ши.

— Ну попроси, — холодно бросил маг. Ши осекся. — Хорошо, раз уж вы здесь, я выслушаю. И если вы меня не заинтересуете, вас прогонят до ворот пинками. Теперь говори.

Чувствуя, как инициатива уплывает из его рук, Ши изложил суть дела — поначалу несколько сбивчиво, но в целом вполне кратко и толково. После того, как он закончил, в комнате надолго повисла тишина.

— Так, — наконец прервал молчание Рилеранс. Голос его звучал слегка придушенно, словно бы маг изо всех сил сдерживал ярость — впрочем, скорее всего так оно и было. — Так. Проще говоря, вы предлагаете мне провести некротический ритуал, за который меня ждет лишение патента, если узнают в Гильдии, и изгнание из города, если дойдет до Городского Совета. Более того, раз вы набрались наглости явиться ко мне, то твердо знаете, что я в силах этот ритуал провести. Нет, гнать я вас не стану. Я скормлю вас вурху, — кивок в угол, где стояла клетка с птицей, — кусочек за кусочком, притом живьем, если прямо сейчас вы не назовете мне убедительную причину, по которой я не должен так поступить.

Что ж, такой поворот беседы Ши предвидел заранее и заранее приготовил достойный ответ. Стارаясь ничем не выдать своего страха, он распустил завязки на принесенном с собою холщовом мешке, и на стол перед хозяином дома легла книга — толстый фолиант в обложке черной кожи, украшенной бляшками синего лазурита.

Сочинение с совершенно непроизносимым названием «Психургическая некромантия и обрядовая символика» явилось на свет лет двести назад из-под пера стигийского колдуна Азорета. Как уверял друзей Хисс, это был подлинный раритет. Некоторые из охотников за

редкими книгами не только прозакладывали бы душу, но охотно принесли в жертву своего первенца – только бы заполучить том в руки. Змеиный Язык расстался с «Некромантией и символикой» скрепя сердце, поскольку из четырех похищенных рукописей она была наименее ценной, а интерес к просителям требовалось подогреть еще чем-нибудь, помимо трех страниц дневника Рюцциля.

– Это, скажем так, аванс, – сказал Ши, кивая на книгу. – Прочее, а именно дневник Людоеда, получите по завершении работы. А если ваша магичность решит покормить нашей бренной плотью свою птичку, то спустя седмицу сами будете ворон кормить – месьор Рекифес некромантов не жалует, одним изгнанием не отделаетесь...

Разумеется, колдун заинтересовался. Еще как заинтересовался. Сказать, что при виде книги Рилеранс переменился в лице, было бы слишком мягко – какое-то время казалось, что магика прямо на месте хватит удар. Рилеранс налился темной кровью, судорожно глотнул воздуха, затем побледнел, и из горла его вырвался сип:

– Откуда?..

– Н-ну... это долгая история, – скромно пожал плечами Ши, изобразив очаровательную улыбку, – я не смею утомлять вашу магичность ее пересказом...

Воришка остался нескованно доволен произведенным впечатлением. Впрочем, с первым потрясением маг справился довольно легко. Быстрым движением он подтянул «Психургическую некроманию» к себе, переворошил хрусткие страницы, убедившись в подлинности фолианта, и из-под бровей метнул в визитеров злобный взгляд, не сулящий ничего хорошего. Лицо его приобрело обычный оттенок, а голос зазвучал зловеще ровно:

– Впервые вижу безумцев, которые столь настойчиво ищут смерти. Где остальное?

– Понятия не имею, – с видом оскорбленной невинности Ши возвел глаза к потолку. – Откуда мне знать, почтеннейший...

И тут терпение Рилеранса лопнуло. Его большие ладони с узловатыми пальцами взметнулись над столом, изобразив некий сложный знак. В комнате явственно повеяло холодом, истощно заорал в своей клетке вурх, стражники вжались в стены, а Ши со своей спутницей, не успев глазом моргнуть, оказались намертво прихвачены к своим креслам стальными обручами, вылетевшими из толстой обивки на уровне груди и над бедрами.

– Где остальное? – прогремел маг.

– А... н-ня... не знаю... – промямлил Ши. Слабым утешением мелькнула мысль, что, окажись на его месте хоть сам Кодо Ходячий Кошмар – больших авторитетов среди ныне живущих Ши по молодости лет не знал – так вот, даже и сам Кодо выглядел бы на его месте ничуть не лучше.

Рилеранс выкинул левую руку ладонью вперед, и Диери как-то странно прерывисто вздохнула, обмякнув в стальных зажимах, а Ши вдруг ощутил, как его прямо-таки распирает от желания говорить. Говорить правду, всю правду и ничего кроме правды. Рассказать все, что ему известно.

Вот только известно-то ему было немного. Изо всех намеченных визитов поход к Рилерансу справедливо полагался наиболее опасным. Четверо заговорщиков – Хисс, Ши, Диери и Конан – полночи сидели голова к голове, изобретая самые надежные способы обезопасить себя «в случае чего» и разыгрывая все возможные варианты развития событий. Поговорили на всякий случай и с Рейфом, старшим над телохранителями госпожи Клелии, да и саму Клелию не преминули поставить в известность о готовящейся сделке. В первую очередь обсуждалась самая очевидная опасность – Рилеранс как-никак был магом, и не из

последних... а одно из первых простейших заклятий, коим обучают adeptов в любых магических Школах, наряду с «Орлиным Глазом» и «Падением Пера», является заклятие Ключа, вынуждающее человека говорить истину.

Сейчас Рилеранс применил заклятие Ключа. Но меры предосторожности были приняты, так что Ши со спокойной душой мог выбалтывать все, что ему известно – заклятие не мешало ему злорадно наблюдать, как от услышанного магик наливается черной бессильной злобой.

– Книги остались у нашего приятеля Хисса. Он их у вас и стащил седмицу тому, а где фолианты теперь – я не знаю. Хисс их унес, куда – нам не сказал, и где он сам прячется, я тоже не знаю, хоть на части режьте. Но только если к третьему дневному колоколу я не появлюсь в таверне «Кувшин и Роза» вместе с Диери, эти ваши раритеты быстренько передадут месьору Рекифесу – слыхали про такого? – с подробным рассказом, где, когда и у кого они были взяты, а уж господин дознаватель некромантов не жалует, это будьте покойны...

Колдун раздраженно прищелкнул пальцами, и словесный поток, льющийся из уст Ши, немедленно иссяк. Рилеранс со скрипом отодвинул кресло, встал, заходил по комнате взад-вперед, будто запертый в клетке тигр, время от времени бросая на визитеров злобные взгляды.

– Считаешь себя умником, щенок? – буркнул Рилеранс после затянувшегося молчания, нарушенного только шелестом оперения топчущегося в своей клетке вурха. – Наверно, думаешь – как это мы ловко все обтяпали, а? Скажи, ведь так думаешь, свинское ты отродье?

Даже будучи возмущен подобным толкованием своей родословной, Ши почел за благо промолчать – маг явно пребывал в бешенстве, не стоило дразнить его еще больше. Бормоча что-то себе под нос, колдун сделал еще пару кругов по комнате и вдруг метнулся к сжавшемуся в своем кресле Ши, заорал ему прямо в лицо, брызжа слюной:

– Ошибаешься, крысиный потрох! Плевать я хотел на немедийского наместника! Приди мне такое желание, я могу вас уничтожить, так что и костей не найдут, и никакая Сыскная Когорта мне не указ! – впрочем, яростный порыв магика иссяк столь же быстро и внезапно, как начался. Рилеранс отвернулся, буркнул мрачно: – Ну, почти не указ. Хотя, конечно, из Шадизара придется убраться... Но ваша мучительная смерть, к огромному сожалению, хоть и прольется бальзамом на мое сердце, – в голосе мага появились язвительные нотки, едкие, как яд стигийской кобры, – не поможет вернуть дневник Рюцциля... Чтоб тебя скрючило, мерзавец, будь проклято семя, тебя породившее! Ладно... Повтори-ка еще раз, чего вы от меня хотите в обмен на книги?

Ши был бы рад ответить, но после недавнего бурного словоизлияния в его голове воцарилась непривычная звенящая пустота. Так что когда вместо него заговорила вернувшаяся к жизни Диери, воришка ощутил самую горячую признательность к своей спутнице. Зато магик вытаращился так, будто на его глазах обрела дар речи кошка: видимо, привык относиться к женщине как, самое большее, к безмолвному украшению там, где дела ведут мужчины.

Девица Эйтала сидела спокойно и говорила ровным, лишь самую малость подрагивающим голосом:

– Мы просим вашу магичность навестить одно место в квартале Нарикано, которое мы вам укажем. Несколько дней назад там произошло... э-э... нападение с убийством нескольких человек, после чего в разгромленном доме начался пожар. Мы думаем, что

останки кого-то из нападавших до сих пор лежат в руинах и, если их извлечь... — она помялась, подбирая слова, — в общем, вашего могущества и способностей наверняка хватит, чтобы допросить эти самые останки. Нам необходимо узнать, кто и зачем разгромил наше жилище.

— Пожар, говоришь? — озабоченно скривился колдун. — И сильный? Да? Скверно, скверно... В сильном огне людские тела отлично превращаются в золу и пепел, безразличные к любым заклинаниям. Пожалуй, мне стоит взглянуть на ваш сожженный дом своими глазами. Там и решим, стоит ли продолжать эту безумную затею или, — он многозначительно хмыкнул, — проще вывернуть ваши хитреные мозги наизнанку, чтобы посмотреть, не отыщется ли там чего-нибудь полезного.

При упоминании о выворачивании мозгов Ши Шелама невольно передернуло. Ложь оказалась недостаточно убедительной — либо же колдун склонен подозревать всех и вся в попытке обвести его, Рилеранса Кофийского, вокруг пальца. Однако цель почти достигнута — магик согласился пойти и взглянуть на развалины «Уютной норы».

— Э-э, почтеннейший, а как же мы? — увидев, что хозяин дома неторопливо воздвигся над столом, Ши отчаянно затрепыхался в кресле, напоминая о своем бедственном положении.

— Ах да, — со скучливым выражением кивнул Рилеранс, мимоходом передвигая под столешницей нечто невидимое. Оковы, удерживающие Ши и Диери, с еле различимым шипением втянулись внутрь массивных подлокотников и сидений. Освобожденные гости вскочили, не веря собственным глазам, и дружно попятались к арке входа. — На вашем месте я бы не стал так торопиться. Обязательства должны быть взаимными, как я полагаю, — повинуясь небрежному жесту колдуна, охранники сдвинулись с места, загородив спасительный выход из залы.

— Поскольку у вас находятся мои книги, я имею полное право на время завладеть чем-нибудь, принадлежащим вам, — завершил свою мысль Рилеранс. — Ты, — он ткнул длинным пальцем в сторону воришки, — отправишься со мной, а она, — теперь палец указывал на растерянно моргавшую девицу Эйтому, — подождет нашего возвращения здесь. Если ты и твои друзья будете вести себя благоразумно, получите свою подружку назад в целости и сохранности. Вагсо, проводи нашу гостью, — один из громил оторвался от стены, встав за спиной побледневшей Деяниры.

Ши открыл было рот, чтобы запротестовать... подумал и промолчал. В конце концов, распоряжался здесь Рилеранс, возражать которому не только неразумно, но и опасно. Ничего с девицей не сделается. Поскучет малость под замком, и все.

Взгляд, коим Диери Эйтому наградила уходившего Ши, говорил красноречивее всяких слов: «Ну и мерзавец же ты!»

Взгляд, которым отвечал воришко, безмолвно вопил: «А что я могу поделать?!»

* * *

Несмотря на душевное смятение и поспешность, с которой Лоркане Бритунийка покидала ставший для нее ненавистным и чужим Шадизар, она нашла время позаботиться о

своей былой собственности. Ей не пришлось долго искать: владелец кабачка «Бездонная бочка», стоявшего на соседней Мусорной улице, с величайшим удовольствием приобрел развалины «Уютной норы» вкупе с прилегающим участком земли – благо Лорна не торговалась.

Теперь на пожарище вовсю шла работа по растаскиванию сгоревших и рухнувших балок. Известняковый остов двухэтажного здания изрядно закоптился, но в остальном не пострадал. Новый владелец предполагал заново возвести в доме перекрытия, слегка подкрасить стены – и, возможно, к началу зимы в обновленной «Норе», которая наверняка получит другое имя, снова объявятся посетители. Правда, это будет совсем не та «Уютная нора», в которой так славно жилось небольшой и дружной компании.

Еще на подходах к Старой Лестнице Ши, плетшийся под присмотром рилеранских головорезов, начал испытывать некоторое душевное напряжение. Вряд ли колдуна понравится, чтобы за его работой наблюдала любопытствующая толпа. Тем более что предстоит разыскивать в руинах останки сгоревших тел – а как, интересно, магик намерен это проделать? Заставит трудиться своих охранников и носильщиков, волочащих тяжелый закрытый паланкин? Или отправит его, Ши Шелама, копаться на пепелище, рискуя переломать себе ноги либо свалиться в подвал? Размышляя, воришко шагал все медленнее и медленнее, так что пару раз телохранители магика подталкивали его в спину. Наконец Ши сунулся ближе к паланкину и несмело похлопал по кожаной занавеси:

– Ваша магичность, а ваша магичность...

– Ну? – донесся изнутри гулкий голос. – Мы прибыли?

– Да не совсем еще... Я вот о чем подумал... Там, где прежде была таверна, теперь собираются строить новую, и мастерового люда полно... Вам, наверное, совсем не нужно, чтобы кто-то мешался под ногами?

– Поразительно верное замечание, – язвительно откликнулся Рилеранс. Привещенный к одной из перекладин бронзовый колокольчик звякнул, останавливая процессию, занавесь чуть отодвинулась в сторону. – Будь любезен, пойди и займись этим. Так и быть, я согласен обождать, пока ты разгоняешь зевак.

– Как же я их разгоню? – растерялся Ши. – Вряд ли они меня послушают...

– Это твоя забота, – отрезал колдун.

Воришко озадаченно поскреб в затылке. Как ему представлялось, наилучший способ удалить трудяг с пепелища – заманить их на колокол-другой в ближайший кабак, посулив оплатить выпивку и закуску. На руинах «Норы» возится не меньше дюжины человек, стало быть, по три кувшина местного пойла на каждого... Мысленно пересчитав свои невеликие денежные запасы, Ши снова поскребся о задернувшийся полог:

– Ваша магичность...

– Ты еще здесь?

– Бегу, бегу, – заторопился Ши, не двигаясь, впрочем, с места. – Только сделайте милость, одолжите с десяток талеров...

– Человек, раскатывающий в паланкине дома Солнари и запросто прибегающий к услугам, как он сам утверждает, лучшего магика во всей Заморе, не в силах наскастить десятка серебрушек? – злорадно захохотал магик. – Жалкое существо! Ладно. Вагсо, дай денег этому крысенку!

На мгновение Ши Шеламу захотелось провалиться под землю, чтобы никогда более не слышать про Рилеранса из Хоршемиша. Может, правильно в племени Малыша поступают со

всякими там колдунами, сжигая оных на костре?..

— Я верну, честное слово, — уныло пробормотал воришко, получив от телохранителя Рилерансаувесистый мешочек и презрительную ухмылку.

К счастью, хоть что-то в этот изначально не задавшийся день прошло гладко. Старшина артели, разбирающей былую «Нору», оказался человеком нелюбопытным и покладистым, а вид тусклых серебряных кругляшков быстро привел его к мысли, что и в самом деле настало самое подходящее время сделать небольшой перерыв в трудах. Внезапно разбогатевшие мастеровые шумной гурьбой вывалились в переулок, оставив после себя груды разбитых кирпичей и обгорелых бревен вперемешку с разбросанной повсюду расколотой черепицей. Ши огляделся по сторонам, в глубине души рассчитывая увидеть кого-нибудь из приятелей — если не Медвежонка, то Хисса, наверняка наблюдавших из укрытия за развитием событий, но не заметил никого. Наподдав носком сапога попавшийся под ногу слюянной осколок, он побрел обратно — за магиком и его сопровождением.

…Придирчиво осмотрев место, где ему предстояло применить свое зловещее и загадочное искусство, Рилеранс остался крайне недоволен. И двор, видите ли, слишком большой и замусоренный, и дом пострадал гораздо больше, чем его уверяли, а после такого пожара наверняка ничего не уцелело. У Ши достало благоразумия не вступать с колдуном в пререкания.

А тот, продолжая ворчать себе под нос, развернулся вовсю, беспощадно шпыняя своих подручных. Последние споро извлекли из паланкина небольшую переносную жаровню на гнутых ножках, весьма старую и ценную на вид, и начинили ее угольками вперемешку с какими-то травами, отчего над двором поплыл кисловатый аромат. После чего Рилеранс расставил телохранителей кругом двора, дабы зверовидные громилы гоняли некстати случившихся зевак, а сам, несколько раз обойдя двор по кругу, распорядился установить жаровню в определенном месте — примерно шагах в пяти от уцелевшего крыльца «Норы», перед пересохшим фонтаном с цаплей — и встал рядом, торжественно и плавно помавая ладонями над самым огнем.

Какое-то время ничего не происходило. Ши сыскал себе местечко подальше от колдуна с его вонючей жаровней и теперь, сгорая от нетерпения, наблюдал за рилеранской работой. Потрескивали угольки вокруг жаровни, бубнил заклинания маг, тянулись вверх еле различимые в ярком солнечном свете тонкие ленточки дыма. С каждым ударом сердца дымные полосы становились все гуще, приобретая отчетливый голубовато-сизый оттенок и уже не устремляясь к небу, но завиваясь вокруг подола одеяния Рилеранса Кофийского. (Перед отъездом маг успел переодеться и щеголял теперь не в прежней ало-золотой роскоши, но в обычном туранском халате в желтую и зеленую полосу.)

Спустя четверть колокола струящиеся из жаровни клубы дыма обрели форму и призрачную плоть. Теперь они напоминали здоровенных толстых змей. Эти змеи вели себя вполне осмысленно, очерчивая круги и вертя призрачными головами в разные стороны, а кислая вонь от горящих углей вынудила воришку отойти в самый дальний угол двора и закрыть нос рукавом. Оттуда он видел, как Рилеранс, коему дурной запах был, похоже, ни почем, бешено машет широкими рукавами, снова и снова указывая своим призрачным ищечкам на руины «Уютной норы». Внезапно туманные создания на редкость слаженно развернулись к руинам и втянулись в трещины между закопченных камней.

Где-то через три дюжины ударов сердца над развалинами возник колышущийся столбик дыма — там, где раньше находился большой нижний зал таверны. Немного поодаль вырос

другой, третий, четвертый... Завидев их, Рилеранс удовлетворенно кивнул наголо выбритой головой, отчего бархатная шапочка сползла ему на лоб, потер ладони одна об другую и вдруг резко выбросил кисть с полусогнутыми пальцами в сторону пепелища.

Создавалось впечатление, будто магик тащит к себе на очень тонкой, тугу натянутой нити нечто невидимое. Ши не поверил своим глазам, когда ощерившиеся вывороченными гвоздями и щепками доски зашевелились, приподнимаясь сами собой, точно подталкиваемые изнутри. Навалившиеся сверху камни неуклюже откатывались в стороны, обломки балок медленно вставали торчком, а по спине наблюдавшего за этим Ши скатилась ледяная струйка. Он хотел было зажмуриться, но любопытство одержало верх.

В облаке пыли и щебня среди вздыбившихся досок возникло нечто, похожее на облаченное в лохмотья чучело с растопыренными руками и свернутой набок головой. Непонятное создание – в котором Ши Шелам мигом признал сильно обгоревший человеческий труп – покачиваясь, застыло в воздухе, поддерживаемое обвившимися вокруг него кольцами туманной змеи. Провисев так долю мгновения (достаточного, чтобы неподготовленный к эдакому зрелищу человек мог полностью свихнуться), труп судорожно дернулся, перелетев через двор и шлепнувшись на предусмотрительно расстеленный прислужниками Рилеранса кусок холста.

Руины постоянного двора, повинувшись заклинаниям кофийского чародея, извергли из своих недр еще трех мертвецов, однако, если так можно выразиться, не все они оказались пригодными к употреблению. Один, восстав из земли, рассыпался пригоршней бурого праха, невзирая на все усилия призрачной змеи сохранить целостность своей добычи. У другого под досадливый вскрик магика отвалился и раскололся на кусочки череп. Третий благополучно присоединился к своему собрату по несчастью, вытянувшись неопрятной кучкой обугленных до желтовато-черного цвета костей.

Туманные змейки поползали по развалинам еще немного, ничего не обнаружили и вскорости развеялись без следа. Жаровня разом погасла, выпустив напоследок жидкое облако белесого дыма. Отступив в сторону, магик шумно выдохнул, снял свою бархатную шапочку и рукавом халата вытер с лица и головы крупные капли испарины.

Сползя со своего на места, воришка осторожно, боком, приблизился к расстеленному холstu и лежащим на нем останкам. Подручные колдуна, не дожидаясь указаний хозяина, уже увязывали найденные кости в ткань, превращая их в аккуратные свертки.

– А что теперь, ваша милость? – подал голос Ши. – Возвращаемся обратно?

– Я – да, ты – нет, – голос колдуна изрядно осип, как бывает после долгих и громких криков, хотя во время зловещей церемонии Рилеранс молчал либо же что-то бормотал шепотом себе под нос. – Отправляйся к своим дружкам, да поторопись, покуда твой хитроумный приятель не бросился с доносом к Рекифесу! Я выполняю свою часть сделки, уж потрудитесь выполнить свою. Приходи к пятому вечернему колоколу. Приноси книги. Все книги. Вернешь их – получишь девчонку.

– Мы договаривались лишь касательно дневника! – возмутился подобному вымогательству Ши. – И одну книгу вы уже получили... скажем так, в качестве предоплаты! И вообще, откуда мне знать...

– Я все сказал, – отрубил Рилеранс, водруженная шапочка на положенное ей место. – Торговаться ступай на рынок. Тебе нужна эта говорливая красотка? Тогда до вечера. Мне же нужно подготовиться – думаешь, просто болтать с теми, кто не только умер, но еще и сгорел?

Колдун с некоторым усилием забрался обратно в свой паланкин, куда вслед ему

положили жаровню и два холщовых узла, содержащих останки погромщиков «Норы». Несколько ошарашенный увиденным Ши Шелам остался стоять посреди двора, бессмысленно таращась вслед процессии, отбывшей вниз по Обманному переулку, и даже подпрыгнул от неожиданности, когда чей-то согнутый палец постучал его по плечу.

Оглянувшись, воришко узрел своих приятелей – Хисса и Медвежонка, свалившихся неведомо откуда. Может быть, они вылезли прямиком из лужиц пронзительно-синих теней и солнечных пятен, исчертивших двор, а может, перемахнули через уцелевший глинобитный забор. Судя по выражению лиц, молодые люди наблюдали за только что завершившимся ритуалом, и он произвел на них самое удручающее впечатление.

– Представление не для слабаков, – чуть дрогнувшим голосом признал Хисс. – Сунься кто-нибудь во двор – и всем присутствующим была бы обеспечена прямая дорожка на костер. Отныне я вынужден поверить в некромантию. А почему колдун уехал без тебя? Он принял наши условия?

– Где Диери? – на незамысловатую душу Конана чародейские выкрутасы и летающие трупы, похоже, не произвели особого впечатления. Его волновало только одно: куда подевалась его приятельница?

– Принять-то принял… – Ши потряс головой, надеясь, что застрявшее в памяти жуткое видение – парящий над двором мертвец в обугленном тряпье – сгинет, оставив его в покое. Не хватало еще, чтобы эдакая пакость стала сниться по ночам! – Но его некромантская милость уперся рогом и требует вернуть все стянутые книги. Ума не приложу, как это сделать. Несколько штук вы с Кэрли уже продали, другие остались в заваленных тайниках и…

– Где Диери? – тон подростка стал тихим и очень сдержаным, что не предвещало ничего хорошего. Малыш, несмотря на молодость и неопытность, мог стать до чрезвычайности дотошным и опасным – особенно если дело касалось его девушки. – Ты должен был вернуться вместе с ней. Где она?

– В гостях у Рилеранса, – нехотя буркнул Ши, на всякий случай прикидывая расстояние между собой и воротами. Никогда не знаешь, что взбредет в эту варварскую голову, до отказа напичканную дедовскими заветами и прочими благоглупостями… – Этот чернокнижник… Ай!

Кулак Конана, выстреливший прямо в переносицу Ши, успел перехватить Змеиный Язык. Впрочем, особенного сочувствия к воришке на его лице не отразилось.

– Только драки нам еще не хватало для полного счастья! Конан, уймись! – рявкнул он. – Ши, теперь с тобой… я как чувствовал, что ты опять влипнешь. Боги, один-единственный дурак может провалить самый великий замысел! Я тебя…

– Да я-то здесь при чем?! – взорвался Ши, жестикулируя не хуже торговки с Блошиного рынка. – Ничего я не проваливал! Отцепитесь от меня, вы оба, я все сделал как было велено! Не надо было девчонку с собой брать, вот и все!

– А чья была затея? – мрачно буркнул Конан.

Хисс пожевал губами.

– Словом, все сели в лужу, – подытожил он. – Но ты, Ши Шелам, глубже всех.

– Да почему я-то?! – взвыл воришко.

– А кто, я? – хладнокровнейшим образом парировал Хисс. – Кто-то должен быть самым большим дураком. Ты на эту роль подходишь лучше… Все, все, молчу! Скажи наконец внятно, о чем вы договорились с колдуном?

— Я должен снова прийти к нему после пятого дневного колокола, — выпалил Ши, уразумев, что возмездие пока откладывается. — Тогда он сулился оживить те кости, которые забрал с собой, и заставить их отвечать на наши вопросы. Так что станем делать с книгами?

— Отдадим то, что осталось, — скривившись, рассудил Змеиный Язык. — Ежели Рилерансу покажется мало, предложим в довесок тебя, — он довольно сильно пнул не успевшего увернуться Ши в лодыжку. — Как подходящую тварь для всяких магических штудий.

Судя по виду подростка-варвара, он целиком и полностью одобрял предложение старшего товарища.

* * *

Привратник дома на улице Кисиндо, выглянув в зарешеченное оконце, распахнул низкую калитку для явившегося ровно с пятым ударом колокола на Ратушной башне Ши Шелама без всяких расспросов. Очевидно, Рилеранс предупредил свою челядь касательно зачастивших гостей. Паланкин, на коем прибыли воришка и Диери, сиротливо приткнулся в углу двора — равнодушные ко всему мулы дремали стоя, погонщик и его малолетний подручный сидели под стеной, чувствуя себя явно не в своей тарелке. Погонщик окликнул Ши, боязливо поинтересовавшись, когда придет пора уезжать, на что воришка только развел руками.

На сей раз посетителя вели совершенно иным путем, завершившимся не в зале с низким синим потолком и вращающимися чучелами, но в полуподвальном помещении, выложенном темно-красным камнем и освещенным развешанными по углам масляными лампами. В подвале стоял холод — такой, что при дыхании и разговоре изо рта вырывались заметные клубки пара. Вспомнив короткие обмолвки Медвежонка касательно его далекой родины, Ши аж передернулся — как можно выжить в kraю, где подобная холодрыга царит круглый год?

Наученный горьким опытом воришка заранее положил себе не приближаться и не садиться ни на какие стулья, табуреты, скамьи и диваны, но никакой мебели в подвале и не обнаружилось. Только стены в налете скользкой измороси да пол, выложенный квадратиками желтых и черных плиток.

Как ни странно, Рилеранс целиком и полностью сдержал свое обещание, подготовив к приходу назойливого визитера все необходимое для осуществления ритуала. Два оскаленных черепа — изжелта-коричневая кость в черных паленых пятнах — занимали стоявшие на полу широкие медные блюда вроде тех, на которых раскладывают фрукты. К их макушкам капельками воска были прилеплены тоненькие белые свечки. По соседству горкой лежали закопченные кости, для чего-то накрытые тончайшей серебряной сеточкой, вокруг них былложен круг из маленьких бронзовых статуэток. Имелся также высокий, в рост человека, и похожий на развесистое деревце алебастровый подсвечник на два десятка свечей, уже расставленных по местам и зажженных, только испускали они не привычный красно-оранжевый, а мягкий изумрудный свет.

Оглядевшись по сторонам, Ши состроил гримасу, долженствующую выражать положенное удивление и испуг перед колдовскими предметами. Тяжелая кожаная сумка, куда сложили предназначавшуюся магику оплату, оттягивала руку, и воришка поставил ее себе под

ноги.

Деянира Эйтала в подвале отсутствовала. Зато хозяин дома пребывал в опасной близости и, похоже, в дурном настроении. Колдун расхаживал по подвалу, волоча за собой подол багряно-золотого одеяния, и сварливо набросился на вошедшего Ши:

— Я велел тебе прийти в пять пополудни! Ты опоздал!

Ши рассыпался было в долгих и красочных извинениях, но быстро догадался, что его не слушают. Похоже, магик сам изрядно струхнул перед предстоящим ему делом, а потому набрасывался на любого, кто подвернется под руку.

— Ладно, начинаем, — оборвал воришку Рилеранс. — Сколько из-за тебя хлопот, пропади ты пропадом... Надеюсь, ты знаешь, о чем будешь спрашивать мертвецов. Учи, они не так болтливы, как ты, так что вопросы должны быть четкими и ясными. Лучше всего такими, на которые можно отвечать «да» или «нет». Не подходи близко, ничего не трогай, и ни в коем случае не вздумай вопить, что бы тебе не привиделось. Готов?

У Ши отчетливо постукивали зубы — от наполнявшего подвал стылого холода или от предстоящего некротического ритуала, уже второго за этот невероятно долгий день, однако он нашел в себе силы кивнуть.

Кофийский магик извлек из жестких складок своего одеяния небольшую, в размер ладони, книгу в вытершемся зеленом переплете. Открыв ее на заложенной странице, он принялся монотонно зачитывать строки на незнакомом Ши наречии, и вскоре огоньки свечей в большом канделябре сменили цвет, став из зеленых сперва призрачно-голубыми, а затем темно-багровыми. Над полом неизвестно откуда появился и поплыл медленный ледяной туман. Рилеранс продолжал чтение, поводя в такт произносимым словам свободной левой рукой, его широкий парчовый рукав взлетал и опускался.

Свечка, украшавшая макушку лежавшего слева черепа, вспыхнула трескучим розовым огоньком, спустя мгновение ее примеру последовала вторая. Укрытие серебряной сетью горстки костей мелко-мелко затрепыхались, как угодившие в ловушку птицы или мелкие зверьки. Интонации колдуна из заунывных стали настойчивыми и требовательными. Маг вроде бы уже не произносил заклинание, но спорил с кем-то, убеждая собеседника признать его, Рилеранса, полную и неоспоримую правоту. Ши показалось, будто в провалившихся глазницах черепов мелькают крохотные алмазные искорки — и тут издалека пришел один-единственный размеренный удар большого гонга, столь густой и низкий, что звук вынудил содрогнуться фундамент и выстроенный на нем дом от основания до флюгера на самой высокой башенке. У воришки на несколько ударов сердца заложило уши, и он не сразу расслышал, что свирепо шепчет повернувшийся к нему чародей.

— Э... что?

— ...Спрашивай, ежели не передумал. Да побыстрее, демоны тебя побери!

— А... э-э... — от всех обрушившихся на него сегодня испытаний и потрясений Ши не сразу вспомнил, о чем нужно расспрашивать покойных погромщиков «Уютной норы». Да и как вообще это делается? Разговор с черепами, возлежащими на блюдах, выглядел несколько нелепо, и Ши обратился с вопросом к колдуну: — Пусть скажут, кто они. В смысле, как их звали, когда они еще были живы?

Послышался заикающийся шелест-шорох-шипение, в котором с трудом угадывались искаженные людские голоса — словно бы невероятные собеседники находились за толстой стеной или перекрикивали свистящий над бескрайней равниной ветер:

— Варин... Тишван...

Со вторым вопросом Ши справился уже быстрее:

– Зачем вы напали на таверну «Уютная нора»?

Последовавший ответ состоял из единственного слова, прозвучавшего четко и внятно:

– Золото.

«Наёмные клинки, мы сами об этом прекрасно догадывались, – Ши по привычке дернулся поскрести затылок. – Вызнать бы теперь, кто им платил… Надо было уговорить Хисса пойти со мной – он куда сообразительнее, быстро бы догадался, как вытянуть из этих покойников их секреты…»

Не придумав ничего лучшего, воришко решил зайти с другой стороны:

– Кто дал вам деньги и приказал напасть на трактир?

– Не знаем, – после заметного колебания один за другим прошелестели незримые голоса. Тоненькие свечки затрепетали, угрожая погаснуть, и Рилеранс опять забормотал что-то нараспев, пока огоньки не выпрямились. Отчаянно напрягая весь отпущеный от природы разум, Ши додумался до следующего вопроса:

– Хорошо, а чем вы занимались при жизни? У вас был какой-нибудь хозяин или вы разгуливали сами по себе?

– Марди, – на сей раз ответил только один голос. Второй промолчал, словно и после смерти соблюдал верность покровителю. Заполучив наконец имя, первую надежную опору в окружающем тумане, Ши одновременно испытал и удовлетворение, и тревогу:

– Кто еще был с вами?

– Зуад… Пег Конокрад… Уло иль-Нарим… Джавад… – одно за другим посыпались имена, всего числом девять. Ши тем временем подготовил следующий вопрос.

– Кто был старшим?

– Зуад Шептун. «Пастух» Марди Крохобора…

– Так это Крохобор оплатил разгром таверны? – безмерно удивился Ши.

– Нет. Иной. Ни лица, ни имени.

– Что нужно было «иному»? Он послал вас за чьей-то жизнью? За какой-то вещью?.. – Ши еле успел прикусить кончик языка, прежде чем сболтнуть то, о чем Рилерансу было знать совсем необязательно.

Голоса помолчали, словно обдумывая вопрос, и заскрипели в унисон, перекликаясь затихающим эхом:

– Сперва искали людей, чтобы не спрашивали лишнего. Тот, кто платил, золота не считал. Не убивать. Только приглядеть, чтобы не шумели и не болтались под ногами. Еще были другие, мы их не знаем. Серые, пыльные, безликие, пустые. Страшные. Искали вещи. Ключи. Книгу. Корону. Меч. Зеркало. Диск. Добычу забирали они, нам – только деньги. Много денег. Половину вперед, половину потом. Сделать и разбежаться. Говорили – сопротивления не будет, надули. В тавerne стали отбиваться. Тогда вмешались те, другие…

Тонкие свечки на покатых макушках черепов, не успевшие прогореть и на третью, заполошно замерцали, словно под порывом внезапного ветра. Струившийся над полом свинцово-стальной туман загустел, становясь ощутимо плотным и обжигающе холодным.

– Уходят, – встревоженно сообщил Рилеранс. – Их время оканчивается, мне их не удержать… Все, ушли. Больше не вернутся, – он внезапно громко чихнул, отчего расшифованная шапочка съехала ему на нос. Ши помахал руками, разгоняя вязкое марево и едкий дым от враз померкших свечей в канделябре. – Ты узнал, что хотел?

– Да, – поколебавшись, кивнул воришко. – Я… то есть мы крайне признательны вашей

магичности за все, что вы для нас...

— Помолчи, — устало бросил хоршемишкий колдун. — Отдай, что принес, и вон из моего дома. Ежели покажешься мне на глаза еще раз — пеняй на себя.

— Диери, девушка, которая пришла со мной... — рискнул напомнить Ши, оставив суму с книгами лежать на полу и пяясь к неприметной дверце, через которую его впустили в подвал. — Она... Вы обещали...

— Дожидается снаружи, — магик хлопнул в ладоши, дверь приоткрылась, в нее просунулась голова прислужника. — Этого шута с его девицей выведи во двор, пусть себе катятся. Я свою часть договора выполнил. Пошел прочь.

«Счастливо оставаться, ваша чародейская милость. Чтоб тебя демоны из Нижней Сфера на кусочки разорвали. Или покойники утащили за собой», — Ши вылетел из холодного подвала так, будто за ним гналась свора разъяренных псов.

...Едва тяжелая подвальная дверь закрылась за спиной незадачливого вымогателя, Рилеранс задвинул в скобы тяжелый засов и рассеянно перебрал содержимое кожаной сумы. Главное, дневник Людоеда, на месте. Из прочего не хватало примерно трети, но недостачу эту маг едва отметил и тут же забыл о ней — его мысли занимало сейчас иное.

Надо сказать, только это «иное» спасло Ши от крупных неприятностей, ибо мстительный по своей природе хоршемишкий некромант намеревался напоследок наградить воришку с его нахальной девицей гибельным, черным проклятием. Однако заклинание из колдовских арсеналов Черного Круга Кешлы требовало серьезных затрат магической силы. А для того, что задумал маг, услышав ответ с Серых Равнин, вся его немалая Сила понадобится без изъятия — и еще неизвестно, хватит ли. Но уж если хватит...

Будучи весьма практичным человеком, Рилеранс не претендовал на власть над миром. Его бы вполне устроила власть над Заморой. Ну и над Офиrom с его золотыми хранилищами, заодно. Может быть, еще над Стигией. Тогда уж он точно показал бы этому высокочке Тот-Амону, кто чего стоит в магии...

Подвал, помещение для рискованных колдовских опытов, был совершенно гол, если не считать кучки костей на полу посреди магического круга. Рилеранс присел на корточки у стены.

— Книга, корона и меч... — бормотал колдун в глубокой задумчивости. — Нергал, Сет, Эрлик... Диск Митры, Зеркало Иштар... нет, это не может быть совпадением. Неудивительно, что их вырезали, скорее странно, что кто-то остался в живых... а этот дурачок совершенно не умеет спрашивать...

Какое-то время маг оставался неподвижен, высчитывая что-то на пальцах и негромко бормоча себе под нос. Затем, приняв решение, он поднялся,ластным жестом вскинул руку, и тонкие свечи на макушках обгорелых черепов снова затеплились трескучим красным огнем...

Глава третья

Традиции и законы

— Ничего не понимаю, — честно и обескураженно признался Хисс, выслушав подробнейший рассказ Ши о пребывании в особняке колдуна, магической церемонии, заданных вопросах и ответах, данных мертвцами. — То есть отчасти понимаю, но никак не могу сообразить, как все эти события увязаны между собой. Есть у кого хоть одно разумное объяснение?

Воссоединившаяся компания обосновалась за своим излюбленным столом в дальнем темном углу «Змеи и скорпиона», пытаясь обдумать дальнейшие действия. Получалось скверно — несмотря на уже второй опустошенный кувшин «Белой ослицы». Как верно заметил Хисс, кончики многочисленных оборванных нитей не желали связываться между собой, спутываясь в прихотливый клубок.

— Марди Крохобор — это ведь Каменный рынок? — уточнила Диери Эйтала. Девица несколько успокоилась после того, как на ее глазах Ши Шелам получил заслуженную пару увесистых пинков от разозленного Конана, и теперь пыталась по мере сил быть полезной. — Он заправляет там и в квартале Сахиль уже лет пять, с тех пор, как одолел Гутая, предыдущего хозяина, верно? Вы ему случайно дорогу не перебегали?

— Мы там промышляли время от времени, — подтвердил Змеиный Язык. — Но так все поступают, при условии, что не зарываются и выплачивают отступные. С мальчиками Марди мы вроде не ссорились, порядок соблюдали, платили в срок... Ши, ты в последнее время на Каменном рынке не слишком усердствовал?

— Опять Ши?! Чуть что, сразу Ши! — враз воспламенился воришка. — И вообще, орел мух не клюет! Мы для Марди слишком мелкая добыча, чтобы устраивать таарам с поджогом на весь квартал, да еще на чужой земле!

— Не оставив притом никаких следов, — удрученно покивал Хисс. — Никто ничего не слышал, не знает, не видел. Налетчики взялись из ниоткуда и растворились в нигде. Так не бывает, особенно в нашем городке любителей сплетен! Не бывает, и все тут!

— Говорят, у Марди пропало несколько человек, — неожиданно подал голос молчавший до того Конан. — Не откололись от него, не подались за счастьем в иные края. Просто пропали. Совсем.

— Где ты это слышал? Когда? От кого? — с двух сторон накинулись на своего приятеля Хисс и Ши.

— Дней пять тому, в оружейной лавке на углу Ишлаза и Золотой...

— Может, все-таки кто-то что-то пронюхал? — нерешительно предположил Ши. — Или кто из наших проболтался по неосторожности? Сами знаете, как бывает — слово за слово, захотелось прихвастнуть...

— Это только тебе постоянно хочется прихвастнуть, — съязвил Хисс. — Ну не верю я, хоть убейте, что кто-то из нашей компании мог болтать на всех углах о том, что хранится у нас в «Норе»! Бахвальство бахвальством, мы поболтать все горазды, но тут уже чем-то поуже пахнет. Чем-то таким, за что, того... языка лишают. Обычно вместе с жизнью.

— Тогда вот тебе другое предположение, — встрияла Диери, — Назирхат уль-Вади, хозяин Нарикано, на днях скончался, а Крохобор, ваш сосед, обнаглел настолько, что пытается расширить границы своих владений. Вы ему подвернулись под руку — просто так, без всякой

особой причины. Чтобы силы попробовать. Может, ваша беда – только начало. Будет нам повторение веселых времен, когда шайка Бешеных резалась с Красными Поясами за Ночную Пустошь, заодно спалив полгорода.

Молодые люди озадаченно уставились на свою приятельницу, и Ши протянул:

– Ну ты и завернула, моя дорогая...

– Может, и дорогая, но уж точно не твоя, – фыркнула девица Эйтола.

– Чушь. Извини, Диери, – отмахнулся Змеиный Язык. – Так дела не делаются. Будь это война за землю, Крохобор для начала объявился бы со своими претензиями на Круге Смотрящих. А так – ну что ему проку с такой резни? Нет, чепуха. Вы лучше подумайте вот о чем. По словам Ши, покойники твердили, якобы их послал на дело не Марди, но кто-то иной. Он, этот «иной», за всем и стоял, я так мыслю. Просто кто-то любит жар чужими руками позагребать. Ну-ка, напрягите память: что может означать упоминание о серых, безликих и присыпанных пылью?!

– В Кезанских горах года два назад промышляла банда под названием «Пыльный вихрь», потрошила туранские караваны, – припомнил воришко. – Но ее извели под корень... Еще есть Серая Гильдия, убийцы по найму... эти, вообще-то, похожи. Но тут в чем загадка: зачем в одну компанию собирать гильдейских убийц и головорезов с Каменного рынка?

– Как раз на такой случай, – задумчиво сказал Хисс. – Если собираешься заполучить ценную – очень ценную – добычу... одна корона чего стоит... то нанимай воров, потому что гильдейские воровать не умеют, они по другим делам мастера. Но если вдруг воры вздумают наложить лапу на ту же самую корону или случись драка, то Серые будут о-очень кстати...

– И верно! – оживился Ши. – Может, так все и было?

– Может, и было, – буркнул Хисс. – Только проще у мертвца спросить, чем у Серой Гильдии. Они вообще сами по себе.

– Короче, все наши мучения и старания ни к чему не привели, – мрачно подвел итог Конан. – Для Рекифеса признание мертвцев доказательством точно не станет. Если мы заявимся в Управу с подобным известием, нас препроводят до ближайшего приюта скорбящих на голову и запрут там на крепкий замок. Но сперва будут долго и упорно трясти, высматривая, с чьей помощью мы разжились столь потрясающими сведениями...

– В былые дни мы могли бы пожалобиться господину Назирхату, мир его праху, – Ши Шелам принял деловито выковыривать пробку из горлышка третьего по счету кувшина. – Он, конечно, пил из нас кровушку похлеще тех злобных демонов, про которых толкуют митрианские монахи, и вел счет каждому медяку в наших карманах... Однако своих в беде он никогда не оставлял.

Где-то на Серых Равнинах душа почившего Назирхата уль-Вади, незаконного, но общепризнанного владыки квартала Нарикано, наверняка прослезилась при сем высказывании мелкого жулика, незамысловато и честно подводившим итог всей его многотрудной, хлопотливой и тяжкой жизни.

Диери изящно выгнула бровь. Хисс хмыкнул. Конан смолчал.

– Если бы мы пришли и сказали: «Нас ребятки Крохобора ни за что, ни про что прищемили!», уль-Вади весь город бы перевернул и сделал так, чтобы подобного безобразия впредь не повторялось, – гнул свое Ши, разливая по кружкам мутное молодое вино, порой и в самом деле поражавшее головы собутыльников не хуже удара ослиного копыта. – Такой уж у него был обычай. Теперь-то за него вроде как Кодо...

– Хисса хороший приятель, – с невинным видом проронил киммериец.

Ши неприлично заржал, а Хисс, как раз сделавший первый глоток, немедленно подавился и заперхал, налившись кровью и пучка глаза. Конан заботливо похлопал его по спине.

Диери Эйтола недоуменно переводила взгляд с киммерийца на Ши и далее на Хисса.

– Малыш шутит. Не иначе в лесу дракон сдох, – заявил Ши. – Кодо у Хисса карточные долги выбивать приходил. Ой что было...

– Этого, юноша, – с чувством произнес Змеиный Язык, багровый как спелая виноградина, – я тебе никогда не прошу. Ишачий ты хвост и отрыжка песчаного демона, ясно?

Малыш молча пожал плечами и скрочил Хиссу рожу. Пару месяцев тому в ответ на подобное поношение Конан, весьма возможно, полез бы в драку. Однако жизнь в развеселом городе Шадизаре постепенно научила юного варвара отличать обидное слово от дружеской подначки. Более того – время от времени окружающие стали замечать за киммерийцем некие признаки чувства юмора, а также вкус к хмельным напиткам и повышенное внимание к противоположному полу. «Взрослеет парень», – не без гордости говоривал в таких случаях Ши, даром что сам прожил на свете всего-то двумя годами больше.

– О Светоносный Митра, – горестно вздохнул Хисс. – Будь же свидетелем, что за чудовище взрастили мы на своей груди: драчливое, злонравное и злословное, плонувшее в руку, его вскормившую... Ну хорошо, приходим мы к Кодо. Опять та же песня – один мертвец сказал... и кто нас станет после этого слушать?

– Постой-ка, – вмешалась Диери Эйтола. – Почему сразу «мертвец сказал»? Кто мешает тебе преподнести Ночному Кошмару половину правды? Якобы вы искали убийц и выследили Варина с Тишваном – не покойников, но вполне живых. Кто их видел после пожара в «Норе»? Никто. Могли они где-то прятаться? Да запросто. Вот они после долгой и вдумчивой беседы – которой они, вот беда, не пережили! – как раз и указали на Марди. Если ты предъявишь обвинение перед Кругом, Кодо ничего не останется, как призвать Крохобора к ответу: почему его псы бесчинствуют в чужих владениях? Глядишь, и узнаем что-нибудь про этого таинственного заказчика...

– Гм, – Хисс потер горбатый нос, с сомнением глянул поверх края глиняной кружки на девушку: – Рискованно, конечно – доказательств у нас почитай что никаких. Мирной беседой вряд ли обойдется, придется Крохобору стык назначать. Если Марди отопрется или, что еще хуже, его головорезы одолеют сиверновских, я буду иметь весьма бледный вид... Да какой там вид! Зароют где-нибудь под забором, ноги в Сахиле, голова в Нарикано... С другой стороны, Ночному Кошмару сейчас, после смерти Назирхата, позарез нужно лишний раз утвердиться перед Братством. Даже его собственные ребятки волнуются, поговаривают, будто не тянет Сиверн на вожака. Мыслит узко, размах не тот, выше «пастуха» не поднимется, даже своих защитить не в силах... А тут как раз случай – нарочно не придумаешь. Нет, может, может проскочить, если быть очень убедительным... В конце концов, как состоящий в Братстве, я в своем праве, виру за кровь еще никто не отменял... Твое здоровье, красотка!

– И отчего ты, такая умная и красивая, до сих пор прозябаешь в захолустном Шадизаре, а не заправляешь в гареме владыки Илдиза, да живет он втрое дольше своего дедушки? – ядовито поинтересовался Ши, за что немедленно схлопотал пинка под столом от Конана.

– Гарем – тот же Алронг, разве что обхождение получше. В клетке только курам хорошо, а я птица вольная, – отбрила Диери. – Уразумел? Что бы вы вообще без меня делали, спрашивается?

— Ой, и не говори, — подхалимским тоном пропел Хисс, салютуя Деянире ополовиненной кружкой. — Ладно, демон с вами, убедили. После твоих с Ши мучений в застенках у злобного некроманта я просто обязан рискнуть своей драгоценной шкурой. Только не сегодня — сперва надо как следует подготовиться. Вот где нам позарез пригодится богатенькая госпожа Клелия с ее неисчерпаемыми денежными запасами. И имейте в виду — в одиночестве я в гости к Кодо не пойду, даже не просите. Конан, составишь компанию? Все веселее пропадать вдвоем. Да, прихвати свою ржавую железяку, если она у тебя еще цела. Глядишь, повезет — сумеешь испугать кого-нибудь.

Снести столь неуважительное отношение к своему ненаглядному — и на редкость страховидному — оружию варвару удалось с большим трудом, однако усилием воли он справился и с этим испытанием.

* * *

В отличие от прочей компании Хиссу уже приходилось бывать в доме на улице Лодел, владении Назирхата уль-Вади, теперь перешедшему к его преемнику Коддраку Сиверну, более известному как Кодо Ночной Кошмар. Змеиный Язык наведывался туда пару раз, сопровождая покойного ныне вожака шайки «Уютной Норы», Джейвара Проныру, но дальше двора и зала в нижнем этаже их никогда не пускали. Издалека особняк на Лоделе — одной из самых приличных и ухоженных улиц квартала Нарикано — выглядел настоящей крепостью: трехэтажное запутанное строение, обнесенное высоким забором с щедро натыканными поверху ржавыми штырями и неизменными караульными при крепких воротах.

Впрочем, после смерти Назирхата уль-Вади количество обитателей усадьбы изрядно сократилось — часть бывших присных подалась искать удачу в других шайках, часть еще не определилась с выбором, кому служить. Да и вокруг самого здания возникла кутерьма, когда многочисленные родственники уль-Вади и его последняя пассия, Окарэма, потребовали своей доли от имущества покойного. Ходили слухи, якобы споры доходили до того, что Кодо и его свите предложили обосноваться где-нибудь в другом месте, и улеглись, когда из рук в руки перешла изрядно кругленькая сумма. Окарэма тоже добилась своего, приобретя небольшой домик по соседству с Обителем Куртизанок, а особняк розового песчаника отныне стал собственностью Кодо.

Однако, как бывает всегда, если прибыльное место становится вдруг свободным, переделом движимого и недвижимого имущества хлопоты месьора Сиверна не закончились, а напротив, только начались. В беспокойной воровской вольнице — как в волчьей стае: мало назвать себя вожаком, нужно еще уметь удержать стаю в повиновении. В свое время Ночной Кошмар показал себя отменным «пастухом» — старшим над парой дюжин отъявленных головорезов. К тому же покойный Назирхат всегда благоволил к своему заместителю. Но теперь зашевелились те, кто никогда не смог бы развернуться под железной рукой старого уль-Вади: главари крупных банд, промышлявших грабежом и рыночными поборами, а также предводители соседних кварталов — Сахиля, Скены, Ночной Пустоши. Среди тех, кто заявлял о своем праве на долю в наследстве почтенного Назирхата, был и Марди Крохобор с Каменного рынка, чьи претензии подкреплялись числом готовых выступить за него бойцов, в

полтора раза превышающим небольшую армию Ходячего Кошмара.

Называть положение нового старшины квартала Нарикано «отчаянным» пока было преждевременно, но определения «тревожное» оно вполне заслуживало. Кодо Сиверну срочно требовалась возможность доказать, что владение покойного уль-Вади перешло в крепкие руки. И рыжий мошенник Хисс по прозвищу Змеиный Язык как раз собирался ему такую возможность предоставить.

…Понимая всю шаткость нынешнего положения Кодо, Хисс ничуть не удивился новым мерам предосторожности в розовом особняке на улице Лодел. К двум обычным верзилам мрачного вида, лениво дувшихся в «три листика» у ворот имения, прибавился третий, в окнах второго этажа засели двое с арбалетами, а напротив калитки устроился прямо в пыли безногий нищий с кучей чумазых ребятишек. И хотя последнего менее всего можно было заподозрить в связях с шадизарским Ночным Братством – сидит себе, подогнув короткие культи и выложив на продажу ерундовый товар, самодельные тряпичные игрушки да свистульки из глины – именно он-то и был самой первой и самой бдительной линией наблюдения Кодо. Ну какая торговля на тихой улочке, где за колокол едва наберется с десяток одуревших от полуденной жары прохожих? Зато, как подозревал Змеиный Язык, стоит в дальнем конце Лоделя появиться подозрительным чужакам, достаточно калеке с невинным видом дунуть в висящий у него на шее латунный свисток, как розовый особняк вмиг ощетинится кинжалами, дубинками и арбалетными болтами.

На двоих визитеров – долговязого нордхеймца с мечом на перевязи и рыжего, с виду безоружного – нищеброд скосился хмуро, пожевал высохшими губами, но позволил обоим беспрепятственно проследовать в приоткрытую калитку. Опасности гости не представляют, а во дворе их встретят как положено и кому положено. И верно – стоило Хиссу перешагнуть порог, как очередная партия в «листики» немедленно прервалась на середине, а трое охранников вскочили с резвостью, каковую никак нельзя было заподозрить в столь массивных тушах. Один из троицы, коренастый громила с длинным шрамом, пересекавшим наискось лицо от лба до подбородка, рявкнул:

– Постойте-ка, парни, дальше ни шагу! А теперь хорошенько подумали: дверью не ошиблись?

– Да нет, вроде верно зашли, – лениво отозвался Хисс. – Хотя, на ваши рожи глядя, сперва-то и я решил: не иначе как бордель, только девчонки уж больно страшные… Ладно, мы сюда не шутковать пришли. Если уважаемый Кодо Сиверн, квартальный старшина, здесь, то проводи нас к нему.

Громила растянул губы в зверской ухмылке:

– Скажи сперва, что ты за важная птица такая, чтобы за ради тебя почтеннейший Кодо Сиверн бросал все свои дела! А уж я доложу Кодо. И если твое имя ни о чем не скажет нашему старшине, то для меня будет истинным удовольствием проводить вас пинком в зад!

Караульщики радостно заржали. Хисс терпеливо дождался, пока они затихнут, и только затем произнес со всем возможным смирением:

– Скажи почтенному Кодо, что пришел Хисс Змеиный Язык по делу Джейвара Проныры и его людей, убитых в трактире Лорны Бритунийки. Скажи, что я, человек Ночного Братства, пришел требовать справедливости и защиты, а если в таковых мне будет отказано, я собираюсь выйти на Круг Смотрящих. И будь добр, перестань попусту колебать воздух своим зловонным языком, пока я не запихнул его тебе туда, где Творец срастил твои ноги неплотно.

Охранник побагровел и по-бычыи нагнул голову на короткой шее, словно намереваясь

немедленно броситься в драку. Конан потянул из ножен старый клинок, но рыжий мошенник стоял совершенно спокойно, не выказывая даже тени страха (хотя одни боги ведают, чего стоило Хиссу это спокойствие) и не пытаясь ни достать оружие, ни прикрыться от почти неминуемой оплеухи. В конце концов на изуродованной физиономии стражи мелькнуло сомнение, какое всегда одолевает недалеких от природы драчунов при виде чужой непоколебимой уверенности: пришел по-хозяйски, хамит, смотрит свысока, хотя самого плевком пересибить можно... ну его к Змееногому, связываться еще...

Еще раз смерив Хисса угрожающим взглядом, охранник смахнул в пыль, прощедил на всякий случай:

— Ну, смотри у меня... — и ушел в дом.

Двое оставшихся обменялись многозначительными взглядами. Хисс облегченно перевел дух и украдкой подмигнул насупленному Малышу. Рыжий мошенник понимал то, чего Конан по неопытности и молодости лет пока не осознал: полдела сделано, слово прозвучало, и услышали те, кому дано было услышать. Теперь Кодо будет затруднительно отказать гостям в их щекотливой просьбе — иначе среди Братства зашелестит слушок, якобы Ходячий Кошмар позволяет безнаказанно убивать своих подопечных, а для «смотрящего» такие слухи равносильны приговору. Слабого и беспечного сожрут свои же — таков закон стаи...

Громила со шрамом появился сто ударов сердца спустя. Он велел отобрать у визитеров оружие, сам обыскал обоих, быстро и грамотно — мог, конечно, отыграться за хамство Хисса, однако на всякий случай воздержался, хоть и глядел волком — а затем пригласил в дом.

* * *

Завидев молодых людей, Кодо отложил в сторону изгрызенное почти до стрежня гусиное перо и воззрился на гостей без всякой приятности. Новый, пока еще не утвержденный Кругом старшина квартала Нарикано восседал за обширным столом, обложившись со всех сторон истрапанными пергаментными листами, покрытыми столбцами цифр. Он явно пытался вникнуть в их содержание, и не преуспевал, отчего выражение его физиономии, без того угрюмой, теперь сделалось вовсе похоронным.

Двое собеседников Ночного Кошмара, с виду прожженные крючкотворы, у коих чернила с успехом заменяют кровь, бросили на вошедших единственный изучающий взгляд, после чего дружно уткнулись в бумажные россыпи. Присутствие подобных, сугубо мирных на вид, типов в особняке на улице Лодел Хисса ничуть не удивило. Он отлично знал эту особую (и весьма важную) масть преступного мира, на воровском жаргоне именуемую «кротами». «Кроты» не срезали кошельков, не чеканили фальшивую монету и не раздевали ночной порой подвыпивших купцов, мало того — ни один из них не носил с собой ничего остreeе гусиного пера или тяжелее чернильницы. Однако немногие жители Столицы Воров могли бы чувствовать себя на улицах родного города столь же спокойно, как эти неприметные люди — казначеи и своеобразные законники Ночного Братства, в чьих цепких и умелых руках золотая река незаконной прибыли обращалась в тысячу маленьких, но вполне законных ручейков или пополняла неприкосновенную воровскую складчину, «общак».

И хотя «благородные» налетчики, карманники, мошенники и взломщики относились к

«кротовой» породе с некоторой долей презрения, как легионер-ветеран относится к штабным крысам, все же их умения (в особенности молчание) ценились чрезвычайно высоко, а самих казначеев берегли едва ли не пуще квартальных старшин Братства. Верно и то, что любая монета имеет оборотную сторону: проворовавшегося или, того хуже, продавшегося «крота» ожидала воистину чудовищная участь. Оттого подпольных казначеев порой сравнивали с верными рабами из Черных Королевств – теми, которым отрезают язык при жизни и хоронят вместе с хозяином после его смерти.

– Прервемся малость, – негромко бросил Кодо «писарям». Те с завидной слаженностью поднялись с табуретов, однако комнату не покинули – прихватив с собой по изрядному вороху бумаг, перебрались за другой стол, стоявший вплотную к окну.

«Вот и свидетели, – понимающе кивнул про себя Хисс, устраиваясь на освободившемся седалище. – Стало быть, Кодо уже понял, что разговор предстоит серьезный. Могу побиться об заклад, эти две ученые крысы будут запоминать, а в случае необходимости и записывать каждое сказанное нами слово. Ох, не ошибиться бы и не перепутать, в каком порядке излагать, а то бед потом не оберешься...»

Месьор Сиверн терпеливо дождался, пока Хисс и Конан усядутся, однако разговор первым не начинал, исподлобья рассматривая обоих: более пристально – Хисса, юного варвара – мельком. Вблизи Кодо производил еще более пугающее впечатление: вытесанная из камня гора мускулов, вдвойне, даже втройне опасная из-за способности размышлять и предугадывать действия противников. Маленькие медвежьи буркалы воровского вожака поймали взгляд Хисса, и в первое мгновение тот проигрывал безмолвную дуэль. Но очень кстати Змеиный Язык припомнил, что знает тщательно скрываемую слабость Кодо – покровительство сиротскому приюту. Мысль неожиданным образом насмешила его и придала странной уверенности.

Почувствовав, что жертва ускользнула, Кодо перестал играть в гляделки и недовольно хмыкнул.

– Хисс Змеиный Язык, – наконец тяжело проронил он, по-прежнему не выказывая никакой радости от нежданного визита. – Давненько тебя видно не было, рыжий мошенник. Болтали, якобы ты завязал – стал мальчиком на побегушках у богатой оффирской дамочки?

– Врут, – отрезал Хисс.

– Ну тогда хорошо. Когда толковый вор уходит в завязку, у меня всякий раз сердце щемит. А тебя, парень, я встречал прежде, но не припомню как звать. Ты как будто недавно в Столице Воров, а?

– Меня зовут Конан, – обстоятельно начал киммериец, – из клана Канах. В Шадизаре я третью луну...

– Значит, не наш, – осуждающе прервал Сиверн. – Пока не наш, не из Братства. Но раз уж ты его привел, пусть остается. Поручишься за него, Змеиный Язык?

– Поручусь, – кивнул Хисс. – Хороший парнишка, правильный. Далеко пойдет.

– Если прежде не повесят, – мрачно пошутил Ходячий Кошмар. – Так с чем пришел ко мне, рыжий? Чую, не просто поболтать. Давай, выкладывай.

– Ты слышал про заведение Лорны Бритунийки? – Хисс решил сразу переходить к делу. – Шайку Джейвара Проныры перебили седмицу тому, слыхал?

– Как не слыхать, слыхал, конечно, – Кодо нахмурился, откинулся всем своим массивным телом на спинку стула, скрестил на груди мощные руки. – Спалили «Нору» какие-то шакалы беззаконные, гору трупов наваляли... Ферузу-гадалку убили, а уж на нее в

городе ни у кого бы рука не поднялась... Альс, говорят, после этого совсем умом тронулся, любил ее без памяти. Хотел с ним потолковать по душам, так он сгинул куда-то... Не знаешь, куда запропастился?

— Уехал, — хотя Кодо обращался к Хиссу, ответил предводителю квартала Малыш, за что удостоился хмурого взгляда. — Сказал нам, мол, больше не желает видеть этот город. Вроде бы на Побережье подался, в Шем или Аргос. А может, и дальше.

— Уехал. Та-ак... — раздумчиво протянул Ночной Кошмар и вернулся к прежней теме разговора: — Ну а Бритунийка где? Она как, собирается вернуться к старому промыслу?

— Лорна тоже уехала, — говоря по правде, Хисс полагал, что Кодо прекрасно известно о судьбе трактирщицы. — Продала то, что осталось от «Норы», и отправилась в родные края, в Пайрогию.

— Во как, — крякнул месьор Сиверн. — Кто ж тогда уцелел из вашей шайки? Вас там околачивалось с десяток душ, верно?

— Я, вот этот парень, да еще Ши Умелые Ручки, ну, ты его знаешь, — перечислил Змеиный Язык. — Все.

— Нынче-то как вам живется? Не бедствуете? — продолжал расспросы Ходячий Кошмар. Теперь в его голосе слышались участие и забота — несомненно, наигранные. Змеиный Язык ничуть не сомневался, что Кодо вполне осведомлен об их нынешних бедствиях, — как не сомневался и в том, что участь остатков шайки Джейвара Проныры ему вообще-то безразлична. Однако рядовые члены Братства подобных сомнений испытывать не должны, и все запоминающие тихони-писаря нынче же разнесут слух, сколь заботлив и великодушен Кодо Сиверн с попавшими в беду подопечными. — Если нужна помощь, звонкой монетой или там веским словом — проси, я сделаю...

— Благодарение богам и добрым людям, крыша над головой и краюха хлеба к обеду имеется, — сдержанно поклонился Хисс. — Спасибо за предложение, Кодо... но ты ведь знаешь, какой мне надобно помочи. Давай не будем ходить вокруг да около. Сгорел дом, ставший для нас почти родным. Убита моя женщина. Убиты те, с кем я делил кров, вино и воровскую удачу. Феруза ушла на Серые Равнины, и Альс проклял тот день, когда он явился в Шадизар — можно считать, теперь он для Братства потерян надолго. И наконец — хотя деньги ничто в сравнении с пролитой кровью, но все же: подлые убийцы унесли богатую добычу, немалая часть которой предназначалась тебе в соответствии с *шайвар*, законами Ночного Братства. Стало быть, ты и твои люди ограблены так же, как я. Не знаю, искал ли ты убийц. Что до меня, то я искал и нашел. Теперь я требую справедливости для себя, смотрящий, и кары для тех, кто преступил закон Братства.

Произнося свою речь, Хисс не поднимал головы. Лишь закончив, он выпрямился и взглянул прямо в лицо квартального старшины.

Глаза Кодо превратились в узкие щелочки.

— Как понимать твои слова насчет богатой добычи, Змеиный Язык? — спросил он обманчиво спокойным тоном. — Она была столь хороша, что стоила пяти смертей и законов *шайвар*? Тогда почему я не узнал об этом раньше?

— Полторы седмицы тому почтенный Назирхат уль-Вади — мир его праху — расколол городскую казну, — напомнил Хисс. — Насколько мне известно, ты там тоже был со своими лучшими парнями, как и Аластор Кайлиени вкупе со случайно прибившимся Ши. Немедийские цепные псы во главе с Рекифесом испортили вам веселье, но кое-кому удалось уйти, и даже прихватить пару вещичек на память. Я не спрашиваю, что успело завалиться в

твой карман. Альс же приволок нечто вроде здоровенной тиары...

— Алмазная корона, — вырвалось у Кодо.

Один из «котов», не сдержавшись, присвистнул. Ходячий Кошмар наградил его долгим внимательным взглядом, под тяжестью которого счетовод съежился и постарался слиться со стеной.

— Алмазная корона из сокровищницы, — задумчиво повторил Кодо Сиверн. — Тогда многое проясняется. Да, такое стоит много больше пяти смертей. И конечно же, найдутся шакалы, которые оценят ее выше неписаных законов Братства... Почему Аластор сразу не сказал? Что за нелепость — хранить груду алмазов в захудалом кабаке, где даже охраны толковой нет?!

— Сказал — кому? — возразил Хисс. — Когда? После стычки с немедийцами Назирхат отбыл на постой к Нергалу. Тебя более всего заботило наследство уль-Вади, а Альса — предстоящая свадьба. Если он не жрал вино, то миловался со своей ненаглядной, а чаще всего совмещал то и другое... Да и вещица была уж больно красивая. Мы собирались подержать ее в тайнике седмицу-другую, пока все утрясется, а потом...

— Подержали, пожри вас Сет, — рыкнул Кодо, и, несмотря на явное раздражение хозяина Нарикано, Хисс в этот миг испытал огромную радость: поверил! Клонул на приманку, сразу и без сомнений. Воистину, подумал рыжий мошенник, хорошая легенда — половина дела.

Впрочем, нет — не половина. Четверть, самое большее — треть. Самое сложное и тяжелое еще впереди. Да и сказанное пока не слишком отличалось от правды. Просто месьору Сиверну совсем не обязательно в точности знать, какие удивительные вещи происходили в последнее время с обитателями «Норы».

Следующий вопрос Кодо был предсказуем:

— Итак, теперь понятно — зачем. Но поведай мне, каким образом тебе удалось найти то, что безуспешно искали мои самые толковые люди? Ведь ты сказал, якобы тебе известныочные налетчики?

Помедлив, Хисс с некоторым душевным трепетом достал из-за пазухи замшевый мешочек, откуда извлек и положил на стол ярко блеснувшую вещицу. Ходячий Кошмар чуть наклонился вперед, рассматривая штуковину. Это оказался гребень из золота и перламутра, сработанный где-то на Полудне, возможно, в Стигии или Кешане, судя по нарочитой грубоści литья. На выгнутой спинке гребня красовались две маленькие фигурки, изображавшие любовную сценку между женщиной и существом, похожим на леопарда, но с головой змеи.

— Ну и?.. — буркнул Сиверн, побуждая Хисса продолжать рассказ.

— Это моя вещь, — сказал Хисс. Ему требовалось повествование не слишком длинное, чтобы не запутаться самому, и в то же время настолько подробное, чтобы не вызвать лишних вопросов. — Я взял ее около луны назад в Ламламе. Собирался подарить своей девушке, Кэрли... пусть дух ее покоится в мире. В ночь, когда напали на «Нору», эта штучка лежала в сундуке, а сундук стоял в моей комнате. Я полагал, она сгорела вместе с прочим бараклом, но дней пять тому совершенно случайно наткнулся на нее — в «Пещере сокровищ», лавке ювелира Жебела. Сперва не поверил своим глазам — вещица хоть и редкостная, но все может быть, вдруг в городе отыскалась еще одна такая? Взял в руки, разглядел как следует, убедился — нет, та самая, видишь, у зверя один глаз-камушек выпал? Целенькая, не тронутая огнем — стало быть, не на пепелище найдена, а прихвачена из «Норы» до того, как таверна заполыхала. Ну, я ее купил и заодно выспросил у хозяина «Пещеры», как она к нему попала.

— И что сказал Жебел? — на мрачной физиономии Ночного Кошмара появилось нечто вроде легкой заинтересованности.

— Он назвал имя человека, принесшего эту вещь для оценки и продажи. Правда, Жебел заговорил не даром, ох, не даром, — Хисс потер средним пальцем о большой, намекая, что ему пришлось оплатить сведения. — После чего мы отправились разыскивать указанную особу. Это заняло какое-то время... но нам повезло, мы довольно быстро нашли этого тупицу. Его звали Варин. Он ходил под рукой Марди с Каменного рынка. Точнее, под одним из его «пастухов», Зуадом по прозвищу Шептун.

Кодо открыл было рот, намереваясь уточнить какую-то подробность, но передумал и махнул рукой — мол, излагай дальше.

Рыжий мошенник украдкой перевел дух: похоже, самый опасный момент в его легенде остался позади. Да, золотую безделушку принес в «Пещеру сокровищ» не кто иной, как Варин, стремившийся побыстрее наполнить свой кошелек звонкой монетой. В случае необходимости ювелир мог бы подтвердить правдивость слов Хисса — если бы, конечно, Кодо решился с пристрастием расспросить Жебела, в чью лавку ходила на поклон едва не половина Ночного Братства: оборотистый делец давал хорошие цены за краденый товар, который переплавлял в своих мастерских либо сбывал с выгодой за пределами Заморы.

Вот только сам Хисс не крал золотого гребня в богатом квартале Ламлам ни луну назад, ни в какое иное время. Он вообще впервые узрел безделушку не далее как прошлым вечером. Как нерадивый ученик обманывает строгого учителя, подгоняя решение под заранее известный ответ, так и Хиссу перед разговором с Кодо пришлось использовать весь свой дар убеждения, подкрепляя его щедрыми подачками. Вызывая у хорошо знакомого ему ювелира о вещах, пришедших из рук двух злосчастных бойцов Марди Крохобора, Хисс выбрал то, что поприметнее прочих. Эта часть легенды звучала неплохо, и все же оставалась опасность, что Кодо задумает копнуть глубже. К примеру, спросит, в каком именно богатом доме рыжий мошенник присвоил безделушку. Тогда Хиссу пришлось бы нелегко.

Хвала богам, Ходячий Кошмар обошелся без вопросов.

— Варин оказался до чрезвычайности упрямым парнем, — продолжал Хисс. — Однако общими усилиями мы его разговорили, узнав кое-что любопытное. Он признался, что принимал участие в налете на «Нору». Само собой, не в одиночестве — там собралось около дюжины человек, в том числе и его дружок, некий Тишван, коего мы тоже... повстречали в темном переулке. Почти все нападавшие, как мы выяснили — сторожевые псы Крохобора...

— Куда вы их дели? — резко осведомился Ходячий Кошмар. — Тех, кого ты назвал — Варина и второго, как его? Надеюсь, у вас хватило ума запереть их понадежнее. Значит, так: возьми моих мальчиков и доставь обоих крысюков сюда. Управишься до вечера?

— Никак невозможно, — с удрученным видом развел руками Хисс. Кодо вопросительно поднял бровь. — Тишван, когда его прижали, схватился за нож, мало того, принялся этим ножом размахивать направо-налево... ну, и вон то порождение Полуночи сгоряча развалило бедолагу надвое от ключиц до пупа. Нож против меча, в общем-то, не очень... С Варином, признаю, я сам погорячился, думал, он протянет еще денек-другой. Трупы мы отвезли к Старым Бойням и там спалили. Не на леднике же их держать, в самом деле? После чего пораскинули умом и решили прийти к тебе, — Змеиный Язык сделал крохотную паузу и продолжил, стараясь говорить как можно ровнее и спокойнее: — Мы знаем, кто на нас напал и с какой целью. Но мы — всего лишь мелкая шайка, к тому же наполовину разгромленная. Мы не в состоянии на равных тягаться с Марди Арбисом и предъявлять ему какие-либо

обвинения. Единственное, что нам остается – положиться на тебя, почтеннейший Кодо. Нарикано теперь стал твоим владением, и мы будем платить тебе за защиту и покровительство также, как платили Назирхату уль-Вади... если ты окажешь нам эту защиту.

Краем глаза Хисс покосился в сторону окна. Предусмотрительность Кодо обратилась теперь против него самого. Нет сомнений, мимо настороженных ушей двух свидетелей не проскочило ни одно слово из сказанного. Кодо не сможет выставить незваных гостей или отделаться от них невнятными посланиями, ему придется принять решение и дать точный ответ.

Понимал это и хозяин Нарикано. Хиссу померещилось, он отчетливо слышит скрежет и лязг, с коим в голове месьора Сиверна проворачиваются жернова и раскачиваются весы, тщательно взвешивая все «за» и «против». Пожалуй, и всесильный Назирхат уль-Вади в такой ситуации не стал бы торопиться с ответом: вражду шаек легко разжечь и до чрезвычайности трудно погасить. В такт своим мыслям Кодо выбивал пальцами на столешнице неразборчивый мотивчик, Хисс и Медвежонок терпеливо помалкивали. Еле слышно, усыпляюще шелестели разворачиваемые писцами свитки и поскрипывали перья.

Внезапно Ночной Кошмар хлопнул по столу лопатообразной ладонью. Резкий звук заставил нервно подпрыгнуть на табуретах не только Хисса и Малыша, но и обоих «кротов».

– Ты врешь мне, рыжий, и я эточу, – громыхнул Кодо. – Не могу сказать наверняка, в чем, но врешь. Признаешься сам или мне тебя заставить? Ну?

– Зачем же мне врать, Кодо? – так же, как в давешнем поединке характеров с громилой-привратником, Хисс усилием воли сохранил внешнее спокойствие – только теперь бесстрастная маска далась ему стократ труднее. – Что проку...

– Зачем? Я скажу, зачем, – Кодо угрожающе вздвинул над заваленным бумагами столом, навис осадной башней над оставшимся сидеть Хиссом. – Предположим, Добряк Гонжа из квартала Скена заплатил тебе пару серебрушек – ай, как славно будет Хватам из Скены, если парни Кодо Сиверна и ухорезы Марди перережут друг друга, а? Это – так, например. Или еще по дюжине причин. Потому что итог твоих речей – если только я поверю тебе – может быть только один: я назначаю Марди «кровавыйстык»... и что я ему предъявлю? Твое слово против его слова? Да он рассмеется мне в рожу. Вот эту побрякушку, которую ты якобы опознал у Жебела? Жебел скажет, что в первый раз ее видит. Еще что? Мне нужны доказательства! Ну хоть одно! Хоть самое завалящее, чтобы я убедился, что ты не врешь!

– Тишван и Варин назвали имена, а я назвал их тебе. Сыщи тех парней да порасспроси с пристрастием, и убедишься, что я говорил правду, – стоял на своем Хисс.

– Когда мне потребуется хороший совет, обязательно тебя позову, – мрачно усмехнулся Ходячий Кошмар. – Это, значит, по одному твоему слову я должен ни с того ни с сего запытать пару-тройку бойцов Крохобора? Это ты умно придумал. Хвалю.

Он нагнулся через стол к рыжему мошеннику и просипел зловеще:

– Тогда вот что, парень. Раз у вас троих достало ума, как ты утверждаешь, добраться аж до ребят Марди Арбиса, то почему бы вам было не начать с самого начала – с себя? Ну-ка скажи мне: кто из твоих друзей разболтал Крохобору об алмазной короне? А? Не слышу!

Хисс с каменным лицом молчал, уставясь в угол. Да и что он мог ответить? Этим вопросом – кто предатель? – каждый из них задавался добрую сотню раз, но что толку? И что проку теперь продолжать беседу – Кодо не верит ему, и будет верить тем меньше, чем дольше он будет настаивать. Пожалуй, лучше всего встать и уйти. Прямо сейчас.

Если, конечно, им позволят уйти живыми.

Змеиный Язык был настолько раздосадован явным провалом их авантюрной затеи, что даже не сразу узнал голос, раздавшийся за его спиной. Узнав – удивился.

Прислушавшись же к смыслу произносимого – ужаснулся.

– …ты отличил верно. Мы не сказали всей правды, но в главном не солгали, – говорил Конан. – Мы уверены, что на «Уютную нору» напали люди Марди с Каменного Рынка. Да, у нас нет тех доказательств, которых ты просишь. Но чтобы ты не счел нас лжецами или кем похуже, мы готовы прийти на стык с Крохобором сами и сами потребуем у него ответа. Если правда не на нашей стороне, мы умрем первыми. Если же боги за нас – добьемся справедливости.

Для того нескладного юноши-киммерийца, которого Хисс привык звать Малышом, то была удивительно долгая и гладкая речь. Старшина квартала Нарикано выслушал подростка не перебивая, со странным выражением на грубом, будто из дерева вырезанном лице.

– Ты все сказал? – почти ласково осведомился он, когда Конан закончил.

– Э… Кодо, – опомнился Хисс. – Послушай, он же еще совсем мальчишка, у него разума…

– …побольше чем у тебя, – рыкнул Ходячий Кошмар. – Теперь помолчи. Слово сказано, и я его услышал. Этот мальчишка готов отдать жизнь за свою правду, а такая готовность для меня много значит. Сходимся с Крохобором завтра на Плешке ровно в полдень. Так я решил. Кстати, чтоб ты не возгордился – стык назначен давно и собирается не только за ради вашего дела. Мне с Марди много о чем нужно пошуршать. Он последнее время что-то зарвался, поучить его немного надо… Но теперь со мной пойдете вы, все трое. *Все трое*, понял? И ты, Змеиный Язык, – не я, Кодо Сиверн, а ты сам, лично! – предъявив Крохобору за смерть людей Джая Проньры.

– Я?! – задохнулся Хисс.

– Ты, ты! Кто же еще? Я бы, честно говоря, предпочел вот его, – Ходячий Кошмар кивнул на киммерийца. – Но он пока не наш, к тому же слишком молод, Марди не станет его слушать на стыке. Этого вашего чернявого карманника никто всерьез не примет, а больше-то никого и нет. Так что говорить тебе, рыжий, вроде как за старшего… а уж я постою рядом, погляжу Крохобору в свиные глазки да посмотрю, не сыгранет ли у него кое-чего кое-где… Если почую, что его вина – так и быть, поглядим, как кости выпадут да чья сталь острее. Но если врешь *ты* – скормлю вас всех воронам и глазом не моргну. Так что если у тебя есть что оставить по наследству, я бы на твоем месте распорядился загодя. Так, на всякий случай.

Сиверн уселся на свой табурет, жалобно скрипнувши под его мощной тушей, махнул «писарям» и взялся за перо – это означало, что разговор безусловно окончен.

…Маска спокойствия продержалась на лице Хисса ничуть не более, чем потребно, чтобы пройти по улице Лодел полста шагов и свернуть в пыльный проулок. Едва свернув за угол, Змеиный Язык резко подался к своему спутнику и вскинул было руки, словно намереваясь схватить того за горло – но вместо этого отмахнулся обессиленно и привалился к стене, цветом лица сровнявшись со свежей побелкой.

Пожилой водонос, выходящий со своими кувшинами из узкой калитки, услышал, как тощий парень с копной выюющихя рыжих волос, сидящий на корточках прямо в пыли, мертвым голосом сказал второму – долговязому серьезному юнцу с длинными ножнами за правым плечом:

– Ты понимаешь, что теперь будет? Если уж ты так веришь в богов – молись, чтобы мы увидели завтрашний закат…

— С нами Кром-Воитель, — отвечал юноша с мечом, — и я буду молить его о справедливости.

Однако в голосе его слышалось сомнение. Старик-водонос, проходя мимо, лишь украдкой пожал плечами. Он многое повидал на своем долгом и беспокойном веку и точно знал, как капризны бывают боги.

А уж требовать от них справедливости — и вовсе дело безнадежное.

Глава четвертая

Сила обмана

Местечко это знающие люди именовали «Плешкой». Незнающие – не именовали никак, ибо, с точки зрения человека постороннего, не было в Плешке ничего такого, чтоб ломать голову над названием. Пустырь как пустырь, окруженная заборами да глухими стенами пыльная проплешина на полуночной окраине Шадизара, там, где смыкаются границы кварталов Нарикано и Сахиль. Полста шагов в поперечнике, груды мусора под заборами, чахлая поросль сорной травы, на которой пасутся две-три тощих козы, принадлежащих владельцам окрестных домишек – вот и вся Плешка, в обычное время просто-таки воплощение бесхозности и запустения.

Однако как колдун способен извлечь воду из камня, так житель Столицы Воров сможет найти полезное применение даже пустоте. Плешка, куда отродясь не заглядывали представители закона, именно в силу своей заброшенности оказалась самым подходящим местом встреч для тех самых *знающих* людей, что для краткости объяснения нарекли это место его нынешним именем. Люди эти, сами себя именовавшие шадизарским Ночным Братством, сходились на забытом богами и городской стражей пустыре для того, чтобы разрешить спорные вопросы – те вопросы, в которых никак невозможно разойтись миром. Сходились часто или редко, раз в году или, случалось, два-три раза за луну.

Иногда после таких встреч с Плешки уносили раненых, которых пользовали потом подпольные костоправы. Бывало, утаскивали трупы. Иных бедолаг, чей жизненный путь оборвался в желтой пыли пустыря, зарывали здесь же – на такой случай под мусорными кучами предусмотрительно были спрятаны несколько заступов. Последнее, впрочем, случалось крайне редко и лишь в тех случаях, когда воры решали, что усопший недостоин правильного погребения – например, не убит в честном поединке, а казнен за нарушение *шайвар*, неписанных законов Братства.

Словом, всякий член Братства, от квартального смотрящего до мнимого калеки из тех, что не брезгуют ни подаянием, ни грабежом, знал: если стык назначен на Плешке – пять к одному, быть драке. Обитатели прилегающих к пустоши уочек каким-то верхним чутьем научились угадывать приближение очередной грозы: спешно загоняли во двор коз, накрепко запирали ворота, а двери подпирали поленьями. Лишь в щели захлопнутых ставен нет-нет да блестел чей-нибудь любопытный глаз.

Вот и сегодня, начиная с десятого утреннего колокола, невидимая метла вымела с Плешки всех посторонних зрителей. Что же до участников предстоящего тревожного действия, они не заставили себя ждать. Безлюдный пустырь постепенно заполнялся людьми, подходившими по двое, по трое и сбивавшимся в группки по разные стороны пыльного круга. Границей между ними служила незримая черта, проходящая через маленькое капище черного мрамора, чуть более луны назад появившееся на пустыре. Про эту странную, непонятно кем и зачем в одночасье воздвигнутую молельню ходили странные слухи. Теперь она покосилась набок, выглядела заброшенной и обветшалой, и все равно близко к загадочному капищу люди старались не подходить.

День с самого утра выдался жарким. Из рук в руки передавались фляги с разбавленным красным вином или холодной водой. В воздухе повис негромкий гул голосов.

– ...Попрятались, как тараканы по щелям. Чуют кровь, заразы, – шипел Хисс, нервно

озиравясь по сторонам.

Вокруг возбужденно гудели отборные бойцы Кодо Сиверна, числом что-нибудь около двух десятков. От такого количества страховидных рож и смертоносной стали, распиханной за поясами и голенищами сапог, кому угодно стало бы не по себе. Ши Шеламу, например, хватило и меньшего. Едва узнав, что утром им всем предстоит стык с головорезами Крохобора на зловещей Плешке, воришка впал в состояние, близкое к истерике, и его пришлось полночи отпаивать крепким вином. На стык Ши все же пришел – да и куда бы он девался? – но с виду походил на покойника, поднятого из гроба черным колдовством: шел, куда сказано, стоял где велено, покорно отступал, если толкали, и молча смотрел прямо перед собой стеклянным взглядом.

Конан казался спокойным, лишь еще более мрачным, чем обычно, и еще менее разговорчивым. Возможно, его угрюмость отчасти была вызвана невозможностью взять с собой на стык свой любимый меч. Никакой брони или самострелов, никаких клинков длиной более двух ладоней, только короткие ножи, кастеты и дубинки – так гласили общепринятые правила подобных сходок. По настоянию Хисса варвар прихватил дубинку длиной в локоть из железного дерева, залитую свинцом. Неплохое оружие в умелых руках, вот только Змеиный Язык сильно сомневался, что юный варвар хоть немного продержится против матерых бандитов Марди Крохобора.

Сам Хисс кроме короткого кулачного ножа, что был с ним постоянно, сунул сзади за пояс широкий, острый как бритва клинок. А потом вознес горячую молитву покровителю воров и поэтов Белу, чтобы оружие не пригодилось на предстоящей сходке, и пошел просить у Лия успокоительного зелья.

…Чем ближе к назначенному сроку, тем плотнее сбивались группы по обе стороны невидимой границы, стихали разговоры, твердели лица, поудобнее подтягивались черенки дубинок и рукояти коротких ножей. Наконец две длинных людских цепочки встали друг против друга – отборные бойцы Кодо по прозвищу Ходячий Кошмар и Марди с Каменного рынка, по два десятка от каждого из старшин. Те, что подошли со стороны квартала Сахиль, деловито обвязывали левое запястье белыми тряпицами – чтобы в гуще рукопашной схватки отличить своих от чужих.

– Идут! Идут…

– Ну, помоги нам Бел и Лучезарный Митра, – выдохнул Хисс, завидев одновременно показавшиеся с разных концов пустоши процесии.

Кодо Сиверн и Марди с Каменного рынка явились на стык в сопровождении телохранителей, но при этом пешими и одетыми совсем просто – явно не из скромности, но скорее для удобства в грядущей драке. На Кодо были просторные парусиновые штаны, подпоясанные широким алым кушаком, потерная безрукавка из коричневой бычьей кожи выставляла напоказ мощные татуированные бицепсы. Крохобор оказался громилой под стать Кодо – пониже ростом, но тяжелее самое малое на стоун, и сжимал в руке массивную булаву на коротком черене. Походка его была уверенной, а широкая, с заплывшими глазками ряшка, покрытая жесткой, как проволока, черной щетиной, походила на кабанью морду. «Смотрящий» Каменного Рынка производил впечатление человека напористого и неуступчивого.

Он и начал разговор первым, едва оба вожака вышли на середину, сразу и без лишних предисловий перейдя к делу:

– Ты звал, я пришел. О чем говорить будем?

— Неужто двое взрослых и умных мужчин не найдут тему для разговора, Марди? — коротко хохотнул Кодо, не отрывая взгляда от лица противника. — Даже если ты совсем нелюбопытен, у меня к тебе всегда найдутся вопросы!

Крохобор ничего не ответил. Он лишь попрочнее утвердился на ногах, похлопывая по ладони тяжелым шаром булавы да поглядывая исподлобья на Кодо. Ходячий Кошмар продолжал:

— Вот например. Менчу, торговец шерстью с улицы Кипарисов — ты знаешь его лавку, там на двери нарисованы сторожевые кобры, хотя на самом деле никаких кобр у Менчу нет — заплатил мне на прошлой седмице за охрану, все по чести. А на этой седмице твои «стригуны» снова заставили его платить — на этот раз уже в твою казну и вдвое больше. Они сломали ему руку, когда он попробовал отказаться! Теперь Менчу стал грустен, он спрашивает: в чем смысл жизни, если кто угодно может приходить и ломать руки бедному торговцу за его же деньги?

— А чему тут удивляться? — пожал плечами Крохобор. Оба вожака нарочно говорили достаточно громко, чтобы их разговор слышали бойцы обеих сторон. — Старый дурак Менчу получил по заслугам — он надеялся, что нарисованные кобры охранят его дом лучше настоящих стигийских, а твои люди окажутся сильнее моих, а главное, обойдутся дешевле! Но он ошибся, как и все скряги. Фаттах! — окликнул Марди одного из своих телохранителей. — Когда в следующий раз пойдешь к Менчу за данью, объясни ему, что смысл жизни в том, чтобы сделать правильный выбор!

Ответ Марди обе группы бойцов встретили дружными выкриками — одобрительными с одной стороны и злобными с другой. Лицо Кодо потемнело от гнева. Намек Крохобора был более чем прозрачен: Сиверн и его воины — никчемная дешевка, лавку на улице Кипарисов беззастенчиво и безусловно берет под себя банда Марди, так же, как вскорости заграбастает и прочие источники дани, некогда находившиеся под опекой Назирхата уль-Вади. Это был, по сути, прямой вызов. Назначая стык, Кодо собирался предъявить Крохобору счет еще за добрых полдюжины опекаемых им лавок, но теперь видел, что дальнейший разговор не имеет смысла. Решающим аргументом в споре за границы влияния для Марди Арбиса, похоже, могла быть только сила.

Что ж, оставался еще один вопрос, возникший не далее как вчера — Крохобор не мог подготовиться к нему заранее, интересно, что-то он скажет в ответ на обвинение Змеиного Языка? Одно дело — «стричь» лавочников и делить доходные места, совсем иное — нарушить неписаные законы воровского Братства, устроив кровавую резню на чужой земле из-за чужой добычи. По-прежнему не спуская глаз со стоящего неподвижно Марди, Кодо повелительным жестом подозвал Хисса, переминавшегося с ноги на ногу шеренги бойцов.

При виде тощего рыжего парня, ничуть не похожего на могучих громил Сиверна, и двоих его спутников, державшихся чуть позади — еще более молодых и зеленых с виду — в маленьких глазках Крохобора мелькнуло недоумение.

Оно, впрочем, сменилось чем-то похожим на странный интерес, когда Хисс закончил

свою обвинительную речь.

— Я не понял, ты что, собрался эту бойню беззаконную мне навесить? *Мне?* — насмешливо хрюкнул Арбис. — Силен, однако... Ну теперь давай доказывай. Только смотри, из штанов не выскочи.

— Имена, которые я назвал... — начал Змеиный Язык.

— ...верблюжьего плевка не стоят, — отрезал Крохобор. — Ты что, шутишь, парень? Имена ему... Имен я тебе сам полную пазуху накидаю, и что с того? Вон, смотри: Винс Удавка, Эвар Жареный, Шрам, Гиря, Трижды Повешенный, еще с полдюжины тех, что там стоят, — Марди махнул рукой в сторону людей Кодо Сиверна. — Да я тебе точно говорю: они-то ваш кабак и спалили, корону продали в «Черной Луне» лысому стигийцу с бородавкой на лбу, а деньги в «три скорлупки» проиграли. Мне об этом Колченогий Марра с Нищебродки шепнул, он прямо сам все видел. Только он уж подтвердить не может — давеча в термах поскользнулся на мокрой ступеньке, череп пополам, мозги наружу... Веришь мне, рыжий? Нет? А чего так? Что, мое слово дешевле твоего стоит?

Напряженную тишину над пустырем нарушили ехидные смешки — раздавшиеся притом с обеих сторон.

И тогда снова заговорил Кодо Сиверн, решив более не тянуть с неизбежным и рубануть напрямую:

— Ладно, ты сказал — я услышал. Но вот вижу я, Крохобор, прямо-таки нутром чую: ребята Джейвара правду говорят, а вот ты толковать по-людски не хочешь, юлишь, отбрехиваешься, ровно шакал блудливый. Есть на тебе грех, у меня на такие штучки чутье верное! А раз так — быть тогда промеж нами крови, отныне и...

— Э, постой-ка, молодой-горячий! Разлетелся, не догнать! — внезапно перебил Марди, не дав Кошмару закончить традиционный для Ночного Братства вызов на поединок. Крохобор протестующе вскинул руки, и в его лениво-безразличном доселе голосе появился даже некий намек на просительность.

— Железом мы помашем, успеется — зря, что ль, собрались? Только сперва я кой-что прояснить хочу, и для тебя, и для себя, и для Братства. Меня, бывало, по-разному называли всякие людшки, земля им пухом. Но чтоб слушок покатился, будто Марди с Каменного Рынка воровской закон забыл — этого я допустить не могу! Так что прежде чем мы друг друга начнем на куски рвать, давай разберемся с этой твоей «Норой» как ты хотел, по-человечески. Потому как чую я во всей этой заварухе мерзкий такой запашок. Навроде того смердения, что из твоей, Кодо, пасти исходит, когда ты ее распялишь до ушей.

Поскольку Марди понизил голос, бойцам обоих шаек тоже пришлось притихнуть, дабы расслышать своих вожаков. Хисс стоял, не веря своим ушам — их безумная затея, их сметанная на живую нитку история из полуправды и лжи, грозила вот-вот обернуться чем-то непонятным и непредсказуемым! Это поняли даже засопевший от умственного и душевного напряжения Конан и сбросивший оцепенение Ши. Змеиный Глаз подскочил от неожиданности, когда за его спиной послышался громкий шепот:

— Получилось! Будь я проклят!

— Будешь, если не заткнешься, — пробормотал Малыш, незаметно наступая болтуну на ногу.

Хисс только открыл рот, собираясь пригрозить обоим приятелям за невместную болтливость самыми жуткими карами, но тут Марди Крохобор ткнул в его сторону черенком своей булавы:

– Подойди-ка ближе, умник. Да повтори, внятно и раздельно: на кого из моих людей ты возводишь поклеп в разгроме вашего паршивого хлева?

– Варин, Тишван, Пег Конокрад, иль-Нарим, Гобдик, Джавад... – начал перечислять Хисс. Список вышел немаленьким. – Старшим над ними ходил Зуад по прозвищу Шептун. Твой, достопочтенный Марди, верный пес и «пастух». Я уже сказал это один раз и повторю, сколько понадобится. Если ты по-прежнему считаешь, что мое слово верблюжьего плевка не стоит, позови сюда тех, кого я обвинил. Пускай скажут, прав я или нет, перед всеми братьями и перед старшинами...

– Прыткий какой, – буркнул Марди, заметно помрачнев лицом. – Ну да, все как один, весь зуадов десяток до последнего... Позвать, говоришь? Договоришься с Нергалом – позову. Все они теперь там, у него на постое...

– Как? Они что, мертвы?! – опешил Змеиный Язык. Такого поворота он не ожидал.

– Нет, живыми на Серые Равнины ушли, обещали вернуться! – взорвался хозяин Каменного Рынка. – Ясное дело, мертвы! Мертвее не бывает! А вот теперь смотри, как все было. Пег-Конокрад своему гнедому овса задавал и вроде как палец наколол. Еще гнедой морду в кормушку не сунул, как Пег почернел весь и в корчах помер. Иль-Нариму ночью в ухо сколопендра заползла, утром глянь – он уж остыл. Джаваду прямо за столом крохотный паучок за шиворот упал с потолка, раз-два – и нету Джавада. Гобдик Пыльный Мешок в «Дубовой ветке» гулял с парнями, пошел отлить на задний двор. Через полколокола нашли его там синего, перекошенного и вся рожа в пене. Хосреф-Здоровяк умудрился сесть на черного скорпиона. Скорпион, понятно, своего не упустил... И все за последних три дня!

– А Шептун... – заикнулся Хисс. Марди рыкнул:

– Ты слушай дальше! Значит, за три всего-навсего дня я узнаю, что шестерых моих бойцов до смерти покусали какие-то мухи, пауки и прочие скорпионы, а еще четверо пропали начисто – как сквозь землю провалились. Все, заметь, из одного десятка, где старшим – Зуад Шептун. А что самое смешное, при покойниках денег нашли гораздо больше, чем полагалось бы им по уму. Полновесные туранские империальчики недавней чеканки. Так, думаю, что-то тут нечисто. Говорю парням: а подать сюда Шептуна!

Крохобор повернулся к своим и гаркнул:

– Тащите ублюдка!

Нестройная шеренга головорезов с Каменного Рынка раздалась в стороны, пропуская двоих громил. Между ними, обвиснув и неохотно перебирая ногами, влекся жилистый полуторалетний туранец – нечесаная копна смоляных волос закрывала лицо, лишь яркой искрой блестела золотая серьга-кольцо в мочке левого уха. Пленника выволокли на середину и бесцеремонно стряхнули наземь. Туранец тут же подобрал под себя ноги и уселся прямо в пыли, чуть заметно покачиваясь и глядя перед собой пустым взглядом, да еще еле слышно мычал себе под нос тягучую, заунывшую мелодию.

Похоже, ничто более в бренном людском мире не волновало Зуада по прозвищу Шептун, бывшего «пастуха» с Каменного Рынка. Хисс взирал на это странное и жалкое существо с молчаливым изумлением. Зато Ходячий Кошмар нехорошо оживился.

– Клянусь единственным зубом моей покойной тетки! – воскликнул он. – Точно, и впрямь Шептун! Но какого демона вы с ним сделали?!

– Мы? – мрачно ухмыльнулся Марди. – Да мы только и делали, что следили, дабы ни один волос не слетел с этой трижды презренной башки, – он наградил туранца увесистым пинком. Тот и глазом не моргнул. – Мои люди отыскали это тело у старого Ишмика в его

курильне. Закопался там, как клоп промеж старых ковров, и не выпускал изо рта трубку с дурманным зельем. Докурился до того, что разве только из ушей дым не пускал. Ну, помня, что приключилось с остальными, я велел запереть его в пустом чулане и приставил аж трех человек, чтоб денно и нощно приглядывали за его здоровьем и в особенности – за всякими ползучими гадами...

Зуад вздрогнул и покосился на хозяина.

– Сперва тихо сидел, – продолжал Крохобор. – Потом, когда дурман отошел, те трое его едва удержали. Рвался как одержимый, требовал лотоса и вопил, чтобы убрали пауков...

Шептун тоненько завыл. Крохобор, поморщившись, легонько тюкнул его по макушке тяжелым шаром булавы, и туранец умолк.

– …пауков, значит, требовал убрать – мол, из стен лезут, большие, ядовитые… Пришлось связать и принести кальян с зельем, а то у меня от его воплей уши заболели. Вот с тех пор он такой. А знаешь, что самое интересное? Мои люди, те, что его стерегли пуще глаза, и впрямь прибили рядом с ним двух скорпионов и одну «черную вдову» – это в закрытой-то, начисто выметенной комнате без единого окна! Вовремя успели, кстати. Иначе бы он тут не сидел.

– А говорить он пока не разучился? – полюбопытствовал Кодо.

– Ха, а как же! Зачем бы я иначе до сего дня его стерег и на стык тащил? Все он мне выложил, как миленький, про кабак ваш разнесчастный, про кровь беззаконную да про деньги легкие… Но тут особый подход нужен. Хочешь послушать? – не дожидаясь ответа, Арбис отвесил туранцу крепкий подзатыльник и вкрадчиво произнес, нагнувшись к самому уху сидящего в пыли человека:

– Гляди-ка, сюда скорпион ползет. Большой такой, черный. Отвечай на вопросы, иначе засуну его тебе в глотку и пасть зашью. Понял меня?

Зуад взвыл и на карачках пополз прочь от несуществующего скорпиона. Марди изловил его за шею и встряхнул так, что у проштрафившегося «пастуха» отчетливо щелкнули челюсти.

– Говори давай!

– Уберите скорпиона! – завизжал в ответ пленник, судорожно дергаясь и пытаясь закопаться в твердую, как камень, землю пустыря.

Крохобор с отвращением сплюнул, изобразив, что давит сапогом нечто невидимое. Из шеренг долетело чье-то приглушенное ругательство, послышались изумленные возгласы. Кое-кто из бойцов посуевернее делал знаки от дурного глаза.

– Все, раздавил! Теперь отвечай! – скомандовал Крохобор. – Кто вас купил? Какого демона им нужно было в той таверне?

Шептун продолжал дергаться, однако теперь его невнятные вопли стали больше походить на членораздельную речь:

– Он уверял, что это совсем несложно! Что Братства это вовсе не касается, а никакой крови не будет!.. Всего лишь открыть пару замков и приглядеть, чтобы никто не крутился под ногами! И все! Он мне сам так говорил!.. И платил, щедро платил, сколько бы мы не требовали!

– Кто «он»? – почти одновременно спросили Кодо и Хисс.

– Имя у него есть? – рыкнул Кодо.

– Он – это он, – Зуад съежился, безуспешно стараясь стать совсем маленьким и незаметным. – Подошел ко мне луну назад в «Дубовой ветке». Я не спрашивал имя… потом спросил, он не ответил… Но – земляк мой, туранец, это точно! По выговору судя – из самого

Аграпура, да не из простых. Здоровенный, огромный, в четыре локтя ростом, грудь как бочонок... Между собой мы его кликали Верзилой, лица не видали, Белом-Покровителем клянусь! Серый балахон на нем был с капюшоном, закрывал лицо... Золота у него в кошеле было – как грязи...

– Плохо учишь своих людей, Крохобор, – съязвил Кодо. – Дураки они у тебя. Ну, много ли надо ума догадаться, что за простые дела золотишко пригоршнями не раздают?

– Жадность порождает глупость, глупость же не имеет границ, – пожал крутymi плечами Марди Арбис, вновь встряхивая Шептуна и тем кладя конец словоизвержению бывшего верного соратника. – Есть такие шакалы – сколь ни корми его, а все одно за фальшивый сикль призового жеребца догонит и под хвост поцелует... Ну, про нанимателя он больше ничего не знает, хоть на жаровню его сажай. Только это и твердит. Об остальном можешь расспросить, только спрашивай побыстрей...

– Что унесли из «Норы»? – спросил Хисс, подаввшись к Зуаду. – Куда дели?

– Всякий хлам... Какую-то книгу, маленькое зеркальце, флакон с душистым маслом, еще что-то – полная чепуха, пригоршни монет не стоит... кроме алмазной короны, вот это была настоящая добыча... Отдали все Верзиле, он заплатил, как договорились, все по чести. Я только корону отдавать не хотел – такую кучу алмазов я и не видел никогда, думал зажилить... Так этот бык бешеный чуть душу из меня не вытряхнул. Драться с ним не с руки было: переполох, все горит, народ сбегается... к тому же из десяти моих четверо в кабаке сгорели, а с ним трое были, те еще волки, моим не чета... пришлось отдать... – бормотал Шептун, копошась в пыли.

– Что за трое? – внезапно подал голос Малыш.

– Не знаю я, что за трое! – вдруг зашелся в крике бандит. – Не помню! И вспоминать не хочу! Жуть какая-то ходячая, нелюдь в людском обличье! Не говорят, не дышат, и сталь их не берет...

Крохобор крякнул, поскреб в затылке, обдумывая что-то, зыркнул на своих бойцов и повернулся к Кодо:

– Во как. Я же говорю, дрянная это история. Есть у вас еще вопросы?

– Интересно выходит, – сказал Кодо Сиверн, глядя сверху вниз на Марди. – А ты, значит, вроде бы и ни при чем? Чем ответишь, Крохобор, что ведать не ведал об их самовольстве?

Круглая физиономия Арбиса побагровела от гнева. Но ответил «смотрящий» Каменного Рынка без промедления, сделав притом быстрый и сложный жест, сопровождающий нерушимую воровскую клятву.

– Подлый пес Зуад был моим «пастухом», но эта кровь – только на его руках. Я ничего не знал о его предательстве и законы *шайвар* блюду свято, в том даю слово вора. Клянусь Ключами Бела и Плетью Нергала, всеведущих богов и все Ночное Братство призываю в свидетели, и пусть не будет мне удачи в жизни и покоя в смерти, если вру...

– Зачем тогда шакала этого на сегодняшний стык тащил? – опять возник Хисс, тщетно пытаясь найти хоть какую-то зацепку на пути к неведомым нанимателям Зуада. – Откуда знал, что речь о «Норе» зайдет?

– Уйми ты своего рыжего, Кодо! – не на шутку взъярился Крохобор. – Пока я его сам не успокоил! Ему моей воровской клятвы мало?! Знал, не знал, да зачем привел... Чтоб свое честное имя перед братьями защитить, если спросят, вот зачем! А хоть и не спросили бы – сам бы эту крысу канавную вам на расправу отдал, чтоб другим неповадно было!

– Ладно, забыли, – сумрачно рыкнул Кодо Ночной Кошмар. – Вот теперь вижу, что не

вресь. Ну как, доволен?

Последний вопрос предназначался Хиссу. Рыжий мошенник смотрел на пытающегося сесть Зуада так, будто забыл что-то важное и теперь отчаянно пытался вспомнить. Однако времени на размышления у него не оставалось. В устремленных на него маленьких бурках Кодо, помимо некоего уважительного сочувствия, явственно читалось нетерпение.

— Доволен.

— Хвала Творцу, — буркнул Марди, остывая. — Осталось тут прибраться, и покончим с этим. Парень, то тело, что ползает сейчас у твоих ног — уже не человек. Живым он с Плешки не уйдет, но и мы об эту падаль мараться не станем. Право крови за вами. Так что давай, делай чего положено...

— Сам управишился? — почти дружелюбно осведомился Ходячий Кошмар. — Или помочь?

В поисках поддержки Хисс глянул на Малыша и Ши Шелама. Мрачный подростокварвар размашисто кивнул. Воришко развел руками и скорчил выразительную рожу — мол, ты предводитель, тебе и решать. Зуад Шептун, сидя на земле, по-прежнему таращился на россыпь трещин в пыльной глине и раскачивался из стороны в сторону. Мельком глянув на него, Хисс не ощутил ни полагающейся злости, ни удовлетворения от того, что изначально безнадежный замысел привел к такому поразительному успеху. Что такое Зуад и его шайка? Всего лишь туповатые исполнители, с потрохами купленные за пару сотен золотых империалов. Истинный виновник погрома в «Норе» по-прежнему остается неизвестным и недосягаемым.

— Сам, — решительно сказал Змеиный Язык.

Из обоих бойцовских шеренг донеслось одобрительное ворчание. Ночное Братство издавна придерживалось незыблемого правила: пойманный за руку на провинности перед Братством должен сполна расплатиться за промах. Чаще всего — кошельком, порой можно отделаться каким-либоувечьем; но когда дело касается законов *шайвар*, виновный расплачивается только собственной жизнью.

— Валяйте, — снисходительно отозвался Марди Арбис. — Одним паршивым шакалом на свете станет меньше.

Змеиный Язык потянул из-за пояса кинжал. Легкий и острый как бритва клинок сделался вдруг почти неподъемным. Хиссу доводилось убивать, и не раз, как в прежней аристократической жизни, так и в нынешней, шадизарской; случалось и на дуэли драться, и в кабацкой драке пустить противнику кровь. Однажды зимней ночью в лабиринте кривых шадизарских улочек его нож оборвал жизни двоих агентов немедийской тайной канцелярии, идущих по следу беглого конфидента. Но то был честный бой, самому Хиссу оставивший на память тонкий шрам на правом боку; а зарезать, как свинью, безоружного и полубезумного... На миг рука немедийца застыла в воздухе.

Затем он вспомнил мертвую Кэрли. Райгарха. Ферузу.

Но, похоже, его колебания слишком затянулись, и еще кое-кто подумал о том же мгновением раньше. Конан, сделав три быстрых шага, взмахнул рукой. Тяжелая дубинка свистнула в воздухе, послышался глухой треск, и туранец с проломленным черепом повалился ничком.

Кодо Ночной Кошмар одобрительно крякнул.

— Слишком легкая смерть для такого ублюдка, — недовольно скривился Марди Крохобор. — Одно дело сделано. Гусь, Борода, оттащите его подальше да заройте поглубже!

— А мы теперь можем уйти, да? — вякнул совсем воодушевившийся Ши.

– Как это уйти? Куда уйти?! – нехорошо осклабился Кодо. – Веселье только начинается, верно, Марди? Так что ты там говорил про моих бойцов – вроде как-то нехорошо отзывался о них, а?

Хисс Змеиный Язык первым почуял недобро и подался назад, потянув за собой Конана.

– Зачем мне вообще говорить про твоих жалких калек, Сиверн? – Марди Арбис обнажил в ответной ухмылке изрядно прореженные множеством драк зубы. – Клянусь бедрами Дэркето, они не стоят того, чтобы сотрясать из-за них воздух! Отправь свое так называемое войско просить подаяния, и тогда, возможно, заработаешь на безбедную старость!

– Вот сейчас и поглядим, кто сильнее – мои калеки или твои шелудивые псы, годные только рыться в помоях ради сахарной косточки! – рявкнул Кодо по прозвищу Ночной Кошмар, и оба его мощных кулака, как по волшебству, вдруг блеснули тусклым металлом массивных кастетов. – Быть меж нами крови, отныне и до тех пор, пока один из нас не умрет или не запросит пощады!

– Быть крови! – эхом откликнулся Крохобор. Его телохранители, как один, выхватили короткие ножи. Слитный короткий рык из четырех десятков глоток прокатился над пыльным пустырем.

Горестный вопль Ши Шелама в этом яростном боевом кличе оказался совершенно неразличим.

* * *

Попытка Хисса удержать подростка-варвара с самого начала была обречена на провал. Едва две шеренги в облаках поднятой пыли ринулись друг на друга, Конан вырвался и бесследно скрылся среди дерущихся. Что касается Ши, воришко поступил в полном согласии со своими взглядами на жизнь – прошмыгнулся прямо под ногами у Ночного Кошмара и резвой рысью устремился в сторону спасительных переулков Нарикано. Будь Змеиный Язык один, он, не раздумывая, кинулся бы следом за приятелем. Пусть мородовороты Кодо и Марди Арбиса взаимно крашут черепа и челюсти в общей свалке, он, Хисс, намерен еще пожить на этом свете! Конечно, потом не оберешься насмешек и подначек – трусоват оказался наш Змей, уполз, чтоб хвост в толчее не отдавили... только какое это имеет значение?

Но в этом воящем хаосе из мельтешащих кулаков, ног, дубинок, ножей и кастетов исчез Малыш. Малолетнее порождение Полуночных гор то ли всерьез вообразило себя мстителем за погибших обитателей «Уютной норы», то ли не смогло устоять перед столь доброй дракой. Хисс был уверен, что целым и невредимым Конану к вечеру не бывать. И пусть скажет спасибо, если отделается парой переломов или разбитой головой! В подобных свалках шутки не шутят, бьют насмерть... Прикончат юнца за милую душу, тот и своей дурацкой дубинкой взмахнуть не успеет. Бел-Хранитель, что делать-то? Лезть вытаскивать? Так самого немедля прибьют...

Общая драка – не место для долгих раздумий. Хиссу повезло: в первые мгновения он очутился на самом краю клокочущего на Плещке побоища. Он еще мог бы воспользоваться благосклонностью судьбы и последовать примеру Ши... но тут вылетевший после могучего удара из общей круговерти некий громила зацепился налитым яростью взглядом за одиноко

торчащую фигуру.

Испустив рев, более смахивающий на мычание разъяренного быка, «боец» ринулся в атаку. Без сомнения, он входил в шайку Марди – о чем свидетельствовала разлохмаченная белая тряпка, болтавшаяся на левом запястье. Змеиный Язык успел с небывалой четкостью разглядеть и тряпицу, и зажатый в кулаке нападающего широкий нож – в тот краткий удар сердца, за который он сам успел нырнуть в сторону, выдернуть из ножен собственный кинжал и наискось отмахнуться. Нанести второй удар он не успел – под ногу подвернулась горка козьих катышей. Хисс поскользнулся, полетел спиной вперед и шмякнулся на твердую, как камень, землю пустыря.

Бандит Арбиса надвигался, как горная лавина – и рыжий мошенник стремительно ткнул острием клинка в мелькнувший рядом сапог. Отточенное лезвие с легкостью прошло толстую кожу, скрипнуло по кости, атакующий взмыл, теряя равновесие и рушащейся сторожевой башней заваливаясь набок. Хисс уже нацелился полоснуть по толстой шее поверженного врага...

– Остановитесь, безумцы! Одумайтесь, говорю вам, пока еще не поздно!.. – прогремело над Плешкой.

Раскатистым и низким голосом, казалось, заговорило само безоблачное летнее небо. Наполнявшая его сокрушительная мощь проникала в самые глубины разума и души, подчиняя, заставляя внимать, боясь упустить хоть слово.

Бой мгновенно затих. Точно мимохожий колдун щутки ради огласил над Плешкой заклятье окаменения, заставив участников общей свалки замереть в самых причудливых и нелепых позах. Гулко ухнула выпавшая из руки Крохобора булава. Разжимались пальцы, намертво стиснутые на горле противника, опускались занесенные кинжалы и кастеты. Кодо Ходячий Кошмар выпустил из удушающего захвата бойца с Каменного Рынка, уже не сопротивлявшегося и начинавшего синеть. Свалившийся в бурьян противник Змеиного Языка сел, позабыв о полученной ране, и непонимающе вытаращился на Хисса, словно хотел спросить: «Слушай, парень, а что мы тут забыли?»

Хисс не слишком уверенно поднялся на ноги и завертел головой, ища, откуда доносится громогласный повелевающий голос. В божественное вмешательство рыжему мошеннику не верилось – да и с какой бы стати Покровителю Обманщиков либо кому еще из Великих мира сего встревать в выяснение отношений между двумя заурядными шайками?

Подле покосившейся молельни из черного мрамора возвышался некий странный тип – долговязый и широкоплечий под стать лучшим бойцам Ночного Братства, но явно безоружный, в поношенном синем балахоне и с лицом, наискось перехваченным тряпицей (зубы болят, что ли?) Тип обвел замершее побоище яростным взглядом единственного глаза и величественно поднял правую руку, словно митрианский жрец на проповеди перед пилигримами. Не то окончательно выживший из ума бродячий проповедник, не то в самом деле заглянувший на шум и вопли колдун...

«В любом случае ему не поздоровится, – рассудил Хисс. – Сейчас ребятки Кодо и Марди опомнятся и навешают ему с обеих сторон. Но какова, однако, голосина у человека! Трубит, ровно вендинский слон!»

Мрачное пророчество Хисса не сбылось. Собравшиеся на пустыре и в самом деле постепенно приходили в себя, вставали с земли, отряхивались, растерянно переглядывались и подтягивались к капишу, однако нападать на неожиданного оратора не спешили. Напротив, его слушали. И слушали очень внимательно.

Загадочный проповедник гремел, и Хиссу невольно вспоминались древние легенды о деяниях святого Эпимитриуса:

— В бесчетный раз спрашиваю вас: разумные создания вы или звери дикие? Нет, куда вам до зверей лютых, ибо даже тварям ведом закон — не обнажай клыка на ближнего своего! Вы, смертные создания, единые в подзвездном мире, способны за малую корысть сгубить подобного себе, разодрать его на клочья мелкие! В краткие мгновения жизней ваших никогда не бывает вам покоя, ибо вечно гложет вас зависть к соседу вашему! Не к тайнам Вечности устремлен ваш взгляд, но на кошель с монетами златыми, чей блеск вам затмевает и солнце, и звезды! Опомнитесь, люди! Вопросите хоть единый раз в жизни в душах ваших: что вы творите? Во имя чего обрываете нити жизней ближних своих? Что скажете в свое оправдание, представ перед Творцом своим?..

«Что я человек, а потому несовершенен», — мысленно процитировал Хисс подходящую фразу из митрианского трактата «Поучения смиренного» и покосился по сторонам. К безмерному удивлению Змеиного Языка, матерые душегубы Нарикано и Сахиля, коих отродясь не трогали никакие мольбы, просьбы и молитвы, внимали непонятному незнакомцу в почтительном и сосредоточенном молчании. Никто не орал, не пытался перебивать, не хватался за оружие. Только в краткой паузе, когда оратор набирал воздуху перед тем, как снова обрушить на слушателей карающий бич новых обличений, кто-то робко спросил:

— А что же нам делать-то? Такие уж мы, как есть. Иначе не проживешь — загрызут...

— Что делать? — вдохновился вовремя подброшенной идеей проповедник. — Если ты воистину взыскуешь ответа, то раскрой уши свои, человече! Не ты первый оглашаешь мир перечнем горестей своих, говоря: «Весь мир приходит в упадок! Что я, слабый человек, могу в нем изменить?» Так слушай же и запоминай, а запомнив, поведай сородичам своим, и друзьям, и встреченным на пути...

...В разрозненных и противоречивых летописях Шадизара нашлось место случаю на пустыре у границ кварталов Нарикано и Сахиль. Со слов очевидцев там описан и стык, и наказание уличенного нарушителя законов Ночного Братства, и явление в разгар схватки шаек таинственного проповедника. Приведены его речи и вызванное ими примирение между Кодо Сиверном, Ходячим Кошмаром, и Марди Арбисом с Каменного Рынка, более известным как Марди Крохобор.

Когда же вожаки шаек пожали друг другу руки, поклявшись более не допускать напрасного кровопролития, а восхваляемый всеми проповедник удалился, некто, чье имя летописи не сохранили, воскликнул: «Вот между нами отныне мир и это хорошо. Но по соседству с нами продолжает осквернять мир мерзкий кровопийца Гонжа из Скены, и доколе будем мы это терпеть?»

Общество дружно согласилось, что терпеть чинимый Хватами произвол более никак невозможно, а потому необходимо прямо же сейчас навестить квартал Скена, дабы раз и навсегда принести его обитателям спокойствие и процветание.

В ходе длившихся два дня погромов шайка Хватов была почти полностью истреблена, их предводитель, Гонжа из Скены, убит, а его владения поделены между Нарикано и Сахилем. Засим в Шадизаре воцарился мир, длившийся ровно три седмицы, пока доверенное лицо Марди Крохобора в частной беседе не допустило оскорбительных высказываний по отношению к господину Кодо Сиверну...

И все началось заново.

Часть вторая

Великая Паутина

Глава первая

Тот, кого не ждали

Стремление подшутить над знакомыми и друзьями, пускай и самое безобидное, порой обрачивается совершенно неожиданными и непредсказуемыми последствиями.

Справедливость этих слов могла подтвердить Ильха Нираель, девица двадцати трех лет, уроженка Заморы, сухопарая, не слишком привлекательная, любительница рассуждений на отвлеченные темы и прирожденная неудачница.

В последнее время дела Ильхи, смирившейся с тем, что жизнь всегда будет поворачиваться к ней темной стороной, внезапно пошли в гору. Она нашла себе приятеля – настолько диковинного, что представить трудно. Приятель обладал неоценимым умением любому заговорить зубы и вдобавок осчастливили без того сумбурный Город Воров новым учением о развитии духовной уверенности, как ни странно, приобретшим расширяющийся с каждым днем круг последователей.

Ильха выполняла при нем должность помощницы, жрицы и ученицы – всего понемногу. Она заботилась о получении с adeptov надлежащей мзды, распространении слухов, привлекающих новых страждущих, и больше всего беспокоилась, как бы известия об их промысле не достигли ушей жрецов, заправляющих в храмах города. Однако местных настоятелей занимали собственные интриги и хлопоты, и девица Нираель вместе со своим другом и четвероногим любимцем, тощим котом по кличке Тилль, пребывала в относительном благодеянии.

Дружная компания обосновалась на пустыре, тянувшемся вдоль задворок небогатого квартала Нарикано, что полуночном восходе города. Трудами Ильхи и последователей нового верования пустырь слегка облагородили – повыдергали кусты репейника и заросли лопухов, засыпали особенно большие ямы, убрали россыпи козьих катышков и разогнали нищих, повадившихся устраиваться здесь на ночлег. Купленные по дешевке подгнившие бревна стали седалищами для взыскающих ответа, кособокий навес с обложенными камнями кострищем – жильем новоявленной жрицы.

Ее удивительный приятель не нуждался в таких мелочах, как крыша над головой или пусть скучный, но зато ежевечерний ужин. Он вообще не нуждался ни в чем, кроме понимающих собеседников. По очень простой причине – наставник Ильхи Нираель не принадлежал к людскому роду.

Он был строением. Маленьким, не лишенным изящества сооружением высотой в два человеческих роста, из синевато-черного с белесыми прожилками камня. По углам его украшали четыре витые колонны из дымчато-серого горного хрусталя, на крыше лежала темно-красная черепица, из остроконечной макушки торчал серебряный шпиль. В капище также имелась узкая дверь, обрамленная плоскими колоннами, с треугольным портиком, несшим на себе изображение каменного глаза со зрачком – граненым плоским рубином. Глаз обладал способностью поворачиваться и различать окружающие предметы.

Поразительное умение повергало непосвященных в настоящий трепет, усиливавшийся при первых звуках раскатистого и бесконечно утомленного голоса, доносившегося из капища. Каменный знакомец Ильхи мог разговаривать – не имея рта и полагающегося языка. Сомневающимся девица Нираель предлагала лично обыскать молельню: вдруг обнаружат потайной лаз, слуховую трубу или спрятавшегося в полой колонне человека? Поиски ни к

чему не приводили. Внутри здания не имелось места для устройства тайников, и никаких хитроумных приспособлений найти тоже не удавалось. Оставалось пожать плечами и нехотя согласиться с тем, что на заброшенном пустыре имеет место самое настояще чудо.

В первые дни знакомства с Голосом Ильха откровенно его побаивалась. Затем ей удалось разузнать о событиях, предшествовавших возникновению капища из черного мрамора, и девица Нираель стала втихомолку посмеиваться над своим бестелесным приятелем, высокопарным и порой чрезмерно занудливым. Она соглашалась, что Голос умен – как может быть умен философ, живущий на всем готовом и годами не вылезающий из библиотеки – однако при этом совершенно не знает правил жизни в окружающем его мире.

В последнее время Ильха завела привычку невинным тоном расспрашивать Голос о его внешнем облике. Ответом ей служило невнятное бурчание, либо же глаз на фронтоне закрывался каменными веками, намекая на нежелание продолжать беседу.

* * *

Сегодня Голос попытался достойно ответить на шпильки своей приятельницы. Причиной, должно быть, послужил успех его недавно закончившейся проповеди: на нее явилось не меньше трех десятков человек, и кое-кто даже оставил пожертвования. Ильха с нескрываемым удовольствием пересчитала медные и серебряные монеты, спрятав их в ямке, вырытой под фундаментом молельни.

Долгий летний день клонился к вечеру. Ильха жарила лепешки под навесом, Тилль бродил по пустырю, охотясь на ящериц, Голос благодушно рассуждал о несовершенствах людского рода.

– Ты у нас зато совершенный, – ехидно подделя его девушка. – Не ешь, не пьешь, только болтаешь целыми днями. Не надоело отсиживаться в своем Нигде? Выбирался бы, хоть гляну, чьей жрицей мне довелось побывать. Может, ты самый обычный демон из Нижней Сфера – чешуйчатый, хвостатый и завтракаешь маленькими детишками?

– Опять ты за свое, – кротко отозвался Голос.

– Сам посуди! – Ильха встала, ткнув одну руку в бок и для пущей убедительности размахивая зажатой в другой ложкой для теста. – Ты сам говорил – здесь, в камнях этой постройки, присутствует только твоя часть. Дух, так сказать. Где же все остальное? Духу без тела никак невозможно. Верно?

– Не то чтоб невозможно... но неприятно, – после долгого размышления согласился Голос, и девушке показалось, будто по серебряному шпиллю пробежала цепочка синих огоньков.

– И я что говорю! – обрадовалась Ильха. – Твоя душа сумела перебраться сюда? Сумела! Где душа – там и ее вместилище. Неужели ты хочешь до скончания веков торчать на пустыре в виде молельни?

Рубиновый глаз подернулся еле различимым туманом глубокой задумчивости.

– Зачем тебе это надо? – внезапно осведомился Голос. – Носишься с этой безумной идеей, как твое ручное животное – с новой игрушкой!

– Вовсе она не безумная! – запротестовала девица Нираель.

— А я повторяю, она лишена малейшего намека на разумность, — Голос начинал сердиться.

— Да ты просто боишься попытаться! — в запальчивости выкрикнула Ильха.

Из темного дверного проема мраморного капища донесся нарастающий звук, похожий на звяканье огромных цепей, перемежаемый далеким стоном ветра. Девушка презрительно фыркнула:

— Прибереги свое загробное вытье для более пугливых. Неужели это все, что ты можешь сказать?

Вой и звяканье оборвались. Изрядно раздраженный Голос осведомился:

— Если ты полагаешь себя такой мудрой и знающей, ответь — каким образом мне покинуть место, где я нахожусь?

— Ты к нему что, привязан, как собака к конуре? — огрызнулась Ильха. — Откуда мне знать, как вы, духи, шастаете из мира в мир? Может, тебе достаточно просто *захотеть* оказаться здесь?

— Личное желание не может быть движущей силой, — возразил Голос, правда, не слишком уверенно. — Этого недостаточно...

— Тогда я захочу! — сердито заявила девушка. — Немедленно иди сюда! Мне надоело говорить с бывшим нужником!

Она топнула ногой, едва не перевернув тарелку с лепешками. Гревшийся на солнце кот поднял голову и, жмурясь, неодобрительно взглянул на хозяйку.

— Ох уж эта мне людская самонадеянность, — снисходительно хмыкнули из недр молельни. — Всегда-то вам кажется, что...

Он не договорил. На кончике шпилля вспыхнула отчетливо различимая искра ярко-зеленого цвета. Мирно вылизывавшийся Тилль поднял шерсть дыбом, пронзительно мяукнул и мохнатым шариком скатился в ближайшее укрытие под уцелевшим кустом репейника. Без того перекошенный навес вздрогнул и начал складываться — Ильха едва успела отпрыгнуть в сторону от целившей ей в голову жерди.

— Эй, прекрати! — испуганно взвизгнула она. — Перестань! Что ты делаешь? Я пощупила!

Поздно. Внутри тонких дымчатых колонн суетливо заметались радужные сполохи, по стенам часовни ползали крохотные синие молнии, трещавшие, как спятые цикады летней ночью, земля на пять шагов вокруг покрылась сетью расширяющихся трещин, в одну из которых свалилось шаткое жилище Ильхи. Девица Нираель, пытавшаяся сбежать, не устояла на ногах и шлепнулась, вытаращившимся глазами уставившись на узкую дверцу каменного строения.

Внутри крохотного помещения бушевало пламя. Ослепительный, золотисто-оранжевый, совершенно неправильный огонь — устремлявшийся не снизу вверх, а наоборот. Длинные лохматые языки плясали на потолке, тянулись к выложеному черно-белыми плитками полу, шелестели, подобно сухим листьям на ветру, не оставляя следов копоти на камне. Вопреки известной поговорке, это был огонь без дыма: чистый, незамутненный, яростный костер.

Тихо попискивавшая от страха Ильха догадывалась, откуда могло взяться такое диво — из крохотной стаи колдовских светлячков. На пустыре недавно закончил свое существование Пожиратель, круглый летающий пузырь с зубами, почти три седмицы изводивший горожан своими выходками. Прожорливого демона утянули за Грань. После его кончины по округе диковинными бабочками запорхали обрывки разорванной Ткани Миров. Один такой залетел в капище, да так и остался висеть под потолком грозью светящихся искр. Голос счел

незваного жильца безобидным и, как выяснилось, ошибался.

Ильха успела раз десять пожалеть о своих неосторожных словах, клятвенно пообещать никогда в жизни не дразнить Голос и в панике соображала, что делать, ежели из молельни вывалится новый Пожиратель.

Огненные нити соткались в некий вместительный предмет, напоминающий корзину или мешок. Он величественно колыхался под потолком, и девице Нираель вдруг показалось, что внутри него находится нечто живое, яростно бьющееся в попытках выбраться наружу. Моргая, девушка слезящимися глазами всматривалась в переплетения быстро мелькающих языков пламени, сменивших окрас с малинового и оранжевого на пронзительно-голубой. Теперь в молельне висела огромная, светящаяся полупрозрачная капля, чей острый кончик сливался с последними кружящимися искорками призрачной вуали. Ильха видела – не глазами, каким-то иным зрением – как истончается трепещущая нить, удерживающая каплю в подвешенном состоянии...

Спустя еще миг связь между Сферами оборвалась. Капля упала на черно-белые плиты с оглушительным шлепающим звуком, словно из большой бочки выплеснулась вода. Стоявшая на четвереньках Ильха отпрянула в сторону, невольно опасаясь быть увлеченной хлынувшим наружу колдовским потоком. Мимо нее в самом деле пронесся обжигающе-холодный вихрь, точно дуновение далеких Граскаальских гор – и все внезапно закончилось. Прекратилось крохотное землетрясение, потухли огоньки в колоннах и зеленая искра на шпиле. Единственным напоминанием о недавнем происшествии остались только разбегающиеся во все стороны трещины в сухой почве пустыря.

– Голос? – надтреснутым шепотом позвала Ильха. – Ты живой?

Ответа не последовало. Так и не решившаяся встать на ноги девушка подползла к дверному проему, настороженно заглянув внутрь. Совершенно сухие мраморные квадратики пола, ровные гладкие стены без малейших следов бушевавшего здесь пожара...

И свернувшееся посреди молельни нечто человекоподобных очертаний, объятое тающим призрачным светом. Непонятно откуда взявшееся существо судорожно корчилось, а по мере того, как меркло голубое сияние, девица Нираель начала различать испускаемые неведомым созданием звуки: полные отчаяния, неразборчивые и пронзительные крики, словно ввинчивающиеся прямиком ей под череп. Девушка зажала уши руками – не помогло. Истошные вопли продолжали звенеть, становясь все громче. Перепуганная до смерти Ильха поползла прочь, едва не свалившись в оказавшийся у нее на дороге провал в земле. Теперь она хотела только одного – оказаться как можно дальше от молельни и находящегося в ней создания, чем бы оно не было.

Шагов через десять девушка попыталась вскочить на ноги, запуталась в подоле платья и снова упала, разбив колено. Всхлипывая и шатаясь, Ильха добралась до границы пустыря, мешком свалившись прямо посреди узкой пыльной улочки. Крики в ее голове словно отдалились, став немного потише, но, если кто-нибудь из жителей окрестных домов увидел ее сейчас, наверняка счел бы девицу Нираель помешавшейся. Смутно Ильха понимала, что должна обратиться за помощью или хотя бы набраться смелости и возвратиться к капишу, но сил встать у нее не было.

Так она просидела с четверть колокола, раскачиваясь и хныча, пока на нее не наткнулись бодро шагавшие к пустырю знакомцы. Двое из них принадлежали к числу поклонников новой веры, третий увязался следом за приятелями в надежде увидеть объявившееся в Шадизаре диво.

Запинаясь и икая, Ильха Нираель растолковала им, почему торчит здесь в столь неприглядном виде, и что с молельней стряслось нечто необычное. Рассказывая, она несколько успокоилась. Когда ее приятели, поразмыслив, решили пойти и глянуть, что делается в капище, самозваная жрица последовала за ними – в отдалении, чтобы успеть сбежать, если что-то пойдет не так.

* * *

Постройка из черного мрамора стояла на прежнем месте. Правда, теперь она оказалась в центре паутины расколовших землю неглубоких трещин и слегка покосилась набок. У порога стоял, настороженно принюхиваясь, взъерошенный черно-рыжий кот. Завидев людей, Тилль на редкость предусмотрительно шмыгнул в заросли, предоставив поле боя более разумным созданиям.

Напугавшие Ильху вопли стихли – как в ее разуме, так и наяву – сменившись вполне отчетливо доносившимися из недр маленького строения протяжными, душераздирающими стонами. Троица так отважно сунувшихся на пустырь молодых людей шла все медленнее, косясь на мелькающие вдалеке спасительные огоньки в окнах домов. Заявясь они сюда поодиночке, они вряд ли рискнули лезть проверять слова Ильхи, больше походившие на лихорадочный бред. Увели бы девицу Нираель прочь и вернулись наутро, желательно с подкреплением. Может, даже с двумя-тремя городскими стражниками – будет кого бросить на прокорм чудовищу из иной Сферы, ежели оно и в самом деле обосновалось в капище.

– Похоже, там и в самом деле что-то есть, – вполголоса заметил один из визитеров, носивший имя Уиджи. Несколько дней назад Голос Капища возвратил ему утраченную было удачу игрока и снабдил талисманом для привлечения успеха, так что Уиджи чувствовал себя обязанным как Ильхе, так и ее диковинному наставнику. – Надо бы заглянуть...

– Валай, заглядывай, если такой смелый, – незамедлительно откликнулся его спутник, Гайраль, промышлявший срезанием кошельков на Каменном Рынке. – В случае чего мы тебя вытащим.

– Тебя или то, что от тебя останется, – уточнил третий, турец Мейгелен, явившийся сюда исключительно за компанию и уже начинавший жалеть о своем намерении поглязеть на небывалую диковину. Прислушавшись к отражавшимся от стен капища дрожащим звукам, он авторитетно добавил: – Кто бы там не прятался, он вот-вот концы отдаст. Если мы хотим узнать, кто это, надо пошевеливаться.

– А может, там чудище завелось. Навроде того, что недавно мертвяков на виселице у Алронга сожрало. Подманивает нас, как куропаток на манок, – предположил Уиджи. Нехотя, бочком, он преодолел расстояние до молельни, на всякий случай сжимая в отведенной за спину руке стилет с тонким лезвием. Приятели держались шагах в пяти от него. Втянувшая их в эту неприятность девица Нираель, бледная и нервно теребившая в руках пояс своего платья, предусмотрительно замерла шагах в двадцати от капища.

Садившееся за покосившиеся крыши квартала Нарикано солнце отразилось от гладких хрустальных колонн по углам сооружения, бросило луч в узкий проем входа. Поразмыслив, Уиджи подобрал горсть земли и швырнул ее внутрь молельни. Ничего не произошло, разве

что невнятное бормотание стало громче.

Игрок перевел дух, оглянулся на друзей, жестами поддержавших его в намерении сунуться в пасть неведомому зверю. Осторожно, стараясь двигаться как можно тише, выглянул из-за края плоской колонны. Ему уже доводилось видеть внутренность мраморного капища – крохотное помещение с узкими окнами под потолком, гладкие стены да пол в черно-белую клетку. На полу и в самом деле кто-то лежал – скorchившись в три погибели, ровно подраненный зверь или младенец в утробе. Непонятный обитатель молельни глухо, надрывно стонал, иногда судорожно дергаясь, но не пытаясь встать на ноги. Уиджи показалось, перед ним человек – хотя трудно составить верное представление, глядя на бесформенную груду тряпья.

– Сидит, то есть лежит, – доложил игрок, обернувшись к приятелям и Ильхе. – Вроде бы безопасное. Вытащим?

Девица подошла ближе, опасливо косясь на выкинувшее столы непонятный трюк капище и вновь нерешительно позвала Голос. Тот не откликнулся. Рубиновый зрачок каменного глаза на фронтоне тоже не дрогнул – а раньше бы непременно завертелся из стороны в сторону, высматривая, что происходит. Осмелевший Уиджи протиснулся сквозь узкую трещину входа и рискнул потыкать непонятное существо носком сапога. Из черных лохмотьев показалась и беспомощно заскребла по полу кисть – пятипалая и вполне человеческая. Уиджи недоуменно захлопал глазами: в запястье руку перехватывал широкий браслет из кованого железа, от которого тянулась, исчезая в лохмотьях, толстая цепь.

...Извлечь неведомо откуда взявшегося в капище гостя удалось с большими трудами. Во-первых, в молельню мог забраться только один человек. Во-вторых, неизвестный оказался довольно рослым и тяжелым, да к тому же пребывал без сознания. Поднять его на ноги не удалось, пришлось выволакивать наружу, как неподъемный мешок с мукою. Трое молодых людей и девушка окружили свою диковинную добычу, рассматривая ее, удивленно переглядываясь и не решаясь заговорить. Никто из них раньше не влипал в подобную историю, хотя слышал невероятные рассказы о схожих случаях.

Дар речи первым вернулся к Мейгелену, и тот шепотом спросил:

– Ильха, ты уверена – в твою часовню не забрался тайком какой-нибудь беглый из Алронга?

– Уверена, – отрезала девица. – Сначала там никого не было. Потом замелькали цветные огоньки и появилось оно... он... в общем, вот это.

Сравнение с беглецом из застенка прозвучало вполне оправданно. При первом же беглом взгляде на вывалившееся из молельни создание это определение само просилось на язык. Даже в наступающих сумерках можно было разглядеть, что неизвестный – человек мужского пола, и заключить, что в последнее время ему изрядно досталось. Поначалу незнакомца положили на спину, однако он немедленно забился в приступе судорог, перекатившись набок. Гайраль, наклонившийся посмотреть, в чем дело, протяжно свистнул:

– Да у него вся шкура вдоль и поперек расположена! Тюремщики в Алронге звери еще те, но даже в Мышеловке так не лупциают, могу подтвердить на собственном опыте. Такую роспись можно заработать разве что на рудниках у Соленых Озер – чтобы помереть через пару дней, не то, что добраться до наших краев. Значит, не каторжник.

– Я же говорю – он возник ниоткуда! – упрямко повторила девица Нираель, отважившись присесть на корточки рядом с неведомым созданием. Внезапно Ильха со сдавленным воплем шарахнулась назад, тыча трясущимся пальцем перед собой:

— Оно... оно... у него лица нет!

— Как это — «лица нет»? — не понял Уиджи. Спустя пару ударов сердца он тоже попятился назад, сам не замечая, что бормочет охранительную молитву.

Ильха немного ошиблась — лицо у незнакомца было. Вернее, только его левая половина, на мгновение мелькнувшая перед ошарашенной компанией. Поперек правой тянулся глубокий след удара тремя раскаленными железными когтями — еще слегка дымившийся и продолжавший обугливаться. Багровые рубцы наискось пересекали глазницу, зрачка, скрытого за исковерканными и превращенными в месиво шрамов веками, наверняка более не существовало. Второй глаз, хоть и уцелел, пребывал плотно закрытым. Неизвестный вновь начал стонать — тихо, но непрерывно, корчась на пыльной земле и неосознанно пытаясь дотронуться до изуродованного лица руками.

— Знаете, я отказываюсь что-либо понимать, — честно признался Гайраль, отступив на пару шагов. — И мне до чрезвычайности хочется отсюда смыться. Что будем делать? Оставим валяться здесь — авось само издохнет?

— Нет, — с решительностью, которой на самом деле он не ощущал, заявил Уиджи. — Вдруг это и есть то самое существо, которое разговаривало из молельни? Тогда мы должны о нем позаботиться.

— Нам его далеко не утащить, — здраво напомнил Мейгелен. — Хотя тут поблизости торчит туранский постоялый двор, а около него всегда околачиваются носильщики. Не знаю, правда, захотят ли они работать на ночь глядя...

— Зови, — решил Уиджи, с сожалением запуская пальцы в болтавшийся на поясе кошель и извлекая пригоршню серебряного «скотного двора» офицерской чеканки. — Взвалим его на носилки...

— Да нас ни в одну приличную таверну не пустят! — вскинулся Гайраль. — Решат, что мы в самом деле полудохлого каторжника приволокли! Вы посмотрите на него — такого даже в овечьем загоне не всякий решится поселить! Говорю вам, он через колокол-другой дух испустит!

— Позовем лекаря, — робко заикнулась Ильха. Молодые люди глянули на нее с сомнением, Мейгелен вымученно хихикнул:

— Тут нужен не лекарь, а колдун. Некромант, чтобы умел воскрешать покойников. Или Шанталь Кофиец. Но люди говорят: старый скряга шагу за порог не сделает, пока его не поманят полновесным империалом или двумя. У тебя случайно не завалялось десятка-другого?

— Золота у меня нет, — пожала плечами девица Нираель. — Разве что немножко серебра отыщется.

— Давайте лучше я сбегаю за Ворчуньеи, — встриял Гайраль. — Она живет по соседству со мной и вроде бы как раз вернулась в город. Берет она немного, а лечит ничуть не хуже кофийского шарлатана. Правда, Ворчунья сущая ведьма как снаружи, так и в душе, но нам-то какая разница? Где вас искать, в «Змее»? Оставьте весточку, если вас оттуда вышвырнут, ладно?

Целительницу с многозначительным прозвищем Ворчунья на самом деле звали Эсмой Халед, и с первого взгляда на ведьму она никак не смахивала. Обычная женщина, чей возраст перевалил за тридцать зим и подбирался к сорока, начинающая седеть, несколько грузная и закутанная в просторное одеяние светло-лилового оттенка. Она прибыла к задней двери «Змеи и скорпиона» на скрипучей повозке-одноколке (что свидетельствовало о вполне приличных доходах Ворчуньи), запряженной почтенного вида буланным мерином, в сопровождении показывавшего дорогу и украдкой зевавшего Гайрала. К тому времени Уиджи, Ильха и Мейгелен успели получить ключи от одной из приличных комнат на первом этаже и тайком от хозяина втащить через черный ход носилки с явившимся из Капища незнакомцем. Уложить грязное, помирающее существо на относительно чистую постель они не рисковали, устроив его на потрепанном коврике.

Разжившись у служанок тазиком с теплой водой и ветошью, девица Нираель попыталась обтереть лицо и израненную спину незнакомца. Почти сразу девушка и ее спутники поразились необъяснимому обстоятельству: несмотря на множество вроде бы совсем недавних ран, как глубоких, так и поверхностных, кровь из них не хлестала ручьями, как оно бы полагалось, но вытекала медленными, густыми каплями. Жуткие рубцы на лице вовсе не кровоточили – словно разодравшие плоть огненные когти неведомого чудовища сразу прижгли раны. Совместными усилиями троица самозваных лекарей разрезала и стянула с подопечного черные лохмотья – их первоначальный вид восстановить так и не удалось, правда, в одном месте уцелел крохотный кусок вышивки серебром – и тут обнаружилась довольно омерзительная вещь.

При виде эдакого кошмара Ильху едва не стошило, и она вылетела в коридор, зажимая рот ладонью. Уиджи изрыгнул жуткое длиннущее ругательство, а позеленевший Мейгелен заявил: если это не следы пыток каленым железом, он согласен съесть собственные уши. Можно без соуса.

Молодые люди в очередной раз переглянулись, безмолвно спрашивая друг друга: кого подкинула им судьба? Откуда мог взяться этот человек, замученный до полусмерти и смахивавший на чудом выжившую жертву разъяренных демонов? Может, это нездачливый колдун, не справившийся с собственной магией и по невероятному стечению обстоятельств угодивший в молельню на пустыре? Или перед ними впрямь существо из некоей иной Сфера?

Впрочем, обитателям Шадизара несвойственно долго ломать головы над подобными размышлениями. Они предпочитают думать о чем-нибудь более понятном и доступном. Скажем, Уиджи куда больше занимал вопрос: как избавить незнакомца от оков? Игров уже осмотрел чудовищные железные браслеты, придя к неутешительному выводу: отковано и запаяно на совесть. Обычным кузнецким молотом заклепки не разбить – кости превратятся в крошево, проще уж сразу отрубить парню запястья. Придется раскошелиться и обращаться к гномам из Чамгана: говорят, у карликов имеются пилы с адамантовыми зубьями, способные одолеть любую сталь.

Еще Уиджи нашел на средних звенях цепи блестящие царапины, указывавшие, что изначально цепь крепилась к какому-то крюку. Стало быть, неизвестный болтался в подвешенном виде, наподобие туши в мясной лавке – а тем временем его вовсю обрабатывали плетьми и прочими надежными средствами для развязывания языков… Чего добивались палачи, какого ответа требовали, какую тайну стремились вырвать?

Выскочившая из комнаты девушка вернулась, старательно отводя взгляд в сторону и пропустив вперед почтенную Халед. Следом ввалился недовольно ворчавший Гайраль, тащивший обитый сукном короб с различными снадобьями.

— Вот, — нерешительно заикнулся Уиджи, указывая на съежившуюся на полу фигуру. — Это... э-э... в общем, наш знакомый... Ему не повезло. Можешь что-нибудь для него сделать?

— Прикончить, чтобы зазря не мучился, — вполголоса предложил Гайраль. Ильха строго ткнула его кулачком под ребра, чтобы заткнулся.

Разномастное сообщество врачевателей Шадизара привыкло не задавать вопросов, касающихся имени, происхождения и рода занятий попадающих к ним в руки страдальцев. Ворчунья не составляла исключения. Грузно присев на шаткий раскладной табурет, она занялась делом, почти беззвучно бормоча себе что-то под нос. Четверка таращилась на госпожу Эсму со смешанным чувством искреннего детского любопытства и настороженности — как будто следила за священнодействиями жрецов на церемониях в митрианском или иштариjsком храмах.

Действия знахарки во многом смахивали на магический ритуал с использованием загадочных предметов, по мере надобности извлекаемых из недр деревянного короба. Так, на свет явилась серебряная лопатка, которой Халед с задумчивым видом поковыряла некоторые раны, странной формы бутыль дорогостоящего матового стекла (когда из нее вытащили пробку, из горлышка потек едкий дымок), длинный широкий нож и с десяток медных коробочек, до краев наполненных разноцветными порошками. Ворчунья деловито стряпала загадочные снадобья, то смазывая ими кровоточащие раны, то силком заставляя подопечного проглотить некий настой.

Ильха решила, что почтенная Халед знает толк в своем ремесле, однако трудится с каким-то бессердечием, словно перед ней давно остывший труп, а не живой человек. Еще девица Нираель подумала, что, не приведи боги ей самой занедужить, она не хотела бы оказаться в руках достопочтенной Эсмы — Ворчунья внушала ей страх, смешанный с уважением.

Возилась лекарка довольно долго — небо за затянутым бесцветной слюдой окном успело потемнеть. Наконец Халед вытерла руки чистой тряпицей, устало зевнула, прикрыв рот ладонью, и сухо вынесла решение:

— Ежели ваш приятель умудрился не помереть до сих пор — значит, выживет. Насчет лица... быть ему, похоже, кривым отныне и навсегда. Дня через два-три должен очнуться. Не давайте ему много есть, но пусть побольше пьет — разведенное вино с водой и навар с похлебок...

Целительница встала, собирая в короб принадлежности своего ремесла, и деловито закончила:

— Три империала за все. Завтра к вечеру еще загляну — посмотрю, как пойдут дела.

Трех империалов у Уиджи не набралось — только два с четвертью, с клятвенным обещанием рассчитаться с долгом завтра же. Халед неодобрительно фыркнула и скривилась, но здраво рассудила: две золотые монеты и горсть серебра все же лучше, чем вообще ничего.

Исполнив свой долг, Ворчунья с достоинством отбыла — а трое молодых людей, девица и свернувшийся на полу неизвестный (который уже перестал стонать и теперь только тяжело, с хрипом дышал) остались, озабоченные и озадаченные внезапно свалившейся на них непонятной обузой.

От слуг хозяину «Змеи и скорпиона» вскоре стало известно, что под кровом его собственности обосновался некто чрезвычайно болезненного и, что гораздо хуже, весьма подозрительного вида. Содержатель таверны явился лично взглянуть на диковинного постояльца, желая убедиться, что не приютил зачумленного, прокаженного или беглого каторжника. Ильху, внезапно для себя оказавшуюся в роли сиделки, этот неожиданный визит перепугал до смерти. Однако ей удалось убедить трактирщика, что ни о каких смертельно опасных хворобах тут речи идти не может. Просто дальний знакомец ее друзей по случайности оказался в плохое время в ненужном месте – и сами видите, какие досадные последствия из этого проистекли...

Достопочтенный трактирщик ограничился небольшим увеличением мзды за проживание, намеком, что подобные постояльцы ему не по душе и тем, что слегка прихватил девицу Нираель пониже талии – чему Ильха до чрезвычайности поразилась.

Позабывши об устройстве девушки и незнакомца из капища, Гайраль и Мейгелен улетучились, сочтя свой долг выполненным. Уиджи, впрочем, заглядывал по два раза на дню, утром и вечером, спрашивая, не произошло ли каких изменений. Наведывалась, как обещала, и госпожа Эсма Халед. Знахарка быстро и ловко меняла повязки на ранах, недовольно хмурилась, видя, что ее снадобья не оказывают нужного действия, приносила новые флакончики с зельями. Ильха только вздыхала: подопечный упорно не желал быть живым... хотя помирать вроде тоже не торопился. Кричать более не кричал, в сознание толком не приходил, но, когда девушка пыталась напоить его, приподнимал голову и с жадностью глотал воду с разведенными в ней зелями – проливая большую часть на пол.

Спустя пару дней вместе с Уиджи явился мрачный, недовольный всем существом гном, приволокший с собой позякивающий железом мешок. Подгорный карлик возился день, вечер и еще часть ночи, наполнив весь первый этаж скрежетом упрямого железа, и таки добился своего, распилив стальные браслеты.

Окончив работу, дверг долго и озадаченно рассматривал половинки оков, неожиданно заявив, что согласен взять их в качестве частичной платы за труды. Чем соединенные цепью браслеты так заинтересовали обитателя Чамгана, Уиджи и Ильха не поняли. Любознательный игрок на всякий случай спросил еще, нет ли на оконах клейма изготовленного их мастера или каких-нибудь иных знаков.

– Совсем дурак, что ли? Какое тебе клеймо мастера на кандалах? – буркнул дверг, затолкал громыхающие браслеты и цепь в свой мешок и смылся.

Постепенно Ильха привела оказавшегося на ее попечении человека в относительно пристойный вид, невольно восхитившись роскошной шевелюрой незнакомца: длинные, тяжелые пряди смолянистого цвета отливали глубокой синевой, как перья на вороньих крыльях. Девица Нираель сочла, что загадочный пришлец из молельни некогда был весьма хорош собой – если судить по уцелевшей стороне лица и фигуре – но вот определить его возраст не сумела. Иногда девушке казалось, что подопечный немногим старше ее самой, иногда – что прожитые им годы подбираются к полусотне. Ей не терпелось дождаться того мгновения, когда неизвестный очнется, однако тот не торопился покидать страну своих грез, а через седмицу истекал оплаченный Уиджи срок проживания в «Змее».

Вдобавок новоявленная жрица тревожилась о своих сбережениях, оставшихся на пустыре. Подопечный, как всегда, пребывал на грани между глубоким сном и обмороком – и девушка сочла, что не будет большой беды, ежели она ненадолго отлучится. К тому же ей изрядно прискучило сидеть в четырех стенах в обществе еле живого создания. Вдруг Голос сменил гнев на милость и соизволит растолковать своей подружке, что стряслось, кто этот человек с обожженной физиономией и что с ним теперь делать?

У лестницы, ведущей на второй этаж, где располагались комнаты подороже и побольше, Ильха Нираель мельком заметила новых постояльцев. Диковатого вида молодой парень и симпатичная девушка поднимались наверх, за ними слуги тащили несколько вместительных сундуков – наверное, с имуществом красотки. Похоже, парочка собиралась обосноваться здесь надолго.

За время отсутствия служительницы заросшая бурьяном пустошь у пределов квартала Нарикано вернулась к былому запустению. Мраморное строение, еще недавно поблескивавшее темным хрусталем колонн и новехонькой черепицей, теперь казалось простоявшим тут по меньшей мере сотню лет и слившимся с окружающим непрятательным пейзажем. Остатки жалкого жилища девицы Нираель и ее скучного имущества бесследно пропали, также как и бревна, на которых располагались приходившие за ответами к капищу. Зато объявился позабытый в суматохе Тилль – отошедший и чрезвычайно недовольный тем, что хозяйка бросила его в одиночестве.

На ступеньках у порога капища обнаружилось несколько оплыvших до основания свечей – значит, поклонники новой веры наведывались сюда. Голос, как Ильха его не упрашивала и не увещивала, отзываться не пожелал, рубиновый зрачок на фронтоне выглядел потускневшим и присыпаным пылью. Возле каменного глаза появились красноречивые царапины: кто-то пытался выковырять драгоценный камешек и не преуспел.

Маленький клад, закопанный под фундаментом, сохранился. Девушка вытащила мешочек с монетами, подхватила на руки мяукнувшего кота и зашагала прочь. У кромки пустыря, где он переходил в улицу, она остановилась и оглянулась.

Костерок новой веры вспыхнул и погас, не успев как следует разгореться. Ей придется из кожи вон лезть, чтобы восстановить утраченное. Беда, если молельня больше не пожелает разговаривать, ведь именно это умение маленькой постройки привлекало сюда любопытных зевак. Она сама, Ильха Нираель, успела чему-то научиться, пока выполняла должность прислужницы, но у нее отродясь не было таланта убеждать людей в своей правоте. Неужели ее начинания опять благополучно провалились? Может, этот свалившийся неведомо откуда незнакомец сумеет ей чем-то помочь? Ведь в противном случае перед ней вновь во всей своей неприглядности открывается долгая и ненавистная дорога на дно шадизарского бытия...

Девушка размышляла об этом всю дорогу до «Змеи и скорпиона» и слишком углубилась в свои мысли, чтобы обращать внимание на окружающих. Войдя в комнатку, она стряхнула на пол кота, немедля отправившегося изучать и обнюхивать новое жилье, раздула почти погасшую лампу и занялась обычными хлопотами. Ильха не сразу заметила, что ее четвероногий любимчик уселся, мурча, по соседству с лежавшим на полу незнакомцем... и что единственный глаз загадочного создания открыт.

Осознав сие обстоятельство, девица Нираель ойкнула, на цыпочках подошла ближе и присела на корточки. Неизвестный сперва пристально рассматривал кота, потом перевел взгляд на девушку. Теперь контраст между живой и сожженной частью лица стал еще более

жутким. Слева в распахнувшемся зрачке льдисто-серого оттенка светился разум, а справа не было ничего, кроме обуглившихся по краям сизо-багровых шрамов.

Порождение странного капища неотрывно таращилось на оцепеневшую Ильху еще два или три удара сердца, потом опустило веко и задремало. Только тогда девица Нираель с шумом перевела дыхание, испытывая как облегчение, так и нешуточную тревогу. Очнуться-то ее подопечный очнулся, но как пойдут его дела дальше?

Вопреки мрачным ожиданиям Ильхи, незнакомец с того памятного вечера явно пошел на поправку – медленную, что неудивительно при его состоянии, однако с каждым проходившим днем все более заметную. Единственное, что беспокоило девушку – она так и не услышала от своего загадочного подопечного ни единого слова. То ли ему было трудно разговаривать после пережитого, то ли – при этой мысли по хребту Ильхи пробегал неприятный холодок – он вообще не обладал даром речи. Девица Нираель могла поклясться, что неизвестный понимает и осознает ее слова, однако никакого ответа на ее расспросы пока так и не прозвучало.

Спустя несколько дней подопечный сделал первую неуверенную попытку встать на ноги, закончившуюся безмолвным и болезненным падением. Человек оказался упорным в намерениях, и, невзирая на причитания девицы Нираель, к вечеру последующего дня сумел добиться своего. Передвигался он крайне неторопливо и при ходьбе заметно прихрамывал, а потому от посоха, притащенного Ильхой, не отказался. Послушно натянул купленный по дешевке бесформенный балахон – судя по запаху, раньше принадлежавший какому-то пастуху. Решив не рисковать понапрасну, Ильха с величайшим трудом словами и жестами убедила подопечного закрыть покалеченную сторону лица тряпкой – а иначе каждый прохожий и проезжий начнет плятиться и приставать с расспросами: откуда на улицах достославного Шадизара взялось эдакое чудовище?

Незнакомцу – Ильха и Уиджи без долгих размышлений присвоили ему незамысловатое прозвище Одноглазого – явно не терпелось выбраться из гостиничной комнаты. Его первая прогулка по окрестностям «Змеи и скорпиона» прошла относительно благополучно, если не считать того, что спутник девицы Нираель долго и пристально разглядывал все, что попадалось навстречу. Жгучий интерес вызывало все подряд: разложенные на прилавке товары уличных торговцев, скрипучие пролеты Старой Лестницы, уводившей в квартал Нарикано, бездействующий фонтан на улице Лучников, засохшие из-за летней засухи осокори и кусты поникшей акации… Дольше всего он проторчал перед маленьким капищем Хранителя города, Бела-Обманщика. Оглядел каменную стелу со всех сторон, потрогал видевшие на высоте человеческого роста Отмычки – отлитую из бронзы связку из пяти ключей – и с вопросительным видом обернулся к Ильхе. Та, как могла, растолковала, смысл увиденного, заодно поймав себя на здравой мысли: а что, если сводить Одноглазого на пустырь, где располагалась их капище из черного мрамора? Вдруг при виде молельни в его голове что-то произойдет и он заговорит?

Ильха очень надеялась на успех своего замысла. Но, когда они появились на окраине Плещки, сопутствующее девице Нираель невезение проявило себя во всей красе.

Даже нарочно нельзя было выбрать более худшего времени. Над Плещкой плавало желтое облако пыли, в котором мелькали фигуры сцепившихся не на жизнь, а на смерть поединщиков – пустырь опять стал местом схватки между двумя шайками. Что они там делили, для Ильхи не имело ни малейшего значения. Она немедленно вцепилась в рукав Одноглазого, пытаясь утащить его с пустыря, но ее силенок не хватило. Непонятное

создание, вывалившееся из недр молельни, стряхнуло цеплявшуюся за него перепуганную девицу и решительно похромало вперед, яростно сверкая единственным уцелевшим глазом.

Девица Нираэль рванулась было следом, но быстро передумала и затаилась в переулке, опасливо выглядывая из-за угла.

У нее едва не случился обморок, когда спустя десять ударов сердца над Плешкой загремел так хорошо знакомый, только многократно усиленный Голос:

– Остановитесь, безумцы! Одумайтесь, говорю вам, пока еще не поздно!..

Глава вторая

Городские секреты

— Даже не мечтай, — с этими словами Хисс Змеиный Язык выволок из бурлящей толпы своего непутевого приятеля. — Пусть они катятся своей дорогой, а мы пойдем своей. Мне Диери голову оторвет, ежели с тобой что приключится. И вообще, с меня на сегодня достаточно. Упаси меня Небо отныне встречать в воровские стыки! Пошли отсюда. Пошли, кому говорю! Веселье окончено, балаган закрывается!

Конан с явным сожалением глянул вслед удаляющейся шумной толпе, состоявшей из перемешавшихся шаек Кодо Сиверна и Марди Крохобора.

Резня на Плещке прервалась на самом интересном месте, но боевой дух и стремление помахать кулаками в приятном обществе по-прежнему требовали выхода. Можно только посочувствовать Добряку Гонже — теперь, когда двое его злейших врагов объединились, прекратив взаимную грызню, хозяину квартала Скена придется очень и очень туго. По мнению Хисса, Добряк вполне заслуживал свалившихся на него невзгод — из всех предводителей кварталов Шадизара Гонжа Хват слыл наиболее злобным, хитрым и жадным.

Увлекшийся наведением справедливости Малыш вылезал из потасовки с крайней неохотой, невзирая на то, что уже в первые мгновения схватки успел обзавестись роскошным багровым кровоподтеком на лбу и длинным порезом на предплечье. По варварской самоуверенности он делал вид, что полученные синяки, шишки и царапины не стоят внимания, но Змеиный Язык был уверен — по возвращении домой Малыша ожидает выволочка от подружки, за которой последуют неизбежные хлопоты с чистой ветошью, горячей водой и прочая милая чепуха. Хорошо бы Лиа тоже оказалась в «Змее и скорпионе» — будет кому пожаловаться на тяжелую судьбу...

— А вот и наши победители! — радостно завопили откуда-то сверху. — Бесстрашные герои, одолевшие всех врагов! Хисс, не от тебя ли только что позорно удирал Кодо?

На низком глинобитном заборе восседал, болтая ногами, чрезвычайно довольный собой Ши Шелам.

— С чего ты взял, что он удирал? Он тебя ищет. Я лично слышал, как он кричал: «Поймаю Ши Шелама — оторву его пустую башку!» — огрызнулся Хисс. — И вообще, почему ты до сих пор здесь, трус несчастный? Я думал, ты уже давно несешься по дороге к Аренджуну или запираешь десятый засов на дверях покрепче.

— Живой трус лучше дохлого героя, — беспечно отмахнулся Ши. Теперь, когда опасность миновала, он снова сделался самим собой — неунывающим жизнерадостным болтуном, на которого при всем желании всерьез не рассердишься. — Им теперь не до нас — и Ходячему Кошмару, и Крохобору, и своре их верных псов. Ох, какая заваруха начнется в Скене... А сколько денег оказались напрасно потраченными, вы только представьте! Раз Кодо и Марди вроде как заключили мир...

— То всем сделанным ставкам цена — фальшивый сикль в базарный день, — кивнул Хисс. Вот он, истинно шадизарский дух — извлекать доход из чего угодно, в том числе из приема ставок на исход стычки между двумя шайками. — Ладно, слезай оттуда. Пойдем, выпьем за нашу удачу. Сегодня нам воистину посчастливилось. Откуда только свалился на наши головы этот безумный проповедник?

— Я его недавно видел, — сообщил Ши, спрыгивая с забора. — Прямо перед тем, как вы

появились. Он ковылял вверх по переулку, таращась вокруг так, будто только что родился. За ним бежала и причитала какая-то девица – на мой вкус, довольно страшненькая. По замашкам вроде бы митрианец, но как-то не похож... Слушайте, может, это вовсе не проповедник, а помешанный на благочинии чародей? Слuchaем, не твой земляк, а, Малыш?

– У нас колдуны долго не живут, – мрачно огрызнулся Конан. Подросток был возмущен до глубины души – тем, что не дали как следует подраться и тем, что, к стыду своему, колдовская проповедь заворожила его ровно так же, как и прочих.

– Так ясное дело, не живут. Я вообще удивляюсь, как в ваших краях хоть кто-то умудряется до старости дожить. Вот и он, наверное, пожил немного, потом плюнул и пошел в благословенный Шадизар разнимать дерущихся бандитов...

Троица успела сделать едва ли два десятка шагов и повернуть за угол, как прямиком столкнулась с предметом своих обсуждений. Загадочный проповедник – или кто он там был на самом деле? – сидел на обочине, подпиная спиной забор и пребывая в мире грез и видений. Рядом суетилась смутно знакомая Змеиному Языку особа женского пола. Ее скромных сил явно недоставало для того, чтобы вернуть недавнего громогласного оратора в прямостоячее положение.

– Ильха! – приглядевшись получше, окликнул девицу Хисс. Ну конечно, это Ильха Нираель, самозваная жрица говорящего капища на Плешке! А признав девушку, Змеиный Язык разрешил для себя еще одну загадку, беспокоившую его с момента появления проповедника. Ведь он уже слышал недавно такой же или очень похожий голос – низкий, раскатывающий согласные, наполненный высокомерной умудренностью. Только никак не мог сообразить, где и при каких обстоятельствах. Точно, подобным высокопарным образом изъяснялась молельня черного мрамора! Это что же получается, капище теперь еще и человеческим обликом обзавелось?

Услышав свое имя, девица Нираель обернулась. Пару ударов сердца оторопело глядела на Хисса, явно воспоминая, знаком ли ей этот рыжий парень. Потом узнала и вымученно улыбнулась:

– Ой, а я... мы тут... Мы с пустыря домой шли и вдруг...

– Хисс, так это твои приятели? – незамедлительно влез Ши. – Тогда чего ты разорялся, будто ничего про них не знаешь? Кстати, я – Ши Шелам. Вон то мрачное чудовище кличут Малышом.

– Ну, если у кого излишек зубов, могут и Малышом, а вообще-то Конаном, – поправил Хисс. – И я отчасти знаком только с дамой, но не с ее спутником. Ильха, в самом деле, кто это?

– Кто бы знал, да мне сказал, – дернула плечом девица Нираель и осторожно поинтересовалась: – Вы мне не поможете? Он, кажется, опять впал в помрачение, а мне самой его не дотащить...

– Куда волочь-то? – деловито осведомился Ши.

– В таверну «Змей и скорпион»...

– Да ты что?! – не поверил услышанному Змеиный Язык. – И давно ты там живешь? А почему мы ни разу ни сталкивались?

– Потому что я безвылазно сидела вот при нем, ожидая, пока он придет в сознание, – растолковала Ильха. Обеспамятевший проповедник мешковато обвис между Хиссом и Конаном. Увиливший от перетаскивания тяжестей Ши вышагал впереди, приставая к Ильхе с расспросами. Хотя девица Нираель изо всех сил пыталась отвечать уклончиво или

отмалчиваться, ее ответы рисовали достаточно отчетливую и подробную картину злоключений порождения капища на Плешке.

— ...До того молчал, как немой, а на пустыре вдруг разговорился? — недоверчиво переспрашивал Ши. Ильха кивала. — А потом ни с того, ни с сего хлопнулся на ровном месте? — новый кивок. — Ну, дела... Слушайте, а ведь я, пожалуй, прав! Это наверняка какой-то магик, перемудривший с заклинаниями! Неудивительно, что у него теперь и рожа перекошенная, и память так отшибло, что он двух слов связать не может. Ильха, что ты теперь собираешься делать, если не секрет?

— Ждать, — коротко отозвалась девица Нираель. — Заговорил один раз, заговорит и другой. Вместе чего-нибудь да надумаем. Может, вернемся на пустырь...

— Если он каждый день станет читать по такой проповеди, как сегодня, — пропыхтел Хисс, — то на Плешке скоро будет не протолкнуться от жаждущих просветления.

— Хорошо бы, — согласилась Ильха, но особой бодрости в ее голосе не слышалось.

По давней традиции в летние дни содержатели трактиров и таверн расставляли часть столов прямо на улицах, рядом во входом в заведение. «Змея и скорпион» не составляла исключения, а за одним из столов под полосатым тентом со всеми удобствами расположились две на редкость привлекательные девицы. Заметив приближающуюся компанию, Диери и Лиа восторженно заголосили и кинулись навстречу.

* * *

...Столько усилий — и все напрасно.

Никто из компаний пока еще не произнес этого вслух, но неизбежно иметь семь пядей во лбу, чтобы распознать витающее в воздухе разочарование. Словно заключив некий молчаливый договор, все — даже Конан, до коего намеки порой доходили с трудом — старались не заводить разговоров об «Уютной норе».

Окрестные кварталы притихли под гнетом удушающей жары, выжиная, чем завершится война объединившихся старшин Нарикано и Сахиля против Скены. Госпожа Клелия Кассиана, выслушав рассказ Хисса о событиях на Плешке, нахмурилась, в задумчивости покусала губку, но своими выводами делиться не стала. Поручений для Змеиного Языка у нее не нашлось, и Хисс уже второй день околачивался в «Змее и скорпионе», бездельничая и предаваясь унынию. Нить поисков оборвалась. Ибо как, скажите на милость, отыскать в огромном караван-сарае (коим, несомненно, является Шадизар) некоего здоровенного туранца, о котором более ничего не известно?

Вот и сегодня он с самого полудня засел за одним из столов на улице в компании Ши и Конана. Воришка безуспешно старался обучить приятеля-варвара тонкостям игры в «Замки и дороги». Между делом вяло обсуждались сплетни касательно Ильхи Нираель и ее странного подопечного. Надежды Ильхи рассыпались в прах — после того дня на Плешке Одноглазый больше не разговаривал. Зато приобрел привычку по вечерам торчать в темном углу общего зала таверны, внимательно слушая разговоры. При желании к загадочному Одноглазому теперь можно было даже обратиться с вопросом — хотя отвечал он только «да» или «нет», кивая либо отрицательно мотая головой. Ши незамедлительно бросился расспрашивать

Одноглазого, откуда тот взялся, не преуспел и теперь громко страдал от неутоленного любопытства.

— Смотрите-ка, кто сюда идет, — Ши Шелам, оторвавшись от хитроумных комбинаций игры, бросил взгляд на улицу и озадаченно присвистнул. Хисс и Конан оглянулись.

К «Змее и скорпиону» приближалась маленькая процессия из четырех человек. Возглавляла идущих Лиа Релатио под ручку с некоей девицей, выглядевшей небогатой горожанкой. Знающие люди, присмотревшись, с удивлением признали бы в ее спутнице Юнру Тавилау, что непреложно означало: стряслось нечто поразительное, заставившее Юнру выбраться из отеческого дома и ступить на опасные улицы родного города. За девушками вышагивал знакомый Хиссу телохранитель госпожи Кассианы, Гилл, легонько подталкивая перед собой некоего типа весьма преклонных лет.

Постояльцы «Змеи и скорпиона» воззрились на последнего с изрядным недоумением. То был древний старец в потрепанной и пыльной хламиде. Скорбной невозмутимостью физиономии, горделивой осанкой и неторопливой величавостью поступи гость смахивал на дряхлого караванного верблюда. Ремесло старца со всей непреложностью свидетельствовали неразлучные спутники любого нищего — ветхий коврик, который тот волок под мышкой, и привешенная на цепочке к поясу тусклая медная миска.

— Ее светлость велела доставить *это* вам, — сообщил Гилл, поравнявшись с компанией и утирая пот со лба, словно бы сопровождение старца стоило ему немалых трудов.

— Нижайшая благодарность ее светлости за ценный подарок, — заунывно продекламировал Хисс. — Только, боюсь, у нас не сыщется ничего столь же полезного в хозяйстве, дабы достойно отблагодарить госпожу Клелию за ее доброту.

— Это свидетель, дурачок, — пропела Лиа, немедленно пристраиваясь по соседству с Хиссом. Удивленно косившуюся по сторонам Юнру взял под опеку Ши Шелам — та, обескураженная излившимся на нее словесным потоком, не имела ничего против. — Вы же хотели отыскать кого-нибудь, знающего... ну, про вашу таверну? К чтецам, нанятым Юнрай, сегодня утром подошел этот добрый человек...

— Цуль Брюхощеп, с вашего позволения, — проскрипел нищий, успевший под шумок подтянуть к себе тарелку с обедом Ши и теперь с поистине ошеломительной скоростью сметавший содержимое. — Цулем меня кличут, извольте видеть... А обретаюсь я обычно на Старой Лестнице, на второй площадке, по соседству с Рихой-Щербатым, что торгует амулетами от сглаза, и девицей Касси по прозвищу...

— Заклинаю тебя, о мудрейший из живущих, сохранить в тайне прозвище девицы Касси, ибо негоже употреблять такие слова в обществе благородных дам, — поспешил прервал Хисс словоизлияния старца. — А вы, госпожа Юнра, поведайте: зачем все-таки госпожа Клелия прислала к нам... это?

— Она велела передать: этот человек говорит правду, — пожала плечами Тавилау-младшая. — Когда он пришел и начал свой рассказ, графиня и двух слов толком не выслушала. Обрадовалась и приказала срочно отвести его сюда. А я как раз была у нее в гостях и подумала — может, вы будете не против, если я тоже послушаю его историю?

— Еще бы мы были против, — вполголоса поделился с Конаном Ши, быстро уразумевший, что сухопарая глазастая девица — наследница торговой империи Аземы Тавилау, и потому заслуживает самого пристального внимания.

«Ну что такого способен поведать старый нищеброд?» — уныло подумал Змеиный Язык. Вслух он, однако, произнес:

— Ну что ж, госпоже Клелии виднее. Досточтимый Цуль, ныне все мы, затаив дыхание, с подлинным трепетом внимаем твоим речам. Говори же, но помни, что время наше стоит дорого...

— А мои слова еще дороже, ибо время есть у каждого, а мои знания принадлежат лишь мне, — демонстрируя недюжинную мудрость, отрезал почтенный Брюошлеп, достойный представитель Гильдии нищих и побирающихся. — Тот чтец на площади говорил о награде...

— Награду ты только что получил, — мстительно заметил Ши, лишившийся обеда. — И сожрал.

— Что я слышу?! — возопил старец, воздевая к раскаленному небу худые руки в жесте праведного негодования. — За золото слов, ценимое владыками великих империй превыше золота купцов, сей юноша хочет заплатить миской похлебки ценою в два медных сикля?! Так знай же, о несмышленое и надменное воплощение скучности, что ты должен быть благодарен старому Цулю уже за то, что он из милосердия избавил тебя от необходимости есть сие варево, приготовляемое здешним хозяином из чечевицы, гнилой капусты и собачьей требухи...

Диери, нацелившаяся перекусить, поспешила отодвинуть миску. Хисс, глядевший на старца сперва со скукой, потом с нарастающим изумлением, затрясся от безмолвного хохота.

— ...но если гордыня мешает тебе принять эту жертву, то как благородный человек я готов немедленно вернуть тебе съеденное, в этой же посудине или в любой иной! — с видом оскорбленного достоинства заключил почтенный Цуль, картиным жестом протягивая Ши начисто вылизанную тарелку.

Ши, утратив дар речи, молча таращился то на злосчастную посудину, то на болтливого нищеброда.

Змеиный Язык заржал в голос и задрыгал под столом ногами. Девицы, все трое, засились дружным смехом. Лишь Гилл и Конан сохранили серьезное выражение на лицах, хотя первому это удалось не без труда.

Почтенный Цуль взирал на веселящихся юнцов скорбным взглядом старой мудрой черепахи.

— Воистину, — сказал Хисс, утирая слезы, — сегодня хороший день, ибо не всякую трапезу удается совместить с добной беседой! Говорят, Килибор Чашник платил по дюжине золотых монет любому, кому удавалось его рассмешить...

— Однако времена Килибora Чашника давно прошли, мир изменился, и золота в монете стало вдвое меньше, — проскрипел Брюошлеп. — Может быть, два десятка туранских империалов и скрасили бы ненадолго мою старость...

— Двадцать империалов! — задохнулся от возмущения Ши. — Да зачем тебе, старому пнию, такие деньжищи?!

— ...а может быть, и нет, ибо лучше в бедности хранить достоинство, чем, пребывая в достатке, выслушивать поношения, — невозмутимо закончил старец. — К тому же юные девы в «Алмазном водопаде» берут теперь не меньше трех монет за «тропу двенадцати наслаждений».

— «Тропа двенадцати наслаждений»? Да ты, как я погляжу, весьма бодр для своих лет, — хмыкнул Змеиный Язык. — Ладно же, уважаемый, будь по-твоему. Только должно тебе знать, почтенный Брюошлеп, что тем собеседникам, чьи речи казались ему пустыми, Килибор Чашник обычно отрубал голову. А?

— Я же говорю, многое с тех благословенных пор изменилось к худшему, — равнодушно

пожал костлявыми плечами нищеброд. – Теперь не сыскать среди живущих никого, подобного достославному Килибору.

Хисс, сдаваясь, тряхнул рыжими лохмами:

– С этим жутким старцем невозможно спорить. Держи, пиявица ненасытная! – кожаный мешочек перекочевал за пазуху к почтенному Цулю. – Ну, теперь ты отверзнешь наконец сокровищницу своего тайного знания пред щедрыми дарителями?!

– Благодарствую, юноша, да озарит твой путь свет милосердного Митры. У меня, понимаете ли, завалялась одна вешица... – неспешно начал нищий, извлекая из лохмотьев тонкий пакет, стянутый разлохмаченной синей нитью и запечатанный кляксой дешевого зеленого сургуча. – Вещь эту передал мне ваш покойный дружок, Джай Проныра, за день до того, как сгорела таверна Бритунийки. Джая-то я давно знаю, еще с тех пор, как он мальцом на Блошином рынке промышлял. Раз он на меня наткнулся на Лестнице да и говорит: «Дядюшка Цуль, будь другом – отнеси весточку, куда скажу. Ежели будет ответ – принеси мне. Только в „Нору“ не тащи, отдай где-нибудь в уголке, а я тебе десяток кафаров подкину на бедность». Десять кафаров, они на дороге не валяются, я сходил, с тех пор так и повелось...

– Что значит – «так и повелось»? – насторожился Ши. – Ну-ка, почтенный... Сколько, говоришь, ты уже эти письма туда-сюда таскаешь?

– Так, почитай, почти что с начала года. Вот как раз в канун того дня, в который митрианцы домашних тварей благословляют, Джай ко мне впервые и подошел, – подумав, обстоятельно пояснил Цуль Брюошлеп.

Ши Шелам и Хисс недоуменно уставились друг на друга. Конан, появившийся в «Уютной норе» позже всех, ничего толком не понял – о чем и сообщил, потребовав разъяснений.

– Честно говоря, первый раз слышу, чтобы Джай вел с кем-то столь затяжную переписку, – признался Хисс. – Он и писать-то умел, как курица лапой... Дядюшка Цуль, часто ли Джай поручал тебе доставлять письма?

– Частенько. Считай, каждую вторую седмицу, – бодро откликнулся нищий, вызвав новый всплеск недоумения. – Но ответ давали не на каждое.

– А куда именно ты их относил? – из всех возможных вопросов Конан безошибочно выбрал наиболее существенный.

Брюошлеп замялся:

– Вот не знаю я, как тамошние улицы прозвываются. Я туда всегда совался с большой опаской, потому как это за Ламламом, в Асмаке, где самые наибогатейшие богатеи проживают, а такому, как я, делать там нечего. Стражники у них злые, как псы голодные, заметят – непременно по шее накостыляют. Разве что описать дом могу. Пятый по правую руку, если идти по той улице, что ведет на закат от большого каменного колодца с изразцами. Перед входом бронзовые ворота в узорах, над ними резная страшенная морда вроде драконьей. Только я с главного входа не ходил, заглядывал сбоку в калитку, где слуги ходят.

– Так, – Хисс ожесточенно потряс головой. – Ага. Ну да. Вот это новость, покусай меня ишак... Какие у Джая Проныры, мир его праху, вожака захудалой шайки из Нарикано, могли быть дела в Асмаке, а? Есть идеи?

– Есть, и очень свежая. Давайте посмотрим, что в письме, – ехидно предложила Диери.

– Читать чужие письма неприлично, – возразила Юнра Тавилау и, подумав, добавила: – Но очень занимательно.

— Кстати, уважаемый, — влез Ши Шелам, — что ж ты письмо не отнес, себе оставил?

— Было так, — зашамкал беззубым ртом Брюошлеп. — Письмечо это Джай вручил мне ровнехонько накануне того дня, как у вас собирались свадьбу играть. Я еще нанялся к хозяйке, Лорне, столы расставлять и тарелки разносить. Тут меня Джай и заметил, сунул горсть медяшек и вот это письмечо, велел отнести тем же вечером. Я и отнес, но его не взяли. Слуга, что обычно письма забирал и ответы приносил, зарычал на меня, мол, более ничего принимать не велено, катись, мол, отсюда, так тебя и разэтак. Я понес обратно, хотел Джая вернуть, да поздно пришел — от вашей таверны одни угольки остались.

— Так, — решительно повторил Змеиный Язык, взял квадратный сверток и разломил зеленый сургуч.

Изнутри выпорхнул листок дорогой кхитайской бумаги, золотистой, с нарисованным по краю узором из цветов и листьев. Ровные строчки были выведены старательной, хотя и не слишком умелой рукой.

* * *

«Драгоценная Ней!»

Хисс вполголоса читал, а все остальные, включая Юнру и не принимавшего участия в беседе Гилла, невольно придвинулись ближе. Один Цуль Брюошлеп не проявил к чтению никакого интереса, найдя занятие поважнее — почти нетронутый обед Диери на время остался без присмотра.

«Драгоценная Ней! Надеюсь, теперь ты мне веришь? Мне по-прежнему не очень нравится твоя идея, но раз другого пути нет, пусть будет по-твоему. Я же понимаю, что от Нарикано до Асмака куда дальше, чем от нас до Закатного океана. Но теперь-то ты понимаешь, что ради тебя я готов на все? Думаю, что и эти твои Искатели Истины останутся довольны — только напомни им, чтобы вели себя потише, и чтоб никакой крови, ясно? Потом я непременно расскажу тебе, откуда взялись эти загадочные вещи — а ты, как всегда, не поверишь. Но услышать историю наверняка захочешь, и потому я буду ждать тебя — на прежнем месте, с шестого вечернего колокола и сколько понадобится. Я давно собирался сказать это тебе, но решился только сегодня. Ней, ты единственное, что есть у меня в этой жизни. Приходи. Приходи, иначе все, что я натворил по твоему слову, не имеет смысла. Приходи. Ты ведь придешь, да? Напиши мне. Ты уже так давно ничего не отвечаешь. Приходи хотя бы затем, чтобы сказать, что у нас разные дороги».

Подписи не было.

Над столом повисло обескураженное молчание.

Неизвестно, о чем думали былые компании по «Уютной норе», но Хисс пребывал в полном недоумении. У Джейвара Проныры имелась знакомая в Асмаке?! Причем давняя и близкая знакомая, раз он обращается к ней по имени и назначает встречу «на прежнем месте». И Джай ни разу не обмолвился об этой связи, а тем паче — не слазил в этот явно зажиточный дом как-нибудь ночной порой вместе со своими подельниками? Ну, тогда это точно любовь... а ведь какой вор был...

Хисс тщетно попытался вспомнить, не замечалось ли в поведении Джая каких

странныстей. Конечно, порой предводитель маленькой шайки исчезал на два-три дня, чему никто не удивлялся. Джай – свободный человек, волен уходить и приходить, когда вздумается. Понадобится – расскажет, где был и чем занимался. Да ведь он и сам, Хисс Змеиный Язык, вместе с Кэрли тоже частенько пропадал на день-два, а то и на седмицу, особенно если требовалось выследить будущую жертву или провернуть какое дельце...

Однако что же это получается, если поразмыслиТЬ?

Предположим, Джай и вправду связался с какой-то богатой девицей. Выполнил для нее и ее приятелей какое-то поручение... поручение, связанное с «загадочными вещами»... Девица по имени Ней, похоже, относилась к Джай довольно прохладно и отвечала на его письма от случая к случаю. Вообще, имеет ли это любовное письмо хоть какое-то касательство к погрому в «Норе»? Может, они отвалили двадцать золотых, чтобы только узнать про тайную интрижку покойного Джая? И почему, кстати, слова «Искатели Истины» написаны с большой буквы, как название какого-нибудь тайного общества?..

Тут Хисс наконец сообразил, и понимание на миг оглушило его.

«...напомни им, чтобы вели себя потише, и чтобы никакой крови, ясно?..»

– Он же нас сдал, – выдавил Хисс сквозь пересохшие губы. – Джай нас сдал, понимаете? Продал с потрохами своей девке и ее приятелям. Просил, чтоб, мол, без крови. А *те* на его просьбы, видно, плевать хотели, прикончили и его заодно. Вот он, предатель. Нашелся. Тварь. Шакал. А мы-то гадали...

Диери прикусила кулак. У Конана был такой вид, словно ему очень хочется кого-нибудь убить. Прямо сейчас.

Гилл прокашлялся.

– У меня есть предложение, – сдавленным голосом сказал Ши. – Хисс, Лиа, раскошеливайтесь. Сейчас я встаю и отправляюсь на прогулку. В Асмак. Вместе с почтенным Цулем. К дому с драконьей мордой, где проживает таинственная дама Ней. Кручусь там, разузнаю все, что можно узнать в таверне за пригоршню серебра. Потом возвращаюсь, а Хисс, как самый умный, начинает соображать. Дядюшка Цуль, кончай жрать. Пошли, времЯ дорого.

* * *

Прогулка Ши в квартал Асмак затянулась почти до полуночи. Да и выйти сразу, как он намеревался, тоже не получилось.

Сначала дотошно расспрашивали старого Цуля, уточняя, по каким улицам нужно идти и где сворачивать. Прожив в Шадизаре девятнадцать лет, Ши Шелам навещал Асмак считанные разы и не слишком хорошо знал, где там что искать, а сам Брюхолеп служить проводником отказался наотрез.

– Хоть зарежьте, не пойду, – упирался он, мотая плешивой башкой. – Об этом не было уговора. Рассказать расскажу, куда идти, а самому – ни за что. Селезенкой чую, не на пользу мне пойдет та прогулка.

Потом увлекшаяся Юнра, которую уже отчасти сочли «своей в доску», спохватилась и с видимым сожалением засобиралась домой. Ши незамедлительно увязался следом, хотя в

качестве охранника у девицы Тавилау имелся Гилл, а Пергаментная Аллея, где располагалась твердыня Дома Тавилау, находилась вовсе не по дороге в Асмак. Юнра против попутчика не возражала, а предупреждающее шипение Хисса:

— Тавилау тебя живьем в землю закопают, если увидят поблизости от своей принцессы! — Ши пропустил мимо ушей.

Он давно смирился с тем обстоятельством, что родственники его подружек почему-то терпеть не могут, когда некий Ши Шелам околачивается поблизости от их дочерей и сестер. Ши только кротко недоумевал — чем он умудрился вызвать подобную неприязнь? Он всегда старался волочиться не более чем за тремя девицами одновременно, следил, чтобы до их прелестных ушек не доходили слухи о соперницах и, как правило, расставался с ними по-хорошему — без скандалов и воплей на все окрестные улицы. Ну, порой скандалы все-таки случались, так ведь с кем не бывает!

Проводив Юнру до неприметной ниши в высоком каменном заборе (и тщательно запомнив, на какой именно стук мрачный привратник распахнул толстую дверцу, а также вид врезанного в створку замка — так, на всякий случай), Ши свернулся к границам Ламлама. По дороге он размышлял (каковое занятие было для него довольно непривычным) и чем дальше, тем больше мысли приводили его в уныние. Как ни пытался карманник убедить себя в том, что его давний знакомец Джейвар Сиггдим никак не мог пойти на поводу у какой-то юбки, многое говорило об обратном.

Да что там многое — почитай, все сходилось, если припомнить.

Во-первых, Джай с самого детства до умопомрачения хотел разбогатеть и вырваться из Нарикано, но понимал, что его мечта недостижима. Во-вторых, как это ни печально признавать, имелась в характере Джая такая пакостная черта, как завистливость. Обычно это не бросалось в глаза, но с появлением в «Уютной норе» Аластора дела стали совсем плохи. Джай до зубовного скрежета завидовал Альсу Кайлиени — его неизменной удачливости, легкому нраву, его отношениям с гадалкой Ферузой. Самому Джая обзавестись подружкой, постоянной или временной, никак не удавалось. Не складывались у него отношения с девицами, точно заговор какой наслали на человека!

Да еще тот кошель с монетами, найденный подле зарезанного Проныры. Да письмо. Как ни крути, приходилось признать, что предателем оказался именно Джай.

В таком вот удрученном состоянии духа воришка добрел до купеческого квартала Ламлам, окольными переулками и задворками просочился в Асмак, а там тосковать стало некогда — только успевай поглядывать по сторонам и увертываться от патрулей. Местная стражка не шла ни в какое сравнение с городской: обитатели Асмака содержали собственную небольшую армию, бдительно оберегавшую спокойствие улиц.

Ближе к вечеру Ши с изрядными трудами отыскал требующийся дом, выглядевший маленькой неприступной крепостью. Трижды обойдя его кругом и убедившись, что разглядывание острых шипов на ограде ничего не даст, Ши отправился на поиски ближайшей таверны. В том, что таковая непременно должна отыскаться, воришка не сомневался — ведь в квартале живут не только обладатели дворцов за высокими оградами, но и люд попроще, которому нужно где-то потрещать языками под кружечку-другую красного шемского. Да и стражники где-то проводят время, свободное от расхаживания по улицам и полировки лат?

К таверне он вышел безошибочно, как гончая, вставшая на след зайца. Приткнувшееся в глубине тенистого дворика заведение именовалось «Погребок», и цены в нем оказались таковы, что воришка похвалил себя за предусмотрительно позаимствованные у Лиа Релатио

денежки прекрасной госпожи Клелии. Ее светлость, правда, выдавала деньги для ведения дознания, а не оплаты ужинов Ши Шелама, но ведь он совмещает приятное с полезным: жует и одновременно расследует! Слушает во все уши, влезает с невинными наводящими вопросами и всячески пополняет свой мешок познаний.

Работая челюстями и глазея по сторонам, Ши подметил удивившую его вещь. На стене за стойкой висел белый диск кхитайского фарфора, около двух ладоней в поперечнике. На диске была весьма искусно изображена ажурная паутина, в центре коей восседал светившийся золотой каплей паучок. Под диском была приколочена полочка, на ней в специальной подставке курилась душистая ароматическая палочка и теплилась свеча. Алтарь домашнего духа-хранителя, как он есть. Но почему паук?

Насколько знал Ши, обитатели Шадизара давным-давно утратили интерес к этому загадочному и зловещему божеству, бывшему когда-то покровителем Заморы, предпочтя более понятного и доступного Обманщика. Поразмыслив еще, воришко удивленно вспомнил, что уже не раз натыкался в городе на подобные алтари, просто не обращал на них внимания. Изображение Паука этим летом появилось во многих тавернах и лавках, на стене игорного дома «Улыбка удачи» и даже у входа в дешевые бордели... Странно. С чего бы это вдруг такое внимание к давно издохшей восьминогой твари, обожавшей закусывать молоденькими девственницами и вечно толкавшей своих последователей на всякие глупости?

...Спустя колокол Ши уже знал, что таинственную девицу Ней на самом деле зовут Нейрзой Сейдан. Ее семейство считалось весьма богатым и вдобавок несколько поколений назад обзавелось дворянскими грамотами аж из самой Немедии. Заглянувший на огонек десятник уличной стражи назвал молодую Сейдан «взбалмошной девчонкой». Еще кто-то по секрету сообщил, будто Нейрзу частенько замечали в обществе не обремененных умом юнцов из числа тех, что вечно суют свой нос, куда не надо. Прошлой луной они, скажем, забрались в пустующий особняк, где, по слухам, обитают призраки, зарезали там ягненка и пытались над ним читать заклятья. А под весеннее равноденствие Сыскная Когорта прихватила развеселую компанию в заброшенном храме Шеблы-Исторгателя Душ – они рисовали на полу пентакли, жгли черные свечи и занимались тому подобной колдовской чепухой. Скандал был – страшно вспомнить! Едва замяли, только виновных это, похоже, ничему не научило. Доиграются они когда-нибудь, вызовут и в самом деле какое чудовище. Этих-то глупцов не жаль, пускай их демоны на кусочки разорвут за глупость их немереную, но прочие-то горожане за что должны страдать?

Ши с готовностью согласился с рассказчиком в том, что по таким доморощенным чародеям давно Алронг плачет, и приготовился слушать дальше. Однако хозяин заведения многозначительно заметил, что всяким проходимцам, хоть они честно платят за выпитое и съеденное, тут не рады. Околачивался здесь на днях один, все разглагольствовал, какие у него важные знакомцы, а у самого вид такой, будто из помойной ямы недавно вылез. Не зайди он однажды в «Погребок» вместе с барышней Сейдан, вышвырнули бы за дверь без всякой жалости. А так – мало ли что... С Сейданами ссориться себе дороже. Охота молодой Нейрзе якшаться со всякими проходимцами – ее дело. Вот прознает ее папаша про дочкины похождения, выйдет ей тогда боком и ворожба в старом капище, и знакомства, какие не следует...

Уловив намек, Ши поскучнел и незаметно шмыгнул за дверь негостеприимной таверны. Последнее, что ему удалось вызнать – что компания колдунов-неудачников почти каждую седмицу собирается на вилле «Альнера», каковая находится на Серебряной аллее, третий

дом по левую руку.

Про богатеньких юнцов, самоуверенно воображающих себя колдунами, Ши доводилось слышать уже не раз. Подобные компании возникали, как поганки в сыром погребе. Их adeptы были завсегдатаями в лавках Ишлаза, за большие деньги без разбора скучая все, что подсовывали продавцы – и состряпанную в Ночной Пустоши подделку, и подлинный магический амулет времен Кхарийской империи. Их разгоняли, они собирались вновь. Но какая, спрашивается, связь между сообществом неумелых магиков, шайкой из квартала «Нарикано» и похождениями Джая Проныры? Или он и в самом деле купился на посулы этой девицы Ней, напрочь забыв своих верных приятелей по «Уютной норе»? Ладно, пусть Хисс ломает голову над тем, что к чему привешено – он в таких штуках разбирается.

Впрочем, Ши и сам теперь прекрасно понимал, что произошло в «Норе». Проныра, скорее всего, разболтал своей симпатии о хранившихся в «Норе» сокровищах, та, в свою очередь, навела приятелей, и кто-то из приятелей – эх, не догадался спросить в «Погребке» про огромного туранца! – нанял убийц... Однако воришка старательно прогонял прочь мрачные мысли. А то, думал он, придется признать, что мы представления не имеем, с кемходим рядом. И те, кого мы называем друзьями – никакие не друзья, но распоследние шакалы, выгадывающие только миг, когда бы вцепиться в горло.

И жить тогда как-то не очень хочется.

* * *

В небе мерцала тонкая полоска стареющего месяца, когда Ши добрался до незримой границы кварталов Ламлам и Сахиль, и приостановился, соображая – какой дороги придерживаться, чтобы побыстрее добраться до «Змеи и скорпиона». Хисс и остальные, наверное, уже все ногти сгрязли от нетерпения, ожидая, когда он вернется с новостями. Пожалуй, придется идти через паутину Кривоколенных переулков – они, конечно, темные и извилистые, но уж в этом-то лабиринте юный шемит чувствовал себя как дома, куда лучше, чем на широких прямых улицах негостеприимного Асмака.

Воришка одолел уже полпути, когда ему поневоле пришлось остановиться. Впереди, в пропахшем отбросами и бродячими кошками сумраке, топтались сбившиеся в плотную кучку фигуры. Как назло, в этом месте сплошь тянулись глухие глинобитные заборы, на которые так неудобно карабкаться.

«Именно в таких случаях, – уныло подумал Ши, прикидывая, как бы половчее миновать свару, чтобы не привязались и не втянули в драку, – позарез необходимо иметь рядом кого-нибудь наподобие Мальша. Одного вида его мрачной физиономии хватает, чтобы вокруг сразу воцарилось сущее благочиние».

До возившихся под забором оставалось шагов десять. Ши точно знал, что там происходит. Шайка юнцов потрошил неудачливого прохожего. Бедолаге можно только посочувствовать: зря он сунулся в этот квартал. И он, Ши Шелам, тоже напрасно рассчитывал быстренько просквозить по Кривоколенной улице. Сегодня точно не его день, вернее, не его ночь. Хотя... Ночные стригуны так увлечены своим делом, что вполне могут не обратить на него внимания.

Может, Ши и пошел бы дальше, нимало не задержавшись, если бы не долетевший до его ушей обрывок фразы, произнесенной заплетающимся языком:

— ...м-меня — пинать? Жив-вую легенду — прямо н-ногами? Да я вас с-сейчас...

«Стригуны» — четверка подростков, года на два-три помладше Ши, но уже опасных, как голодные крысы — приглушенно хихикали, лениво уворачиваясь от кулаков пьяной в доску жертвы. Ребята явно развлекались. Тот, что был повыше ростом и покрепче, с замашками вожака, наставительно заметил:

— Живых легенд не бывает. Но это ничего, это поправимо. Ножичком чик — и ты уже того... Слыши, ползучая легенда! Хочешь к Нергалу на постой?

— К Нерг-галу? — пьяно икнули из темноты. — З... зачем? Был нед-давно... скукотища у него... и сам зануда, и вино др-рянь... иди ты сам к нему, и Сет тебе в попутчики...

Компания заржала так, что слышно было, наверное, аж за высокими стенами Чамгана.

— Веселая легенда попалась!

— Прям даже резать жалко, клянусь Белом!

— Ладно, Лис, чего мы возимся? Кончай его, и всего делов...

— И верно, уважаемый, заболтались мы с тобой, — в пальцах вожака по кличке Лис блеснуло узкое лезвие. — Прими же предназначенню тебе кончину со всем смирением и не держи на меня зла, ибо...

В этот волнующий момент Ши почел за благо вмешаться.

— А ну-ка спрячь железку, ишак! — рявкнул он как можно грознее. — Оставьте в покое этого почтенного человека и проваливайте по своим норам, живо!

«Стригуны» обернулись. Их добыча заерзала и с пьяной радостью завопила во весь голос:

— Ши, дружище! К-как ты вов-время! В-вытащи меня отсюда, а т-то я п-постоянно п-падаю... Да еще эти н-недомерки п-пристали...

— Ши? — настороженно переспросил вожак «стригунов», на всякий случай делая крошечный шагок назад. — Ши Ловкач из Нарикано?

— Он самый, — подтвердил Ши, убеждаясь, что его имя все-таки обладает в Городе Воров определенной известностью. Только отпугнет ли эта известность стайку нахальных малолеток, уверенных в своем превосходстве? — А теперь быстро сгиньте с глаз моих. Ну? Я кому сказал, шакалята?

Юнцы переглянулись.

— Лис, да он же один, — сипло сказал один из «стригунов». — И вообще, это наш «барашек».

— Верно, Рахим, — оскалился вожак. — Ловкач, ты вроде мимо шел? Вот и иди себе. А то положим рядом, ясно?

Ши молча пригнулся и сунул руку под рубаху. Конечно, противников четверо против него одного, но какие это бойцы — так, мелюзга. Чтобы он, Ши Ловкач из квартала Нарикано, ходивший вместе с Кодо на «кровавый стык», отступил перед этаким отребьем?! Да ни в жизни!

Бел-Хранитель, успел он подумать, прежде чем двое ближайших прыгнули к нему, — что за молодежь нынче пошла, никакого уважения к старшим! Малыш прав, мир точно клонится к упадку!

Первый же сунувшийся поближе схлопотал кастетом между глаз, отлетел в сторону и как-то сразу потерял интерес к схватке. Другому, купившемуся на обманный выпад, Ши на

редкость удачно заехал коленом промеж ног, а когда противник, скорбно завывая, сложился пополам, от души добавил свинчаткой по затылку. Тот рухнул и предпочел больше не подниматься. Третий – видимо, самый младший – шарахнулся в густую тень да так и исчез из виду, будто провалился.

Все произошло настолько стремительно, что вожак «стригунов» не сразу сообразил: его шайка наголову разгромлена еще до начала собственно драки. Осознав же сие печальное обстоятельство, юнец метнулся к добыче, в очередной раз потерпевшей поражение в борьбе с собственными подгибающимися ногами – и сгреб пьяного за волосы, закидывая ему голову назад.

– Уйди, не то прирежу его! – визгливо завопил он, размахивая коротким зазубренным клинком в опасной близости от горла жертвы. – Прирежу, слышишь?

– Слышу, Лис, – буркнул в ответ Ши, не двигаясь с места. – А ты хорошо подумал? Смотри, мы с тобой одними дорожками ходим, как бы еще не повстречаться...

Юнец в ответ только крепче стиснул нож и тряхнул едва держащуюся на ногах «жертву».

Неизвестно, чем бы разрешилась драма в темном переулке, если бы не вмешательство некоей третьей стороны. Нечто живое, длинное, темное и проворное, как капля ртути, выскользнуло из-за пазухи «живой легенды» и, яростно вереща, вцепилось Лису в физиономию. Лис завопил, завертелся, бросил нож и принял обеими руками отдирать намертво впившуюся загадочную тварь – однако тварь, кем бы она ни была, похоже, отдиралась только вместе с кожей.

Чудом избежавший смерти заложник без сил повалился наземь, притом пьяно хохоча. Ши осталбенело таращился на вопящего и приплясывающего от боли «стригуна» – и конец безобразиям положила внезапно наполнившая проулок жуткая, тошнотворная вонь с отчетливым привкусом мускуса, ибо боевитая зверюшка оказалась самым натуральным, донельзя раздраженным хорьком.

Кашляя, чихая и проклиная все на свете, облитый с ног до головы смердящей жидкостью предводитель «стригунов» наконец оторвал от себя четверолапого противника, швырнул его подальше и бросился наутек. За ним хромал один из малолетних грабителей, второй, всеми забытый, так и остался валяться под забором. Судя доносящимся оттуда звукам, его обильно тошило. Ши вовремя успел закрыть нос и рот рукавом, но глаза все равно щипало.

Хорек-победитель, немного поскакав с гордо задраным хвостом по переулку и возмущенно стрекоча, вперевалочку подбежал к Ши Шеламу, терпеливо ожидавшему, когда же гнусный запах хоть немного развеется. Обнюхав штаны и сапоги человека, зверек счел его дружественно настроенным – подпрыгнул, вцепился в штанину, и не успел Ши опомниться, как животное уже топталось у него на плече, царапаясь и фыркая прямо в ухо.

– Вздумаешь пустить вонь – утоплю в ближайшем колодце, – честно предупредил воришко. – Куда там подевался твой хозяин? Эй, легендарный! Где ты есть?

– Да тут я, никуда не делся, – недовольно проворчали из озерца теней под забором. Голос теперь звучал более внятно и разборчиво, хотя по-прежнему выговаривал слова с изрядным затруднением.

Ши подошел ближе, сверху вниз глядя на спасенную им жертву грабителей и про себя благодаря милосердную ночную тьму. Не очень-то хотелось ему видеть во всех подробностях это душераздирающее зрелище – сидевшую на корточках красу и гордость Шадизара, Аластора Кайлиени, неотличимого от сорвавшегося в многодневный загул пропойцы. Даже сумерки не могли скрыть всей неприглядности нынешнего облика былого красавчика Альса,

пьяного, порядком избитого, безоружного и обряженного в какие-то жалкие остатки некогда дорогой одежды. Роскошная смоляная шевелюра свалилась от грязи в неопрятные колтуны.

— Пошли уж, горе мое, — Ши вздохнул и протянул Альсу руку, помогая встать на ноги и прикидывая, сможет ли тот доковылять до порога «Змеи и скорпиона». Сил ломать голову над загадкой, почему Дурной Глаз вовсе не на Полуденном Побережье и как он всего за пару седмиц скатился в самые низы шадизарской жизни, у Ши Шелама не было. Очухается — сам расскажет. И хорек этот паршивый еще мечется под ногами...

— Хвост отдавлю! Уйди с дороги, поганец!

— Это Диззи, — невнятно булькнул Аластор.

— Да хоть Великий Дракон Познания! А ну, брысь!..

Глава третья

Хорошо быть деревом...

— А вот и мы! — влетевший с залитой солнечным светом улицы в сумеречный и прохладный зал таверны Хисс приостановился, выжидая, пока исчезнут плававшие перед глазами радужные разводы. — Как дела, красавица?

— Лучше некуда, — в голосе Диери отчетливо звучало раздражение. — «Меня убьют на войне» уже было, «Падение Аграбы» и «Шестой легион» — тоже. Могу поспорить, сейчас он затянет «Серый ветер» и пойдет по второму кругу. У меня уже в голове звенит.

Вошедший следом за Хиссом Малыш, безошибочно уловив дурное настроение своей подружки, проскочил между столами и отправился утешать дувшуюся на весь белый свет девицу. Причина недовольства у Диери имелась, и весьма серьезная. Ей совершенно не хотелось быть нянькой при Альсе Кайлиени, а покидать того в одиночестве, как уже убедилась компания, никак не следовало.

В первый же день оставшийся без надзора Аластор напился — причем в долг на средства своих приятелей — и затеял ссору с зашедшими в «Змею и скорпион» гуртовщиками. Ссора быстро перешла во всеобщую драку и завершилась только с появлением вызванного патруля городской стражи. Альса, виновника случившегося, не забрали по единственной уважительной причине: он валялся в углу без сознания.

От стражников с трудом удалось откупиться. К вечеру Альс оклемался, единым духом осушил кружку забористого двергского эля — и безобразие немедленно повторилось: он прицепился к местному «смотрящему» с дружками.

Без смертоубийств обошлось только потому, что кто-то признал Дурного Глаза и остановил грозившую вот-вот начаться свару. Общими усилиями ругавшегося на чем свет стоит Альса утащили наверх, в жилые комнаты. Мрачный «смотрящий» заявил пришедшему извиняться Хиссу, что он, конечно, все понимает и даже отчасти сочувствует, но подобную выходку терпит первый и последний раз.

К нему присоединился и почтенный Ионте, хозяин «Змеи»: мол, еще одна драка в его заведении, и катитесь-ка вы, господа хорошие, искать себе другое жилье. Либо отведите своего невменяемого дружка туда, где ему самое место — в Приют скорбных рассудком.

Попытка убедить Аластора вести себя потише ни к чему не привела: он желал пить и драться, все остальное его не касалось. У Хисса появилось подозрение, что Альс не очень-то твердо осознает, кто с ним разговаривает и где он находится.

Выход нашла Лиа, предложив чем-нибудь отвлечь Аластора. Например, добыть для него виолу взамен прежней, сгоревшей вместе с «Норой». Хисс лично пробежался по лавкам Ишлаза, отыскав вполне пристойный по качеству работы инструмент и всучив его Альсу, как ребенку — новую игрушку.

Уловка подействовала. Количество опустошенных Альсом бутылей и кувшинов несколько уменьшилось. Зато теперь он впал в черную меланхолию. День и ночь напролет сидел где-нибудь в углу и бренчал на виоле, подпевая вполголоса. Сперва эта идея казалась даже выгодной, благо Аластор Кайлиени обладал прекрасным слухом и приятным голосом, и послушать его собирались посетители; однако вскоре выяснилось, что Дурной Глаз исполняет исключительно мрачные песни, воспевающие кабаки, тоску и уныние, причем раз за разом один и тот же набор. От этих песен даже у много на своем веку повидавшего

кабатчика разболелся зуб.

...Новости, принесенные Ши из Асмака, не стали для компании совершенным потрясением, хотя надолго повергли всех в удрученное молчание, прерываемое скорбными восклицаниями: «Как он мог так поступить?». Наконец Хисс стукнул кулаком по столу и постановил: Джая Сигтдима считать подлой канавной крысой и имя его более не упоминать.

Его поддержал Конан, и на том деяния покойного Джейвара по кличке Проныра не обсуждались. Сделанного не воротишь, Нергал ему судья.

Хисс, кроме того, предлагал вот что. Предположим, Джай в самом деле разболтал своей приятельнице Ней о собрании таинственных вещиц в «Норе». То ли впечатление произвести хотел, то ли еще по какой причине – Сет его ведает, однако Нейрза Сейдан и ее странные дружки, именующие себя Ищущими Истину, до крайности этими вещами заинтересовались. Должно быть, предположения Ши верны и «Искатели Истины» – очередная компания безмозглых юнцов, вообразивших себя колдунами.

– Мозгов у них, может, и нет, зато денег – завались, – продолжал рассуждать Хисс. Остальные, исключая Альса, но включая хорька по кличке Диззи, ставшего любимчиком девиц, внимали. – Об этом мы точно знаем от Зуада Шептуна, чтоб ему на том свете демоны все кости переломали. Зуад и его шайка пошли в услужение к типу, которого они назвали Туранским Верзилой. Этот Верзила забрал добычу – нашу добычу! – после чего превратился в дым и растворился в воздухе. Но теперь я более чем уверен: он удалился в направлении Асмака и скрылся за воротами поместья... Как бишь оно называется, Ши?

– «Альнера», – подсказал воришка. – Я сходил, поглядел, что оно из себя представляет. Большой дом в два этажа в глубине сада, за ним – куча служб. Высокий забор с шипами поверху, зато охрана туповатая – торчит у главного въезда и даже, кажется, обходов не совершают. Собак вроде нету. Если б мне предложили рискнуть и пошарить по тамошним кладовым, я бы согласился. Хотя кто его знает, что там в самом особняке. Может, у них ручные пардусы по лестницам разгуливают. Альса бы туда пустить, перед ним двери и замки сами распахиваются... Да толку от него сейчас – что с козла молока.

– Угу, – промычал Змеиный Язык, покосившись на скорбную фигуру Кайлиени. – И даже меньше.

– Значит, придется самим, – подвел итог Конан и задумчиво добавил: – Вот бы заодно изловить этого туранца с его прихвостнями...

– Спятил? – постучал себя по голове Хисс. – Вспомни, что в «Норе» творилось. Уж на что покойный Ар-Гийяд был умельцем с мечом вытанцовывать... Не-ет, я бы предпочел вернуть украденное и проучить задавак из Асмака, которые думают, будто с их деньгами им все позволено.

– И в чем-то они совершенно правы, – вполголоса буркнула Диери.

Осуществлению плана мешало одно важное обстоятельство. Сборища «Искателей Истины» на вилле «Альнера», если верить сплетням обывателей Асмака, происходили довольно редко – раз в две-три седмицы. В последнее же время колдуны – а в Обществе их насчитывалось около двух десятков, мужского и женского полу – безвылазно засели в своем убежище, почти каждую ночь проводя какие-то ритуалы. Потерявшие страх горе-чародеи разошлись до того, что последствия их магических забав были видны невооруженным глазом – над крышей поместья вставало колеблющееся радужное зарево, из недр коего высвечивались страшные хари, звучали потусторонние голоса, а кое-кто из слуг, работавших в «Альнере», собирался на днях просить расчета.

В общем, не самое подходящее время для налета – как считали Хисс, Ши и Диери. Конан, напротив, полагал, что действовать в подобной суматохе как раз лучше всего. К общему мнению компания пока не пришла, а спрашивать совета у Аластора, как уже говорилось, не имело смысла. Решение же требовалось принять поскорее.

Если бы хоть каплю определенности! Хоть какое-то подтверждение тому, что пропавшие из «Уютной норы» сокровища там, в поместье «Альнера»! Тогда можно было бы рискнуть и обратиться с просьбой о помощи Кодо, пообещав отдать вожаку Нарикано ту же алмазную корону. Все равно она стоит больше всего Шадизара, вместе взятого, и продать ее невозможно. Разве что выковырять камни и отвезти в Турен, где наверняка отыщутся люди, готовые дать хорошую цену за пригоршню алмазов и рубинов...

В размышлении ворвался раскатистый струнный аккорд. Головы посетителей, как по команде, повернулись в угол, где сидел Аластор Кайлиени в обнимку со свежекупленной виолой.

...Когда милые друзья закончат пить мою кровь;
Когда будущую жизнь начнет считать Творец —
Я скажу: возьми обратно человечью плоть,
Я хочу быть просто деревом на вольном ветру...

– Великие Небеса! – обреченно закатил глаза Ши, прислушавшись. – Опять «Посмертная деревянная»! Может, не надо было мне его спасать? Право слово, наша нынешняя жизнь была бы куда веселее...

Удивительное дело, но никакое количество выпитого было не в силах заставить Альса сбиться в словах своих или чужих баллад, или запутаться в шести струнах виолы. Разве что голос изменился к худшему, словно на звонком серебряном колокольце пролегла трещина.

...Хорошо быть деревом на вольном ветру,
Что за жизнь начнется, когда я умру!..

Если стану я сосною на большом лугу —
Будут белки кувыркаться подо мною в снегу,
Буду слушать пенье птиц, подставляя им лоб,
А из белой древесины выйдет праздничный гроб...

– Если он родится деревом на вольном ветру, то-то будет работенки моему топору, – довольно громко пробурчал Ши, удостоившись укоризненного взгляда Конана.

– У человека горе, между прочим, – сказал киммериец. – А мы глумимся. Вот в наших краях есть легенда про скальда, чью возлюбленную убил ревнивый муж. Двенадцать дней провел безутешный бард на ее могиле, сочиняя скелы, одна печальнее другой...

– ...И путники с тех пор обходят стороной то место, называя его Ущельем Воющих Скал, – в тон ему закончил Ши.

Конан сплюнул и потянулся за новым кувшином.

...Ну а если стройным тисом окажусь я вдруг,

Из ветвей моих точеных выйдет гибкий лук,
И прекраснейшая плаха выйдет из ствола,
И хорошая оглобля для боков вола...

— Ученые мужи составили описания трехсот сорока восьми разновидностей деревьев, произрастающих на просторах Закатных и Восходных земель, — ясным голосом поведал Хисс, стеклянно уставясь перед собой. — Он как, собирается спеть обо всех?!

К счастью для присутствующих, Альс ограничился несколькими куплетами, всякий раз находя убедительные доказательства тому, что растительная жизнь гораздо лучше человеческой, и завершил песню выводом:

Хорошо родиться деревом врагам назло,
Жизнь окончить в виде дров и подарить тепло,
Жизнь людская бесполезна, мне она не по нутру —
Я хочу стать просто деревом, когда умру!..

— Еще пару дней такого завывания, и я тоже захочу стать деревом, — пробормотал Ши. — Слушайте, надо срочно что-то делать! Он так допоется до того, что свихнется прямо у нас на глазах!

...У дома моего безумья круглые ступени
И неоправданно высокий потолок.
Я прихожу туда не сразу, постепенно,
Перебираясь через вытертый порог.
У моего безумья легкие шаги,
Она подходит невесомо, как танцует,
И встав на цыпочки, в глаза меня целует,
И я уже не вижу более ни зги.
И я иду туда, где ты...

— с готовностью подтвердил Аластор, неведомо как за общим шумом рассыпав слова Ши. Воришка только руками развел:

— Видите? Вот оно, начинается.

* * *

...Может, при ином сочетании звезд события покатились бы по другой колее, и многое из того, что случилось впоследствии, не произошло. Людям редко удается понять, отчего их жизнь складывается именно так, как она сложилась, и какие крохотные мелочи порой разрушают самые тщательно составленные планы.

Возможно, будь у Аластора более скверное настроение или пой он чуть потише, горбившийся в дальнем углу человек остался бы сидеть на своем месте. И, не отлучись Ильха Нираель по неотложной надобности, история мира развивалась бы совсем в ином направлении.

Но Ильхи не оказалось рядом, ее загадочный подопечный невозбранно встал, пересек таверну, присел на скамью напротив Аластора и нерешительным жестом попросил: «Дай сыграть».

С десяток ударов сердца Альс, вопросительно склонив голову набок, разглядывал возникшее перед ним явление. Хисс уже хотел вмешаться и ради его же блага отогнать молчаливого Одноглазого, но тут Аластор решился. Погладил изогнутый бок виолы, отсвечивающий красноватым лаком, и протянул инструмент незнакомцу. Тот вцепился обеими руками, как умирающий с голоду – в случайно перепавший кусок мяса.

– Он же немой, зачем ему виола? – недоуменно поинтересовалась Диери.

– Да нет, говорить он умеет. Еще как умеет. Мы своими ушами слышали, – вполголоса растолковал подружке Малыш. – Только почему-то не хочет. Или не может. Но вот петь...

Тем временем Одноглазый покрутил инструмент так и эдак, подергал за свитые из воловых жил струны, прислушиваясь к извлекаемым звукам. Поерзал на скамье, устраиваясь поудобнее.

И, к безмерному удивлению таращившейся компании и редких в этот полуденный час посетителей таверны, уверенно вывел мелодию – сперва дополняя ее неразборчивым мычанием, а затем и членораздельными словами. По сравнению с громоподобными раскатами, что остановили драку на Плеще, голос его теперь звучал довольно тихо, но внятно и, пожалуй, завораживающе. Спетой им баллады Хиссу – да и не только ему – слышать прежде не доводилось. Вдобавок у рыжего мошенника возникло стойкое ощущение, что певец не слишком уверенно владеет собственным языком – как человек, вынужденный долгое время хранить молчание. Иногда он запинался, сбиваясь с такта и пропуская слова, словно забыв их и не в силах теперь вспомнить разом.

...Вечен ли ветра пронзительный вой,
Бесконечен неба стремительный бег,
Мрачен лес в ожиданье дождя
Холодною зимой...

Воин – не воин и ворон его
Думают об одном:
Ах, вот и кто меня сможет обогреть,
Ах, вот и кто приготовит ложе,
Где те двери, что открыты для меня,
Кто ждет меня за ними, кто же?..

Аластор недоверчиво уставился на странного певца.

– А если вот так? – пробурчал он себе под нос и отобрал у Одноглазого виолу.

...Слышишь крик воронья в почернелом лесу?

То невеста моя наточила косу;
Битых птиц на песке – росчерк в алой крови:
То невеста в тоске пишет мне о любви;
А шальная стрела у виска пропоет —
То невеста меня на свидание ждет...

В зрачке единственного глаза сидевшего напротив Аластора человека на миг вспыхнула и погасла яркая искорка. Теперь уже он нетерпеливо потянул к себе инструмент, когда песня закончилась – и слушатели невольно поежились от мрачной силы, влитой в простые слова незнакомой песни.

...Вертится, крутится мельница,
Стало быть, все перемелется.
Ветер промчится над берегом,
Дверь затворится за недругом,
Сталь оперения ястреба
Вспыхнет в закатных лучах...

Сложенную невесть когда и кем «Мельницу» в Шадизаре знали многие, и потому с удовольствием подтягивали. Но едва закончил Аластор – вступил Одноглазый, и снова в обеденной зале ощутимо повеяло холодом.

...Много смелых на страже уходили во тьму,
Те, о ком не расскажешь, не споешь никому —
За поверженной ратью всталая новая рать,
Мы учились не плакать, не умея терять.

Мы все ближе к заветным золотым берегам,
К маякам из легенды, что светят векам,
Глухо топчут копыта пепел, угли, золу,
Наша цель позабыта и пылится в углу.

...Зачерпни, как шеломом, ветра времени вой,
Валом пены и громом подступает прибой.
Перекресток последний на дороге распят,
Чайки стонут над бездной и кони храпят...

Хисс поймал себя на том, что стучит по столешнице кружкой в такт мерному, словно удары сердца, увлекающему за собой ритму очередной баллады, и обнаружил, что не одинок в этом. Еще недавно уныло пустовавшую таверну заполняли неизвестно откуда взявшиеся посетители, столы, скамьи и табуреты жались к стенам, освобождая круг, заключивший в себе двух человек. Доброхоты снабдили Одноглазого другой виолой, так что теперь ему и Аластору не требовалось обмениваться инструментом.

Мелодии непрерывно следовали одна за другой, сплетаясь нитями в основе драгоценного ковра или слоями стали в лезвии будущего меча. Песни спорили между собой, спрашивали и отвечали, возражали и соглашались...

— Эге, да это ж муалатт, чтоб мне провалиться, — врезался в крохотную паузу голос Ши. — Как их разобрало, однако... Теперь ведь не остановятся, пока один другого не перепоет.

— А, знаю. По-нашему это зовется айстефорд, — понимающе кивнул сидевший рядом Конан. — Состязание бардов.

— У вас что, тоже такое бывает? — не поверил услышанному воришка. — Вы как, тягаетесь, кто зарычит громче медведя?

— Много ты понимаешь, — оскорбился за свою далекую родину Малыш. — И вообще, заткнись. Не мешай.

Ши не сразу нашелся с ответом, вдобавок его ткнули кулаком в спину, настойчиво посоветовав держать язык за зубами. Большой обеденный зал «Змеи и скорпиона» уже не вмешал всех желающих послушать, люди стояли в открытых настежь дверях и у распахнутых маленьких узких окон. Хиссу еще никогда не доводилось видеть, чтобы выступление певцов собирало столько зрителей — ни в Шадизаре, ни дома, в Бельверусе. Должно быть, сюда сбежалось население всех окрестных домов — и шумная, голосистая орава опасается вздохнуть лишний раз, чтобы не упустить ни единого словечка.

Змеиный Язык всегда считал, что не отличается особенно богатым воображением, но на какое-то мгновение ритм очередной песни подхватил его, закачал и вышвырнул из привычной реальности. Всего на миг, не больше — этого хватило, чтобы увидеть с поразительной ясностью...

...стол — или алтарь? — накрытый отрезом дорогого темного бархата; длинный меч голубоватой стали, перечеркнувший наискосок бархатную черноту; и падающие невесть откуда золотые монеты. Тяжелые, отливающие масляным блеском золота высшей пробы. Иногда монеты ударяются о широкое лезвие. Тогда раздается тихий звон.

Потом удивительное наваждение развеялось, и Хисс понял, что слышит не звон — скрип. Еле различимый такой скрип медленно ломающегося дерева.

По какому-то наитию Хисс поднял глаза вверх — и не поверил увиденному.

По толстенной закопченной балке, поддерживающей потолок таверны как раз над головами увлеченных поединком певцов, змеилась дюжина трещин. Балка уже выгнулась по меньшей мере на два пальца, и из разлома выпархивали крохотные светящиеся огоньки вроде светляков или последних искр гаснущего костра. Парящих в воздухе искорок становилось все больше, они сбивались в разноцветное облачко, и никто не обращал внимания на творившиеся под потолком непонятные чудеса.

«Музыка — тоже магия, — всплыло прочитанное когда-то, — только как бы эта балка со всей дури не рухнула нам на головы...»

Хисс протолкался ближе к Малышу — подросток-варвар уже не раз показывал себя на редкость здравомыслящим созданием — затеребил его за рукав, а когда Конан удивленно повернулся, настойчиво ткнул пальцем в потолок. Малыш рассеянно глянул вверх — и недоумение на его лице сменилось сначала пониманием, а потом отчаянием. Они не могли ничего поделать — ни остановить поединок, ни выгнать из таверны собравшихся людей. Музыка заворожила сбежавшихся поглазеть и послушать, и теперь никакая сила не сдвинула бы их с места. Даже когда Малыш попытался толчками направить ближайших соседей к двери, те только отмахивались.

А пел теперь один Одноглазый Хасти, и голос его удивительным образом звучал гораздо мощнее, чем положено звучать обычному человеческому голосу – вряд ли, конечно, песню слышали в соседнем квартале, но далеко за пределами таверны наверняка. И какая это была песня!

Аластор Кайлиени, отложив в сторонку виолу, лишь изумленно взирал на соперника.

...Унесенные ветром или смытые дождем,
Обращенные пеплом, все равно сюда приедем.
Не сдержать нас цепям и стенам не остановить,
Что вода нам, что пламя – не залить, не запалить!

Презирай законы, шли —
Под зеленое знамя любви.

...Легче пепла, прозрачней, чем глаза твоих детей,
Из окошек чердачных – стаи серых лебедей,
Ты проснешься однажды под навязчивый мотив,
Захлебнешься от жажды, тяжесть крыльев ощущив.

Плещет по небу – только лови —
Зеленое знамя любви.

...За распахнутой дверью – лишь холмы да небеса,
Лебединые перья, золотые голоса.
Оттолкнись от порога, искры брызнули из глаз:
Бесконечна дорога, ты теперь один из нас.

Ты любовь за собой позови
Под зеленое знамя любви.

...Наши крылья, и губы, и бессонные глаза —
Их навеки полюбит не вернувшийся назад.
Дальний путь к светлой цели, что по имени зовем,
Для которой не пели и когда еще споем...

Светящиеся искры разбегались по соседним балкам и потолку, оставляя за собой веер растущих угловатых трещин, сочащихся деревянным крошевом и известковой пылью. Часть огоньков зависла в воздухе, обратившись сверкающей паутиной в каплях недавнего дождя и просторным шатром окутывая стол и двоих певцов, не замечавших ничего вокруг себя. Вот теперь паутинный купол, похоже, увидел не только Хисс – среди зрителей послышались удивленные возгласы. Кто-то ткнул пальцем в творящееся диво, кто-то выругался и, сумев избавиться от таинственного оцепенения, начал пропихиваться к выходу. Одновременно некая сила, похожая на порыв холодного ветра, мягко и настойчиво толкнула стоявших ближе всех, вынудив отступить на шаг назад и тем самым потеснить прочих слушателей,

заполнивших таверну.

Пустое пространство вокруг стола сделалось шире... еще немного шире... достигло уже шагов пяти или шести в поперечнике... и тут окончательно переломившаяся балка с грохотом ухнула вниз, а за ней последовала часть потолочных перекрытий.

В образовавшуюся дыру пролился дождь ломающихся черепиц вперемешку с расколотыми досками и давно прогнившей дранкой. На десяток ударов сердца все заволокло густым облаком медленно садящейся белесой пыли, из глубины которого продолжала звучать музыка – обломки благополучно соскользнули по выпуклым бокам мерцающего купола и разлетелись по полу, задев оказавшихся поблизости. Из обширного отверстия с рваными краями хлынул столб ослепительно яркого солнечного света, затопившего таверну и оборвавшего мелодию на пронзительно-высокой ноте.

В полной тишине Аластор Кайлиени, известный добром половине Шадизара как Дурной Глаз, отложил виолу, поглядел наверх, ослепленно сморгнул и вдруг начал хохотать, раскачиваясь взад и вперед.

– Сдаюсь! – с огромным трудом выдавил между волнами накатывавшего веселья. – Эй, люди! Будьте свидетелями и расскажите соседям – сегодня... кстати, а какой сегодня день? – сегодня Альс Кайлиени признал себя побежденным в искусстве песнопения! И по этому поводу он желает...

Что желал сказать или сделать Аластор, осталось неизвестным. К окаменевшему за стойкой почтенному Ионте, владельцу «Змеи и скорпиона», вернулся дар речи, прорвавшийся скорбным воплем:

– Мерзавцы! Погубители! Колдуны клятые! Чтоб у вас руки отсохли, чтоб языки у вас отнялись на веки вечные! Смерти вы моей желаете, разорители!

– Чем недоволен этот добрый человек? – Одноглазый так и не расстался с одолженной виолой, прижимая ее к себе, как величайшую драгоценность мира. Выражение лица у него было растерянное и счастливо-балдевшее, чего не могла скрыть даже искалеченная и неподвижная правая половина физиономии. Сейчас можно было поручиться, что Одноглазый немногим старше Аластора, выгляделевшего лет на двадцать пять.

– Тем, что мы слегка и совершенно неумышленно повредили его собственность, – охотно растолковал Дурной Глаз, напрочь игнорируя вопли возмущенного трактирщика. – Ничего, обойдется. Дружище, как к тебе обращаться? Хотелось бы знать, кто в кои веки умудрился взять надо мной верх. У тебя имя-то есть, человече? Я, к примеру, буду Аластор. Альс Кайлиени. А ты кто?

Одноглазый зажмурился, издав ряд мучительных звуков и обеими руками стиснув голову, будто намереваясь выжать из нее ответ, как некогда безвестный митрианский пророк извлек воду из камня. Ему удалось выдавить несколько нечленораздельных слов, которые Аластор понял по-своему:

– Как-как? Астэр? Или... Хасти? Что ж, имечко ничуть не хуже других. А теперь, если у тебя нет иных планов, пойдем-ка из этого негостеприимного mestечка туда, где нам будут рады. Куда подевались мои приятели? – он обернулся к залу. – Хисс! Малыш! Ши! Вы тут? Вылезайте, я вас кое с кем познакомлю!

– Никуда вы не пойдете! – обширное чрево почтенного Ионте загораживало дверь и путь к отступлению. – Шагу за порог не сделаете, пока не возместите все, что натворили! Да тут одного ремонта на полсотни империалов! Расплатитесь по-хорошему, а не то... не то... – трактирщик замялся, изобретая угрозу пострашнее, и таки додумался: – Не то пожалуюсь

досточтимому Кодо, и вот тогда вам точно руки-ноги повыдергают! Обоим!

Из начавшей потихоньку рассеиваться толпы слушателей донеслись возгласы, смысл коих заключался в том, что скопидому Ионте стоило бы самому раскошелиться и заплатить певцам. Кто-то неуверенно предложил скинуться и возместить утраты владельца трактира, после чего скопище людей начало таять с удвоенной быстротой. Альс с разочарованным видом похлопал себя по карманам, скорбно оповестив, что сегодня у него не самый лучший из дней. Наконец-то получивший имя Одноглазый недоуменно косился туда-сюда, не очень понимая, в чем смысл спора. На нем повисла возникшая невесть откуда Ильха Нираель, яростно шепча что-то в ухо и пытаясь увести из зала.

— О волшебная сила искусства! Я даже об заклад биться не стану — Альс очухался, — бодро заявил Ши. — Слушай, Хисс, я не понял — с какого перепугу потолок вдруг начал рушиться? Опять какое-то колдовство? Так Альс вроде не магик...

— Зато его новый приятель, похоже, горазд ворожить, — решил Хисс, соображая, хватит ли в его кошеле золотых, чтобы утихомирить разбушевавшегося месьора Ионте. Полсотни империалов — это трактирщик, конечно, загнул лишку. Хватит с него и двух десятков.

Благое намерение осталось невыполненным. Кто-то опередил Хисса — некий моложавый тип, перемещавшийся с поразительной быстротой, несмотря на выпиравшее брюшко. Тип был облачен в некогда роскошные, а теперь слегка потрепанные одеяния лилового бархата с золотой канителью, сверкал начинающейся лысиной в обрамлении каштановых кудряшек, и мог похвальиться аристократически правильным профилем, свойственным уроженцам Офира. Речь его отличалась такой напористостью и быстротой, что собеседнику было проще уступить и согласиться, нежели возразить. Под градом обрушившихся на него слов почтенный Ионте только открывал и закрывал рот, как вытащенная на берег рыба. Вскоре трактирщик очень тихо удалился обратно за стойку, унося с собой увесистый кожаный мешочек и свои жалобы на судьбу.

Толстяк в лиловом пустынным смерчем двинулся к столу, откуда еще не успели вылезти Аластор и Хасти, оглушая присутствующих новым потоком красноречия. Речь его, украшенная многочисленными и разнообразными восхвалениями, сводилась к тому, что невместно подобным талантам прозябать по завшивленным кабакам, развлекая простецов, не способных по достоинству оценить высокое искусство, в то время как он, Амиль дие Кьеза, в состоянии предложить...

— Почтеннейший Амиль, а покороче можно? — взмолился Альс, ерзавший так, будто под ним разводили костер.

— Можно, — покладисто кивнул дие Кьеза. — Вы мне нужны. Оба. Для устроения представления. Любые хлопоты я беру на себя. Вы только поете и получаете свои честно заработанные золотые. Идет?

— Нет, — Ши Шелам вылез из-за плеча Одноглазого и наградил Амиля дие Кьезу, владельца лицедейской труппы, широченной улыбкой — так, по слухам, улыбаются своей жертве огромные водяные ящеры Черных Королевств. — Они не согласны. Но, может быть, эти одаренные господа передумают — когда мы услышим ваши предложения, обсудим их, увидим заключенный у стряпчего договор и узнаем, где именно им предстоит озарять мир блеском своих способностей. Если на тех давно прогнивших подмостках, что вы гордо именуете «амфитеатром», то говорю сразу — дело не сладится. Чем ваш кособокий шатер лучше этого прекрасного питейного заведения? Ровным счетом ничем. А вот если речь идет... — Ши сделал точно выдержанную паузу.

Все, включая Одноглазого и Аластора, уставились на воришку.

— Скажем, о небольшом выступлении перед цветом здешнего высшего сословия? — подхватил дие Кьеза, мгновенно уловив ход мыслей Ши. — Ограниченнное количество мест, круглая сумма в качестве платы за вход и справедливая доля с общей выручки? Треть, согласны?

Ши сстроил презрительную гримасу.

— Половина! — воззвал глава лицедеев, поднаторевший в искусстве торговли не меньше, чем в умении поражать воображение зрителей. — Никто не предложит больше!

— Дело не в деньгах, — отмахнулся вошедший во вкус Ши Шелам. — Настали времена мыслить шире! Много ли народу вместится в гостиную? Или на площадь перед вашим балаганом? Алмаз не оправляют в дешевую медяшку, и подлинный талант заслуживает большего! Гораздо большего!

— Ши, — придушил зашипел Хисс, — уймись. Не зарывайся. Пусть Альс сам договаривается с этим брюханом, если захочет.

— Он договорится, держи карман шире! — на Ши Шелама снизошло вдохновение, его было не остановить. — Это небесноталантливый умник согласится петь за доброе слово, которое, как известно, в карман не положишь и на хлеб не намажешь!

«Небесноталантливый умник» рухнул на стол, закрыл голову руками и начал безостановочно хихикать, напомнив Хиссу известного городского сумасшедшего по прозвищу Улыба. Одноглазый Хасти покосился на веселившегося Альса со снисходительной благосклонностью, как на непутевого, но любимого младшего братца.

— Какое же вместилище вы считете подобающим? — оторопел дие Кьеза.

— Н-ну... — отступать было некуда, терять — нечего, и Ши выпалил: — Признаться, я думал о чем-то вроде Конного Поля...

— Спятил, — горестно охнул Хисс.

Его не поддержали. Амиль дие Кьеза в глубочайшей задумчивости теребил золотой позумент на рукаве. Переставший хихикать Аластор озадаченно прикусил ноготь, а Диери Эйтола, прятавшаяся за широкой спиной Малыша, вдруг заявила:

— Ши прав, замечательно может получиться! Скачек этой луной все равно нет, Ристалище пустует, стало быть, дохода не приносит. Пообещайте месьору Рабилю часть будущих барышей, и он с удовольствием предоставит вам Поле в найм денька на два-три.

И, к вящему ужасу Змеиного Языка, компания начала увлеченно прикидывать, каким образом из шадизарского поля для конных бегов можно сделать место выступления певцов и где раздобыть средства, достаточные для первоначальной оплаты найма Ристалища.

* * *

Третью седмицу Шевди иль'Харсун, младший помощник домоправителя в имении магика Рилеранса Кофийского, жил в непрекращающемся страхе за свою шкуру. Полученные за наводку сорок восемь империалов обошлись ему слишком дорого, лишив сна, аппетита и уверенности в завтрашнем дне. Шевди уже начинал подумывать о том, чтобы сменить работу, хотя одна мысль о расставании со столь выгодным местом приводила его в глубочайшее

уныние. Три седмицы подряд он призывал все известные ему проклятия на головы неудачливых грабителей, поднявших среди ночи такой таарам в библиотеке – хотя им было настрого велено вести себя тише мыши.

И теперь днем и ночью Шевди трясясь в ожидании – вдруг хозяин, его зловредная и проницательная магичность Рилеранс, узнает, кто именно из его прислуги обеспечил ворам беспрепятственный вход в поместье? На что, спрашивается, он надеялся, польстившись на звонкие монетки? Ведь своими глазами видел, как магик безошибочно вычислил повинного в приписках к счетам или того недоумка, украдкой прибравшего со стола хозяина драгоценный пенал из мореной черешни.

Бежать, бежать отсюда! Прихватить накопленные сбережения и что-нибудь эдакое в качестве прощального подарка – и бежать! Раствориться среди городских переулков, навсегда заречься иметь дело с колдунами!

Колебания гибельны. Это иль'Харсун осознал в тот миг, когда на кухню, где он рьяно торговался с поставщиком мяса, ввалился долговязый желчный Цефат, старшина охранников и громогласно рявкнул:

– К хозяину, бегом!

Как показалось Шевди, рожа у охранника была более злорадной, чем обычно. В прискорбную ночь ограбления Цефат был среди тех, кто отправился узнавать причину загадочного шума в книжном собрании. Воры подкараулили его среди полок и натянули на голову мешок, наполненный «отрыжкой демона» – смесью желтого лотоса, толченого перца и благовоний, мгновенно погружающей человека в царство снов. На следующий день Цефат маялся головной болью, оглушительно чихал и сулился изловить взломщиков, а потом устроить им такую взбучку, что весь Шадизар содрогнется от ужаса. Про себя Шевди посмеивался над угрозами – вряд ли Цефату удастся отыскать пронырливую девицу Линни и ее рыжего дружка. Ищи, как говорится, ветра в поле.

«Да я наверняка я понадобился Рилерансу за ради какого-нибудь пустяка, – тщетно успокаивал себя иль'Харсун, торопясь следом за охранником. – К нему на завтра гости званы, может, он пожелает распорядиться, что на стол подавать будем. Или опять кого на воровстве поймали, а с меня спросят за недосмотр...»

Тщетно. Поселившийся в глубине души страх завывал на все лады: «Попался, попался! Он знает! Все знает! Шкуру сдерет, на обложку для своих книг пустит! В душу залезет, имена вынет, заставит за каждый империал ответ давать! В мертвеца ходячего превратит, живьем на Серые Равнины отправит!»

К тому моменту, когда помощник домоправителя и его сопровождающий дошли до Синей залы, Шевди уже запугал себя картинами предстоящих кар до такой степени, что отчасти перестал бояться. Любое наказание казалось ему лучше тягостной неопределенности.

С такими мыслями он и шагнул в комнату с низким синим потолком, украшенным золотыми каплями звезд и вращающимися на тонких нитях чучелами небывалых зверей. Топтавшийся в клетке черно-зеленый вурх заорал дурным голосом, и Шевди невольно скривился. Пернатого любимца хозяина он ненавидел – после того случая, когда птичка удрала из клетки, пробралась в кухни и сожрала четыре вяленых оленых окорока. Как вурх после такого обжорства не лопнул, оставалось загадкой.

Его милость Рилеранс, закутанный в просторный туранский халат в красно-зеленых полосах, горбился за столом, мрачно созерцая стоявшее точно посреди столешницы медное

блюдо. На блюде красовались два тронутых огнем черепа и россыпь мелких обуглившихся костей. Поверх останков лежала тонкая серебряная сетка, а к макушкам черепов колдун зачем-то приляпал две тоненьких свечки.

Вопль и трепыхание вурха вывели магика из задумчивости, он поднял голову и мельком глянул на вошедшего Шевди, боровшегося с желанием своих зубов начать выстукивать похоронный гимн.

— Иль'Харсун? Ты-то мне и нужен, — небрежно бросил Рилеранс. — Ты ведь местный уроженец? — онемевший Шевди молча кивнул. — Хорошо знаешь город? Прекрасно. У меня есть для тебя одно поручение. Успешно справишься — получишь вознаграждение.

— Да, господин! Как прикажете, господин! Что я должен сделать, господин! — охватившее Шевди несказанное облегчение вырвалось наружу воплями, по громкости вполне сравнимых с криками вурха. Поручение! Милостивые Небеса, Рилеранс всего лишь желает дать ему поручение!

— Мне нужно, чтобы ты кое-что отыскал, — магик щелкнул пальцами, и свечки на изжелта-коричневых маковках черепов послушно затлели розовыми огоньками. — Вернее, кое-кого.

— А? — непонимающе переспросил иль'Харсун и невольно сделал шаг назад.

Поздно. Кофийский колдун совершил некий быстрый, едва уловимый жест, и в тот же миг Шевди ощутил себя мокрой тряпкой, выкручиваемой сильными и безжалостными руками. Как вода покидает влажную ткань, так и Шевди расставался с чем-то, не имеющим названия, но без чего дальнейшее существование было просто невозможным.

Кошмар длился считанные удары сердца, после чего кружившиеся пол и потолок вернулись на свои места, и многострадальный помощник домоправителя с всхлипом перевел дух. Он все еще был жив... кажется. Если не считать странного ощущения легкости во всем теле... и того непостижимого обстоятельства, что на полу вытянулся ничком некто, со спины весьма напоминавший самого Шевди.

— К тому, что меня постоянно обкрадывают, я уже привык, — поделился Рилеранс и, мгновенно перейдя от спокойствия к гневу, рявкнул: — Но вот предателя в своем доме я терпеть не собираюсь! Твое счастье, что тебе представилась возможность делом искупить свою вину.

Шевди хотелось заорать, но язык куда-то делся. Не онемел, а просто исчез. И на мир он смотрел теперь не привычными глазами, но как-то иначе. Цветов вокруг стало гораздо больше, очертания предметов расплывались, окутываясь призрачной дымкой. Вокруг сидевшего напротив Рилеранса плавало целое облако — алое с золотыми и черными проблесками. Это выглядело очень красиво, только Шевди был слишком перепуган, чтобы по достоинству оценить увиденное.

— Так вот, — колдун соединил кончики пальцев перед собой и посмотрел на провинившегося слугу. Вернее, не «на», а «сквозь», словно Шевди превратился в туманное облако или привидение. — Полагаю, теперь у тебя не возникнет желания опять слегка нажиться за мой счет. Если ты еще не понял, ты — призрак. Извлеченный из тела дух. Твоя оболочка останется здесь и будет с нетерпением ожидать твоего возвращения. Ты же отправишься прогуляться по городу. В компании. Кстати, оглянись.

Шевди — или дух Шевди — послушно обернулся. У дальней стены маячили два призрачных, еле различимых силуэта, сотканных из обрывков пепельно-серого дыма.

— Отправляйтесь, — приказал Рилеранс. — Эти двое знают, что нужно искать, но не

знают, где. Следуй за ними, запоминай все, что увидишь. Вернешься и в подробностях поведаешь мне. От того, насколько мне понравится твой рассказ, напрямую зависит, станешь ли ты опять человеком или будешь болтаться между жизнью и смертью. Все понял?

«Понял», — уныло откликнулся Шевди иль'Харсун, в очередной раз повторяя себе: никакие сорок восемь империалов не стоили выпавших на его долю неприятностей.

Призраки повернулись и растаяли. Шевди последовал за ними, испытав удивительное ощущение — словно он распадается на части и по капле просачивается сквозь дерево и камень стены.

Глава четвертая

Вход по приглашениям

— ...«Альнера»? Поместье «Альнера»? А что вам там нужно?

Юнра Тавилау появилась на редкость вовремя — чтобы стать свидетельницей изгнания развеселой компании из «Змеи и скорпиона».

Стихийно возникший между двумя бардами муалатт, или айстефорд, или, по—простому, песенный поединок, послужил одновременно и к добру, и к худу. Безусловно хорошей новостью стала разительная перемена, происшедшая с обоими участниками. Аластор перестал наконец наливаться крепким вином и сделался похож на человека; что же до одноглазого Хести, то сознание его словно бы пробудилось от спячки. Не то чтобы загадочный пришелец стал болтлив, однако теперь с ним, по крайности, можно было вполне связно беседовать — с надеждой на разумный ответ и даже на приемлемую шутку.

К скверным последствиям, естественно, относилась здоровенная дыра, украсившая после «дуэли» черепичную крышу таверны, и целый вал разнообразных слухов, прокатившихся по городу. Горожане единодушно сошлись на том, что в «Змее и скорпионе» спорили два магика. Слух этот в кои веки был недалек от истины; теперь как Альсу, так и Одноглазому приходилось пореже вылезать на публику, ибо вокруг немедленно собиралась небольшая толпа зевак, взирающая на предполагаемых колдунов с опасливыми восхищением. Еще того хуже были постоянные просьбы «спеть что-нибудь». И наконец, несмотря на то, что диковинное происшествие прославило таверну на весь Шадизар, почтенный Ионте напрочь не желал более видеть в своем заведении личностей, от которых не сегодня-завтра жди новой беды. Даже изрядная сумма золотом, врученная в порядке возмещения убытков, отнюдь не смягчила сердце трактирщика.

Заодно с былыми обитателями сгоревшей «Уютной норы» выставили Ильху Нираель вместе с Хести Одноглазым. Девица ужасно расстроилась, ее спутник-подопечный отнесся к случившемуся философично: выгнали и выгнали. Мир полон добрых людей. Наверняка хотя бы парочка из них содержит постоянный двор, так что без крыши над головой не останемся.

Изгнанники как раз выясняли, куда бы им податься. Хисс в очередной раз предлагал пойти в «Рубиновую лозу», поближе к госпоже Клелии Кассиане, его поддерживали Лиа и Диери, мечтавшая пожить с удобствами. Конан и Аластор возражали — каждый по своим причинам. У Ши своего особого мнения не имелось, зато, глазея по сторонам, он первым заметил приближение Юнры. Воришке пришло на ум, что это неспроста: Юнра, почти всю жизнь просидевшая за надежными стенами родительского дома, теперь повадилась разгуливать по городу, сводить знакомства с явно неподходящими ей людьми и скоро сделается по повадкам весьма похожей на Диери. А может, у нее имеется некая причина для частых визитов в город?

Так ничего толком и не решив, Ши поинтересовался у Юнры — не знает ли она чего-нибудь занимательного про поместье «Альнера», что в квартале Асмак? Ну, скажем, что представляют из себя ее владельцы — самому Ши этого так разузнать толком не удалось.

...Из задней двери «Змеи и скорпиона» тем временем принялись вытаскивать сундуки с барахлом Диери. Малыш отправился искать подводу для имущества подружки, остальные засели за уличным столом — ждать и спорить. Теперь, когда Конана не было поблизости, Хисс уже почти убедил остальных, что лучше «Рубиновой лозы» им все равно ничего не

найти. К тому же госпожа Лаурин наверняка согласится оплатить их жилье.

— «Альнера» с самого начала была странным местечком, — вполголоса рассказывала Юнра. — Роскошный дом, прекрасный сад, но... Поговаривали даже, будто над поместьем тяготеет некое проклятье. Вилла сменила нескольких владельцев, со всеми случалось что-нибудь неприятное и неожиданное, как правило, с печальным исходом, потом она долго пустовала, и совсем недавно ее снова купили... Ой! — она внезапно прервалась, растерянно захлопав ресницами.

Как привычно отметил Ши, ресницы были длинные и слегка загибающиеся на кончиках. Не то, чтобы девица ему безумно нравилась, однако есть в ней что-то эдакое... свести близкое знакомство с подобной особой будет весьма и весьма полезно... Дом Тавилау, опять же. Сундуки, набитые золотом, в подвалах...

Мысль ограбить особняк Тавилау пришла, постояла, заманчиво строя глазки, и исчезла.

— Что — «ой»? — воришка пихнул под столом ногой разошедшегося Хисса, чтобы тот заткнулся и послушал.

— Мне как-то сразу не пришло в голову, — извиняющимся тоном сказала Младшая Тавилау, — что тут есть прямая связь...

— Какая связь? — сунулся поближе Аластор, которому уже успели по новой поведать историю двух минувших седмиц. Где это время шлялся он сам — Дурной Глаз так и не признался, заявив, что уезжать на Побережье раздумал, а за все доставленные неприятности ужасно извиняется.

— Вот какая. Переписка между вашим покойным другом и Нейрзой Сейдан, — перечисляя, Юнра загибала пальцы, — и упомянутые в последнем письме Искатели Истины. Я узнала у братца, такое общество действительно есть. Адриеш давно вынашивает мысль об их публичном разоблачении... Пустовавшая «Альнера» зимой минувшего года приобретена неким Теймуразом иль'Ваххаби, пожаловавшим к нам из Аренджуна якобы по торговым делам. Никаких торговых дел сей иль'Ваххаби не ведет, иначе мы бы об этом знали. Зато по его поручению на Ишлазе за любые деньги скупаются старинные диковинки, желательно обладающие магическими свойствами. С начала года в «Альнере» стали охотно привечать Искателей Истины, которые до того собирались где попало и были заурядным сбирающим скучающих аристократов, а тут вдруг их дела резко пошли в гору...

— Госпожа Юнра, а тебе случайно не доводилось сталкиваться с этим любителем древностей, иль'Ваххаби? — Хисс без труда сложил два и два, сделав надлежащие выводы.

— Нет, к сожалению. Говоря по правде, о нем вообще ничего не известно, кроме разве официальных бумаг городской Управы, а в них прочтешь только то, что сам человек считает нужным рассказать. Зато... — Юнра хитро прищурилась, — зато мне известен способ, как попасть в поместье «Альнера».

— Этот способ и нам известен, — буркнул Ши. — Всего-то и делов, забор перескочить. То есть, если госпоже Тавилау известно количество охраны, время обходов или там потайной ход, дело другое...

— Да я не о том говорю! — вскинулась Тавилау-младшая. — Можно прийти туда честно и открыто! Сегодня вечером. В гости. На празднование Последнего новолуния этого лета. Нас приглашали — меня и Адриеша. Я-то идти не собиралась, но теперь...

— Погоди, погоди, — остановил разошедшуюся девицу Хисс. — Ежели мне не изменяет память, твой братец уже не раз сочинял про наши мутные сливки общества всякую порочащую всячину. За что недавно ограбил увесистого нагоняя от его неподкупности, месьора

Рекифеса. В числе прочего звучали обвинения в занятиях черной магией. И что, после таких поклопов твоего братца все равно зовут в гости? Те самые люди, которых он оставил чернокнижниками?

— Ага, — весело подтвердила Юнра. — Это вроде игры. Сумеет он их уличить, или нет?

Змеиный Язык возвел глаза к небу, словно ожидая разъяснения: как мир еще не сошел с ума? Или уже давно сошел, просто никто этого не заметил?

— Приглашают только тебя с братцем или с вами может прийти еще кто-нибудь? — нехорошо оживился Ши Шелам.

— Можно привести с собой кого угодно. Есть только одно непременное условие — приди парой, — растолковала Юнра и, несколько смущившись, добавила: — Я потому и не хожу, что Адриеш постоянно таскает своих приятельниц, а я... — она окончательно сбилась и замолчала.

— Какое замечательное предложение, госпожа Юнра, — без малейшего признака насмешки произнес Аластор. — Ну, кто желает пойти в гости? Нам нужно составить хотя бы две парочки — одна будет отвлекать внимание, другая шнырять по углам и высматривать. Барышня Юнра, вы очень оскорбитесь, если я предложу себя в качестве...

— С какой это радости? — не дал ему договорить Ши. — Чуть что — сразу ты! Сначала хлопает дверями, мол, мне до вас дела нет, сами выкручивайтесь, а теперь опять вперед лезет!

Альс смерил Ши непонятно-удивленным взглядом, точно в первый раз увидел, но спорить, вопреки ожиданиям воришки, не стал, кротко согласившись:

— Хорошо, иди ты. Если дама не возражает, конечно.

— И я! — взмолилась Диери. — Можно, я тоже пойду? Альс, давай я буду твоей парой, а? Я сумею! Правда, сумею!

— Я-то охотно верю, что ты справишься, — подтвердил Дурной Глаз. — Но что скажет Малыш?

— При чем тут Конан? — запальчиво выкрикнула девица. — Я не его собственность! Как к жуткому колдуну, так сразу: «Диери, сходи пожалуйста», а как в Асмак на вечеринку — так обойдешься, да? Вас там под замком не держали! Я так напугалась!

— На какую вечеринку? — за общими разговорами появление подростка-варвара осталось незамеченным. — Диери, куда ты опять собралась?

— В Асмак! — отрезала девица Эйтоля, столь надменно задрав подбородок, точно и впрямь была прирожденной аристократкой. — Выяснять, какая сволочь прибрала к рукам наши сокровища! С Альсом и... и с Ши!

— Хорошее дело, — рассеянно одобрил Малыш. Настроившаяся на долгое выяснение отношений Диери аж опешила. — Вы в эту самую... в «Альнеру» пойдете, что ли? И когда?

— Сегодня, после шестого вечернего колокола, — объяснила Тавилау-младшая и в задумчивости добавила: — Хорошо, две пары гостей у нас есть. Костюмы найдутся. Паланкин я возьму свой. Адриешу лучше с нами не ехать. Язык у него без костей, разболтает первому встречному и все испортит. Осталась еще одна мелочь — сопровождение. Понадобятся такие люди, которые, ожидая нашего возвращения, смогут высмотреть или вызнать что-нибудь полезное. Охранники ведь обычно сидят в пристройке и сплетничают про хозяев или нанимателей...

— Юнра, ты умница, — подольстился Ши Шелам. И тут же внес предложение:

— Пускай Малыш поедет! Чем не охранник! Или этот... новый приятель Альса, который

с одним глазом. От его вида все разбегутся!

– Неплохая мысль, – кивнул Аластор. – Причем не потому, что все разбегутся от одного его вида, а потому, что это... существо наделено магической Силой, и немалой. Возможно, он учуяет в «Альнере» нечто, чего не заметим мы. Что ж, Хасти наверняка согласится. И вид у него, не в обиду тебе, Конан, куда представительнее. Особенно если нам удастся напялить на него какой-нибудь доспех.

– Одолжим запасной у Рейфа, – подсказала Лиа. – У него есть, я точно знаю.

– Берите обоих, – подвел итог Хисс. – Не один, так другой что-нибудь да разнюхает. Опять же, вам будет спокойнее возвращаться. Остается только узнать, этот Одноглазый способен удержать меч в руках или нет?

* * *

Предложение Аластора пойти на прогулку и заодно поучаствовать в небольшой авантюре Хасти принял без долгих раздумий и с явной охотой. Ильха сунулась было его отговаривать, потом скривилась и махнула рукой – делай, мол, что хочешь. За компанию кликнули переселиться и девицу Нираель.

Так они и явились всей оравой в «Рубиновую лозу», лучшую из гостиниц квартала Сахиль и не без оснований претендующую на звание лучшей в городе – сопровождаемые телегой со скарбом Диери, переполошив гостиничную прислугу и удостоившись мимолетного взгляда знатной постоялицы с третьего этажа. Во двор, где шумели новоприбывшие, немедля выпорхнула Эгле, служанка ее милости диа Лаурин – с настоятельной просьбой своей хозяйки, обращенной к одному из пришедших. Альс Кайлиени скривился, но ушел следом за девицей, представив остальным устраиваться.

О чём он толковал с госпожой диа Лаурин, осталось неизвестным. Но беседовали они долго – почти до самого вечера.

После долгих споров и криков компаний отвели в пользование флигель в шесть комнат. Обалдевший от подобной роскоши Ши начал прикидывать, какую пирушку тут можно закатить и сколько друзей пригласить, пока ему не напомнили о необходимости готовиться к грядущему вечеру. Выклянчив у Хисса десяток серебряных талеров, Шелам удрал в набег по лавкам, торговавшим готовой одеждой. Диери с головой скрылась в недрах сундуков, перерывая вороха разноцветных тканей и громко сожалея о скудости своего гардероба. Войти в занятую ей комнату было невозможно – разбросанные наряды занимали кровать, кресла и отчасти пол.

Лиа потащила Хасти и Конана к телохранителям своей госпожи: подбирать доспехи и приводить себя в приличный вид. Хисс отправился с ними, предвкушая любопытное зрелище.

Старший телохранитель Клелии, Рейф – хмуryй блондин-немедиец средних лет и плотного сложения – выслушал переданное Лиа повеление ее светлости оказать любую потребную помощь, угрюмо оглядел с ног до головы двух предъявленных типов и буркнул:

– Счас сообразим чего-нибудь. Идите за мной.

Три комнаты, где обитали телохранители офирики, за луну превратились в маленькие

казармы, вмещавшие в себя оружейный склад, помещение для разминок и тренировок, а также мастерскую по починке и изготовлению снаряжения. Рейф принялся перебирать содержимое шкафов и сундуков, отбрасывая не приглянувшиеся вещи в сторону и недовольно ворча себе под нос.

С Малышом управились быстро, снабдив подходящим по размеру кожаным доспехом ярко-синего цвета в золотых узорах. Затем Рейф отнял у донельзя возмущенного подростка его ненаглядную реликвию – спасенный из горящей «Уютной норы» длинный меч в щербинах и зарубках – настоятельно посоветовав продать сей ржавый хлам старьевщику. Вместо него Конану вручили неплохой клинок зингарской работы. Пропустив мимо ушей заверения Хисса в том, что никаких драк не предвидится, Рейф потребовал от мальчишки показать, как тот умеет обращаться с мечом.

Конан показал.

Немедиец скривился, со всей легионерской прямотой заявив:

- До первого настоящего боя. Хотя толк выйдет. Лет так через десять. Если доживет.
- Толк выйдет, бестолочь останется, – жизнерадостно предположил Змеиный Язык.

Конан глянул на него с выражением, обычно приберегаемым для злейших врагов.

С Хасти дело обстояло труднее. Сначала долго подбирали доспех. Потом Рейф скорбно поинтересовался: владеет ли сей муж хоть каким-нибудь видом оружия, и если да, то каким?

- Он не знает, – дружным хором откликнулись Хисс и Малыш.
- Да ты дай ему что-нибудь, – посоветовал Змеиный Язык. – Тогда и увидим.

Физиономия Хасти опять сделалась виноватой – уж слишком на многие вопросы ему приходилось отвечать растерянным: «Я не знаю». Забвение, плотным серым туманом окутавшее его жизнь до мига появления в молельне на Плешке, до сей поры скрывало кой-какие довольно существенные области его сознания. Хасти не разучился ходить, говорить, соображать, однако о иных своих способностях узнавал по случайности. Змеиный Язык подметил, что успешнее всего Одноглазый постигает секреты своего прошлого, сталкиваясь с предметами или явлениями, с коими когда-то имел дело. Так, угодившая к нему в руки лютня помогла вспомнить умение слагать баллады, а вид бушующей на Плешке драки пробудил искусство сложения и произнесения проповедей...

Рейф вздохнул, прикинул что-то в уме, выбрал на оружейной стойке тяжелый и длинный полуторный клинок и бросил Одноглазому:

– Валяй, попробуй.

Врожденная предусмотрительность заставила Хисса попятиться и укрыться за сложенными в горку седлами, утащив за собой Лиа.

Хасти сцепал небрежно брошенный меч на лету, за рукоять, выхватил прямо в воздухе мгновенным броском ладони. Судя по почти детской растерянности, расплывшейся на лице Одноглазого, его рука и на этот раз сработала куда быстрее разума.

А потом по комнате прошелся стальной вихрь.

Рейф едва успел присесть, так что клинок свистнул над самой его макушкой. Одноглазый прокрутил молниеносную «мельницу», попутно разрубив надвое дубовый табурет, на три стороны света соткал сверкающую паутину диковинных выпадов, свалил в развороте загремевшую оружейную стойку и только тогда опомнился – с крайне сконфуженным выражением на лице. Единственный его глаз, однако, сиял.

– Я помню! – торжествующе воскликнул Хасти. – Я уже держал такое в руках! Когда-то... давно...

— ...едят тебя демоны! Дай сюда, во имя Всемилостивой Иштар! — рявкнул немедиец, отбирая у Одноглазого меч. Из распахнутых дверей потрясенно таращились двое подчиненных Рейфа, привлеченные шумом и грохотом.

— Но ведь умеет же, — завистливо сказал Конан.

— Умеет, умеет, — буркнул Рейф. — С умением таким по городу лучше не ходить... Потом еще раз покажешь, как ты это сделал. А пока погодите с мечами... сейчас...

Он поразмыслил, скребя подбородок, и наставительно поднял палец:

— Ага. Вот мы что ему дадим. Не столь опасно, но внушает...

Рейф вышел в соседнюю комнату и чем-то погремел там. Вернулся он с боевым посохом из темно-коричневого дерева, длиной около трех локтей, с утолщением на одном конце и начищенной бронзовой штуковиной на другом. За время его отсутствия Малыш успел вернуть в прямостоячее положение уроненную стойку, а помогавший ему Хасти прямо-таки с жадностью разглядывал блестящие клинки.

Наученный горьким опытом Одноглазый с посохом был куда осторожнее, да и Рейф на сей раз держался настороже. Посему обошлось без разрушений. Почти.

— Не человек, а ходячее бедствие, — покачал головой Рейф. Хисс и Лиа, рискнувшие вернуться в помещение, оторопело рассматривали произведенный разгром и в особенности — аккуратную круглую дыру в стене, куда под конец пришелся удар окованым торцом посоха. — Где вы его откопали? Может, лучше мне поехать с вами, вместо этого... берсерка-разрушителя?

— Мы подумаем, — вежливо отозвался Хисс. — Спасибо за предложение.

— Ну, дело ваше. Клинок и шест можете оставить себе, но доспехи потом верните. Вам еще что-нибудь нужно?

— Нет, благодарим, — давясь хохотом, откликнулся Хисс, утаскивая наладившегося потолковать об искусстве мечного боя Малыша и осчастливленного неожиданным подарком Хасти.

...К вечеру, когда у ворот «Рубиновой лозы» остановился паланкин Юнры Тавилау, все было готово.

Конан, чрезвычайно гордый важностью доверенной ему миссии, занял место в голове маленькой процесии. Ему и Хасти одолжили лошадей телохранителей ее светлости — не самых лучших, но выглядевших вполне пристойно. Нарочито мрачный Одноглазый ехал сзади, пристроив страховидный посох поперек седла. Ильха раздобыла для него шелковую черную повязку, расшитую серебряной нитью, отчего Хасти неожиданно для всех — и самого себя — приобрел весьма торжественный и угрожающий вид.

Прочие забрались в тесноту паланкина, сладко пахнувшую настойкой лаванды. Альс прихватил четверолапого любимца, подобием мехового украшения разлегшегося на затянутых в алое сукно плечах хозяина. Диери украдкой изучала наряд Тавилау-младшей — шелк бледно-зеленых и песчаных оттенков, золотая шнурочка по рукавам и лифу, вставки из офорских кружев, браслеты из янтаря и такое же ожерелье в три нитки — убеждая себя, что выглядит ничуть не хуже. А может, даже лучше. В конце концов, ее синее бархатное платье с длиннющими узкими рукавами и широкой юбкой скроено по наипоследней аквилонской моде! И аметисты с сапфирами в ее украшениях самые настоящие... пусть не знаменитой шемской, а местной работы. Наследнице богатств Тавилау хорошо — она в состоянии купить себе любое платье и драгоценную безделушку. А каково бедной девушки, живущей только за счет щедрости ее покровителей?

— Кто мы, собственно, будем? — задал вполне здравый вопрос Ши, когда все расселись и паланкин закачался по выбоинам улиц. — Нужно же как-то представиться прочим гостям... Или нет?

— Нужно, — подтвердила Юнра. — Я скажу, что вы — мои знакомые, но у вас должны быть какие-то имена... Наверное, не стоит пользоваться вашими собственными.

— Меня и так узнают, — фыркнула Диери. — Покойный Намир раза два или три приводил меня на подобные сборища. Но там меня называли Деянией. Деянира Эйтоля. Альс, а как называть тебя?

— Эльраим Бар-Ракат, — хмыкнул каким-то своим мыслям Аластор. — Торговля драгоценностями и доля в выручке с четырех процветающих лавок Асгалуна и Мессантии. Что, не верите? Между прочим, чистейшей воды правда. Ши, пойдешь ко мне компаньоном? Кстати, давно хотел спросить, да случая не подворачивалось. Открой тайну, «Ши» — это твое полное имя или сокращение?

— Сокращение, — буркнул воришко. Произносить вслух свое полное имя ему не хотелось — Ши верил, что это отпугнет удачу. — Я буду...

— Шелла, — нежнейшим голоском пропела Диери и захихикала.

В конце концов Ши сделался Теламом ар'Брери, младшим компаньоном достопочтенного Бар-Раката, а поравнявшись с паланкином Малыш свесился с коня и сообщил, что они прибыли.

* * *

Похоже было на то, что досточтимый Эльраим Бар-Ракат с компаньоном и спутницами явились на званый ужин в числе последних. Ухоженный сад и просторный двор «Альнеры» сияли огнями, то и дело в разных концах сада взлетали трескучие шутихи, повсюду слышались музыка, смех и возбужденные голоса. Замотанный распорядитель проводил новых гостей во двор, уставленный длинными столами, полными самых изысканных деликатесов. Здесь пары разделились согласно плану: Ши сгинул в недрах огромного дома, унося с собой хорька по имени Диззи, а Аластор Кайлиени вместе с Диери влились в пеструю гостевую толпу.

— ...Я его больше не вижу, — сообщила Диери, поправляя кружева на воротнике и украдкой оглядываясь. — И Юнра тоже пропала. Она что, за ним улизнула?

— Так ведь вдвоем веселее, — хмыкнул Аластор. Девица Эйтоля неодобрительно поджала губы: по ее мнению, было трудно найти столь неподходящего знакомца для девушки из богатого семейства, как Ши Шелам. Во-первых, у Ши ветер в голове; во-вторых, его может осенить грандиозная идея наладить через Юнру подходы к Дому Тавилау, но, пытаясь выполнить свой план, он непременно попадется.

Впрочем, какой-то частью своего разума она понимала Ши. Как любой шадизарский вор мечтает украсть сфинкса, то есть увести у законного владельца предмет стоимостью не меньше тысячи о菲尔ских талантов, так и всякая уличная девица Шадизара вынашивает замысел разбогатеть и попасть в благородное общество. Примеров таких событий в истории Заморы встречается немало, и Диери не видела причин, отчего бы ей тоже не вписать свое

имя на страницы летописей. Она ведь не только мечтала впустую, но и приложила немало сил: обучилась красиво и правильно говорить, причем на всех принятых в Заморе языках, постигла искусство чтения и письма, овладела умением вести себя в приличном обществе, одеваться, как подобает благородной девице – и даже носить эту одежду столь изящно, словно разгуливала в ней с самого рождения. Оставалась самая малость: не упустить подходящий случай и вырваться наконец из этого мерзкого городишки.

Определенные (хотя вряд ли осуществимые) надежды девицы Эйтоловы касались ее нынешнего спутника. Разумеется, пока была жива Феруза, ни о чем подобном не могло быть и речи – у Диери хватало ума не тянуть руки к чужому добрю. Теперь гадалка Феруза умерла. Это очень печально, но не собирается же Аластор всю оставшуюся жизнь оплакивать потерянную любовь?

Однако время шло, вечеринка была в разгаре, и, к величайшему разочарованию Диери, все ее старания пока не имели успеха: Альс Кайлиени относился к ней лишь как к хорошей приятельнице. Ну и ладно. Вода, как известно, камень точит. Она прикладывала все усилия, чтобы вечер не пропал задаром – улыбалась столь старательно и ослепительно, что скулы сводило, подслушивала чужие разговоры, строила глазки, встревала в куртуазные беседы, заводила знакомства… пока у нее голова не пошла кругом от множества блестящих и пустых фраз, перемежаемых недвусмысленными скабрезными намеками. О магии и колдовстве речи пока не шло, хотя Диери сумела расслышать краем уха упоминания об Искателях Истины.

Она только отошла к столам с угождениями, нацелившись на вычурный пирог с диковинными фруктами, как с террасы долетел переливчатый звон серебряного гонга. Гости устремились на призывный звук, а рядом с девицей Эйтоловой возник ее спутник, заскучавший и разочарованный.

– Они меня утомили, – пожаловался Дурной Глаз, бесцеремонно заимствуя из тарелки Диери кусок пирога, украшенный взбитыми сливками и ягодами винограда. – То расспросы о ценах на звездчатые сапфиры и пикантные сплетни аграпурского двора, то жалобы на одиночество и предложения совершить прогулку в лунном свете. Что самое досадное, цены на драгоценности интересуют женщин, а в миндалевые сады зазывают мужчины! К чему катится мир, а, Диери?

– К упадку, как утверждает Конан, – сочувственно хихикнула девица Эйтолова.

– Кабы не дело, тут можно было бы неплохо поживиться, – Аластор показал Диери пустую ладонь, сжал пальцы в кулак, разжал – на ладони появилась тяжелая золотая брошь с топазом и россыпью крошечных опалов.

– Ну зачем она тебе? – упрекнула девушка. – Верни обратно. Хозяйка расстроится.

– И не подумаю, – фыркнул Дурной Глаз. – К тому же я увел ее не у дамы, а у типа якобы мужского пола, который настойчиво прихватывал меня за задницу и шептал на ухо всякие похабень. Пусть теперь рыдает над утратой. Кстати, что там был за звон?

– Созывали на очередное развлечение, – Диери прикончила свою долю пирога, оглянулась и невоспитанно облизала с пальцев остатки сладкого крема. – Пошли, взглянем? Вдруг будет забавно?

…Загадочное увеселение привлекло внимание всех без исключения гостей усадьбы – Аластор и Диери с трудом пробрались ближе. На террасу вытащили большую ширму белого атласа и водрузили перед ней пару столиков. Между ними стояла облаченная в алый полупрозрачный плащ Нейрза Сейдан, медленно и торжественно совершая руками некие сложные пассы.

Завершающим движением стал быстрый всплеск обеими кистями, и на пустовавших доселе столах возникли полные яств тарелки, кувшины, бокалы, а в качестве украшения – узкогорлая кхитайская ваза с редчайшими черными лотосами. От неожиданности Диери ойкнула – впрочем, вскрикнула не только она одна. Раздались смешки, одобрительные хлопки и щелчки пальцев.

– …И любой желающий может лично убедиться, что сии предметы не иллюзорны, но материальны, вещественны и вполне употребимы по назначению, – из-за ширмы появился смазливый юнец в зеленом камзоле с золотой вышивкой. Диери внезапно пришло в голову, что это и есть владелец давешней топазовой броши. – Прошу, почтеннейшие! Найдется ли тот смельчак, что пригубит бокал этого замечательного мускатного вина, которого всего мгновение тому не существовало в природе? Ну же, смелее!

– Эй, красавчик, – позвал вдруг Аластор. – Мой кубок как раз пуст. Не наполнишь ли его своим удивительным мускатом?

Жеманно улыбаясь, женовидный юноша наполнил чашу золотым мускатным вином и поднес Альсу. Под любопытными взглядами собравшихся Кайлиени отпил глоток и покатал его во рту, дабы лучше расprobовать вкус. Брови его поползли вверх.

– Поистине волшебное вино, – совершенно искренне сообщил он. – И по качеству, и по происхождению.

Незамедлительно вспыхнул спор о достоинствах той или иной лозы, только что сотворенный напиток пошел нарасхват. Мило улыбавшаяся Нейрза и ее приятель извлекли из воздуха еще несколько хрустальных кувшинов, содержимое которых менялось в зависимости от пожеланий гостей. Жидкость, только что бывшая янтарной, становилась прозрачно-зеленою, розовой, густо-алой и под конец даже голубоватой – когда некий искушенный знаток заявил, якобы ничто в мире не может сравниться со стигийской «Спящей змеей» урожая 7685 года со дня Большого Откровения. Получив требуемое, гурман изобразил на физиономии высшую степень экстаза, заявив, что теперь можно и умереть – смысл жизни достигнут.

– И что в нем такого особенного? – спросила Диери. Она таки отважилась отхлебнуть глоток стигийской редкости и едва удержалась, чтобы не сплюнуть. – Ну и кислятина!

– Да в общем-то ничего, – достаточно громко, чтобы услышали стоявшие по соседству, объяснил Аластор. – За исключением единственной малости: его не существует. В указанном году виноградники Стигии в тех немногих областях, где производят сей редкий сорт, были почти полностью уничтожены чудовищной засухой.

– Откуда вы знаете?! – оскорбленно возопил гурман.

– Совершенно случайно нашел в кордовском Морском Архиве подробную запись об этом прискорбном событии, – любезным тоном ответил Альс.

Знаток вин предпочел внезапно заинтересоваться накрытым столом. За его спиной зафыркали и захихикали, передавая рассказ дальше.

– Но все эти полезные и приятные мелочи не идут ни в какое сравнение с тем, что открывается сумевшему постичь самые сокровенные тайны Искусства! – оповестил гостей «Альнеры» молодой человек в зеленом, явно готовя следующий фокус. Диери украдкой поинтересовалась у стоявшей рядом и восхищенно глазевшей на представление парочки именем юнца.

– Киннамон Кадоре, – с презрительной гримасой сказал мужчина.

– Широко известный в узких кругах, – добавила притом девица, а ее спутник злорадно

хмыкнул.

Столики убрали, Нейрза Сейдан принесла серебряный поднос, где горкой лежал всяческий мусор: кусочки угля, орехи, пригоршня виноградных косточек, дешевые медные колечки, сломанный бронзовый ключ и даже огрызки яблок.

– Ни к чему не пригодная ерунда, не правда ли? – риторически вопросил женоподобный месьор Кадоре. – Но последователь Искусства сумеет извлечь пользу даже из такого хлама! Достаточно обратиться к памяти вещи, хранящей воспоминания о том, как она выглядела целой... или же к искусству преобразования, если мы желаем изменить прежние свойства вещи, обратив ее в нечто иное!

Слова немедля подкрепились делом. В руках Киннамона сломанные предметы обретали целостность, яблочный огрызок превратился в спелый плод, а горсть косточек – в кисть пурпурного винограда. Медные колечки, что дверги Чамгана продают по десяток кафаров за связку, обратились тяжелыми золотыми перстнями, а кусочки угля – вставленными в кольца самоцветами. Получившиеся драгоценности тут же раздали присутствующим дамам. Орехи закопали в доставленный прислугой фарфоровый горшок. Спустя десяток ударов сердца из земли проклонулись тонкие веточки. Они начали расти и ветвиться, образовав густой зеленый кустик, подернувшись белой россыпью цветов. Цветы опали, на ветвях заблестели сперва зеленой, а затем и темно-коричневой скорлупой созревшие плоды. Зрители бурно аплодировали.

– Слушай, а оно настоящее? – Диери озадаченно разглядывала доставшееся ей кольцо – широкое, с ярким аметистом чистой воды. Она уже и ногтем его поскребла, и на зуб попробовала, и посмотрела сквозь камень на пламя свечи.

– Настоящее, – заверил Дурной Глаз, также осмотрев перстень. – Если захочешь продать, выручишь не меньше дюжины империалов. И камень хороший, из Шема.

Он вернул кольцо владелице и задумчиво пощелкал в воздухе пальцами:

– Кольцо настоящее. Магия, его сотворившая – нет.

– Это как? – озадачилась Диери. – Сделай одолжение, растолкуй для неразумных!

– Девица и парень – никакие не колдуны, – Альс понизил голос. – Не Посвященные, не ученики волшебников. Они никто. Обычные люди. Как ты, Юнра или Ши Шелам.

– Но ты же сам сказал, что кольцо настоящее! – напомнила девица ЭйтOLA, испытав настоящее разочарование. Она-то понадеялась, что наконец узрела действие подлинной магии. Раз – и уголь превратился в бриллиант! Два – и огрызок снова стал яблоком! – Или ты хочешь сказать, они пробавляются ярмарочными фокусами? Показывают медяшку, а потом подменяют ее золотом? Как же тогда они вырастили деревце из ореха?

– Это меня и настороживает, – протянул Аластор. – Заумные рассуждения и загадочные помавания руками – всего лишь пустое сотрясение воздуха. Но в нужный момент у них появляется Сила... вливается откуда-то со стороны... и у тебя в руках оказывается золотое колечко.

– А мне казалось, маги именно так и колдуют, – растерялась Диери.

– Не тебе одной. Все так думают, – Кайлиени широким жестом обвел двор и очарованных гостей.

На террасе произошли некоторые изменения. Около ширмы поставили несколько низких светильников, и по туго натянутой ткани побежали причудливые тени.

– Ведом ли предел полету взыскающей мысли? – таинственным, подывающим голосом пропела Нейрза Сейдан. – Ученые мужи вопрошают прошлое, ворошат истлевшие

пергаменты в поисках разгадок тайн давно минувших лет, не ведая, что есть гораздо более надежный и верный способ! Взглянем же своими глазами на то, что происходило за сотни веков до нашего рождения!

Киннамон Кадоре с размаху выплеснул на белую материю содержимое большого серебряного кубка.

Розовое вино расплылось причудливым пятном, становившимся все шире и шире, засияло по краям тусклыми переливами синего и изумрудного. Переплетения нитей внезапно исчезли, словно разошлись в стороны полосы тумана, и зрителям предстал вид на лесную опушку ранним утром. Из-за правой нижней кромки окна в неведомое вынырнули четыре всадника, понеслись наискосок, стремясь достигнуть леса. Почти сразу за ними объявилась погоня – два больших отряда, выгибавшихся полукружьями и отсекавших преследуемым путь назад. Беглецы прибавили ходу, безжалостно нахлестывая коней. Они почти добрались до спасительного леса, когда между деревьями замелькали силуэты, поднимавшие непривычно длинные луки с двойным изгибом. Пропели стрелы – Диери отчетливо слышала их тонкий, пронзительный свист. Скакавший первым кубарем полетел со спины лошади, трое уцелевших попытались повернуть, но прожили немногим дольше. Картина начала таять под сухие пояснения Нейрзы:

– Шестьдесят пятый год по основанию королевства Аквилонского. Окрестности Руазельского леса. Гибель Мориоты, внука короля Олайета Великого, пытавшегося в обход законного наследника завладеть Троном Льва. Как вы могли убедиться, бегство узурпатора было предотвращено благодаря засаде альбов – хотя во всех коронных летописях факт участия Бессмертных яростно отрицается по сей день.

Затаившие дыхание зрители зашумели, требуя показать еще что-нибудь. Похоже, из всего увиденного в «Альнере» колдовские картины произвели на собравшихся наибольшее впечатление. Киннамон Кадоре и молодая госпожа Сейдан переглянулись, и около ширмы теперь встала Нейрза. Она не стала плескать на ткань вином, но вычертала на ней пальцем какой-то диковинный знак, пару ударов сердца мерцавший голубым.

...Сначала появились очертания колонн – огромных, не меньше трех обхватов, покрытых с макушки до подножия красочными рисунками. Следом за колоннами возник огромный сумрачный зал, рассеченный напополам высокой и узкой дверью. Дверь выходила на расположенный высоко над землей балкон, а внизу угадывался огромный город. Зал наполняли люди – вернее, безликие призраки в ярких одеждах, выдающих придворных какого-то трона. Отчетливо выделялась только одна фигура – высокая женщина в облегающем алом платье и тонком золотом обруче на смолянисто-черных волосах. Женщина была столь прекрасна, что Диери тоненько заскулила от зависти. Ну хорошо, боги. Пускай легендарные альбы – в конце концов, они первыми явились в этот мир и могли выглядеть, как воплощенное совершенство. Но почему обычной, ходившей когда-то по земле смертной дали так много?

Судя по жестам, придворные настойчиво в чем-то убеждали свою черноволосую госпожу. Та рассеянно слушала, не отрывая взгляда от распахнутых балконных дверей. Внезапно узкий проем озарился ослепительной багровой вспышкой, заставившей отшатнуться и призраков былого, и нынешних свидетелей событий давнего прошлого. Женщина величественным жестом отмахнулась от услуг бросившихся к ней подданных, шагнула к балкону... застыла на мгновение черным тонким силуэтом на фоне яростных языков пламени – и сделала шаг в пустоту.

— Самоубийство Гесионаны, царицы Офирской, в триста сорок восьмом году до основания Аквилонии, — сообщил в тишине Киннамон. — Как утверждают легенды, она покончила с собой, увидев ворвавшуюся в Ианту кхарийскую армию и получив весть о гибели супруга, защищавшего город... Сегодняшняя ночь особенно благоприятна для раскрытия тайн истории. Что еще желают узреть наши почтенные гости? Мы с удовольствием...

Конца фразы Диери не расслышала, потому что Альс ехидно прошипел ей на ухо:

— Врет он все, от первого слова до последнего. Гесиона Офирская, рьяная последовательница Ашореми, никогда не обременяла себя законным браком, живя с тем, кого считала нужным для государства и приятным для себя. Во-вторых, ей никогда не пришло бы в голову сигать с Золотой Башни. Офиры сдали Ианту, это верно. Но в следующем же году собранная Гесионой армия вышибла кхарийцев из столицы и весело гнала аж до самого Стикса. Военачальника, приказавшего сжечь город, изловили и по приказу милейшей Гесионы бросили в змеиный ров. Веселые были времена, что да, то да.

— Ты все это придумал! — не поверила Диери.

— Чтобы мне лопнуть, если вру. Просто я слушал иные легенды, чем самоуверенный юнец, воображающий себя магиком, — с самым серьезным видом растолковал Дурной Глаз. — Знаешь что? Мне ужасно хочется проучить эту компанию. Чтобы раз и навсегда поняли отличие настоящей магии от их жалких попыток подражать таковой.

— Но ты ведь тоже не чародей, — заикнулась девица Эйтоля.

— Если ты меня не выдашь, никто и не догадается о моих скромных талантах, — Альс скорчил физиономию шкодливого мальчишки.

— Пришел незваным в гости, сожрал угощение и напоследок напакостили хозяевам, — вздохнула Диери. — Ты уверен, что тебя не обнаружат?

— Эти горе-колдуны навозной кучи у себя под ногами не заметят, пока в нее не вляпаются, — фыркнул Кайлиени.

Расшумевшиеся гости выкрикивали свои пожелания касательно тех исторических тайн и казусов, которые они желали лицезреть. Уверенно побеждали взятие Пифона и подробности кончины святого Эпимитриуса. Кто-то поинтересовался, нельзя ли увидеть не прошлое, а будущее, и Киннамон начал долго и путано объяснять, якобы будущего еще не существует, отчего заглянуть в него не представляется возможным.

И тут тени на белой ширме задвигались, напоминая менящиеся при сильном ветре облака. Стоявшая рядом Нейрза вздрогнула, изумленно заморгав — она и ее приятель еще не начали своего колдовства, а что-то уже начало происходить. Забеспокоившись, она перебралась ближе к месьору Кадоре, пытаясь жестами привлечь его внимание.

Диери украдкой посмотрела на Альса Кайлиени. Он не делал ничего особенного, рассеянно глазея поверх голов гостей и еле слышно насвистывая. Девушка прислушалась... и хмыкнула тихонько, опознав по мелодии не слишком-то пристойную уличную песенку.

Смутные тени на белом полотне постепенно обретали четкие очертания, а действие на ширме становилось все драматичнее. Некий представительного вида господин, несомненный уроженец Полуденного Побережья, бодро расправлялся с десятком нападающих в одинаковых доспехах с изображением летящей птицы. Отбивался он не обычным оружием, а светящейся штуковиной, напоминавшей длинную плеть. Вырвавшись из окружения, тип вскочил на поджидавшую его колесницу и умчался в облаке пыли.

Картина замутилась, сменившись новой. Тот же самый господин, но уже не в черном

балахоне, а в роскошной мантии малинового бархата, хлопотал над свертком пестрой ткани. Сверток развернулся, явив небольшую, в два пальца высотой, статуэтку из прозрачного синего камня, изображавшую скачущую лошадку. Колдун – а в роде занятий незнакомца сомневаться не приходилось – старательно выводил вокруг статуэтки пентакль, украшая его замысловатыми знаками. Завершив труды, он повелительно ткнул в каменную лошадку указательным пальцем... и застыл, выпучив глаза.

Маленькая статуэтка в мгновение ока вымахала до размеров настоящей лошади. Невиданный в мире синий конь взвился на дыбы, беззвучно визжа и размахивая передними ногами. Копыто угодило прямиком в лоб заклинателю, раскроив ему череп. Магик рухнул навзничь. Конь огляделся по сторонам и устремился к огромному распахнутому окну, на скаку превращаясь из животного в неудержимый водный поток. Могучий водяной столб вылетел наружу, картинка стала быстро меркнуть, а исходящий непонятно откуда скрипучий голос размеренно вещал:

– Девятьсот восемьдесят второй год со дня основания Аквилонии. Трагическая кончина магика Круга Черной Руки, Азорета из Луксура, похитившего и пытавшегося использовать в своих целях талисман, принадлежавший мессантийскому храму Морской Девы. Вот что бывает с теми, кто самонадеянно протягивает руки к заемной Силе...

Глава пятая

Увлекательная жизнь

Торжество в честь последнего летнего новолуния проводилось под ночным небом – во внутреннем дворе поместья, обрамленном открытыми галереями, где расставили столы. Между колоннами покачивались на ветерке фонарики из разноцветного стекла, в центре двора был фонтан с мраморной скульптурой, изображавшей небольшого дракона с развязленной пастью. На низком помосте около фонтана присутствующих развлекала нанятая на вечер труппа лицедеев – фокусник, две девицы-акробатки, похожие в своих блестящих костюмах на гибких пустынных змеек, и сменявшие друг друга певцы. Гости, числом около трех десятков, живописными группками рассеялись по двору и галереям.

Новоприбывшие удостоились нескольких вежливых кивков и любопытных взглядов, после чего Юнра утащила компанию в дальний конец двора, где висело поменьше фонарей.

– Похоже, еще не все пожаловали, – сообщила она, окинув пестрое сборище быстрым изучающим взглядом. – Когда гости соберутся, выйдет хозяин, произнесет речь о том, как он счастлив всех видеть… а дальше вечеринка покатится по известному пути – приглашенные будут пить и есть за чужой счет, глазеть на фигляров, сплетничать и волочиться друг за другом.

– Был бы с нами покойный Зуад, он бы точно ответил, не продавался ли он кому из здешних гостей, – вздохнул Ши. – Может, даже самому хозяину, как его… иль'Ваххаби.

– Ваххаби – владелец виллы, но рассыпал приглашения и устраивал праздник не он, – огорчила спутников Юнра. – Этот загадочный Теймураз вообще редко показывается на людях. Я же говорю, он лишь купил «Альнеру» и предоставил ее во владение Искателей Истины, но живет ли он здесь или еще где – неизвестно. Так что приветствовать гостей, скорее всего, будет Кари Сегеван.

– Это еще кто? Старший у Алчущих Истины? Кстати, что за «истина» такая, которой они взыскиают с упорством, достойным лучшего применения?

– Не знаю я ни про «истину», ни кто у них за старшего, – дернула плечом Юнра Тавилау. – Просто Кари всегда на виду и трещит больше всех. Кстати, вон идет Нейрза.

Троица немедля высунулась из укрытия, уставившись вслед пухленькой блондинке с высокомерно задранным носиком, закутанной в развевающееся платье голубых и оранжевых тонов.

– Ну и ничего особенного, – высказал общее мнение Ши. – Что в ней Джай мог найти, не понимаю? Может, отловить ее после увеселений, затащить в темный угол и вежливо расспросить – на кой ляд она морочила голову такому хорошему парню, как наш Проныра?

– Понадобится – изловим и затащим, – отрезал Аластор. – Госпожа Юнра, тебе случайно не известно, кто из присутствующих состоит в этом самом Обществе, а кто – просто гость?

Юнра задумалась и разочарованно покачала головой:

– Я точно знаю про Сегевана… Про младшую Сейдан – от вас. Адриеш называл два-три имени, но я пока не вижу здесь этих людей. То ли они еще не приехали, то ли находятся где-то в доме.

– Значит, поступим так, – Альс стряхнул с плеча своего мохнатого любимца, столь неподвижного, что тот и вправду мог сойти за диковинное украшение костюма, и пересадил его на стол.

Диззи тут же встал столбиком и пристально уставился искрящимися бусинками глаз на хозяина. С десяток ударов сердца человек и зверек таращились друг на друга, и у Ши возникла твердая уверенность: Дурной Глаз и его странная животинка о чем-то договариваются. Когда безмолвная «беседа» завершилась, Диззи встремхнулся и коричневой молнией взвился на плечо Ши.

— Ну, спасибо, — возмутился воришко. — На кой мне сдалась твоя тварюшка?

— Диззи будет искать нашу пропажу, — преспокойно заявил Аластор. — А ты пойдешь вместе с ним. Ради чего, думаю, объяснять не надо?

— Да уж соображу как-нибудь, — Ши понимающе хмыкнул и даже погладил острую мордочку хорька. — Не поделишься, где раздобыл такого полезного дружка? Там еще других нету? А то я бы купил парочку. На развод.

— Места надо знать, — буркнул Альс. — Выжди подходящий момент и исчезни. Думаю, на это вряд ли обратят внимание. Только не пропадай слишком надолго, а то у меня начнет глаз дергаться — не угодил ли ты в лапы к злобным колдунам.

— Спасибо за беспокойство, — расшаркался Ши. — Век не забуду.

Однако совет он все-таки решил принять к сведению. Там, где околачиваются чернокнижники, лучше держаться настороже.

Момент для исчезновения выдался довольно скоро — распахнулись высокие резные двери, выпустив процессию слуг с факелами и какого-то долговязого типа, затянутого в черное с лиловым. Гости потянулись ближе, говорливым ручейком обтекая фонтан с двух сторон, Аластор, подхватив под ручку Диери, смешался с проходившей мимо группкой. Ши, напротив, попятился назад, к давно примеченной укромной дверце, скрытой за выступом плоской настенной колонны. Дверца, правда, оказалась запертой изнутри, что на краткое время задержало воришку, пока он расправлялся с хлипкой задвижкой. Наконец Ши спиной вперед провалился в распахнувшийся проем. Диззи, пискнув, спрыгнул на пол, а следом за ними юркнул кто-то незваный.

Чрезвычайно довольная собой Юнра Тавилау.

— А ты-то куда? — растерялся Ши.

— С тобой! — бодро заявила Тавилау-младшая.

— Зачем?

— Интересно, — девица потупилась. — Со мной еще никогда не происходило ничего подобного. У вас такая увлекательная жизнь, а я... у меня... — она запуталась в словах и замолчала.

«Жизнь у нас увлекательная, — едко подумал Ши. — Как же. Вечно озираешься через плечо, вечно в бегах, никогда не знаешь, что ждет завтра — подвалы Алронга или кутеж в „Золотом павлине“. А эта богатая глупышка вообразила себе невесть что...»

— Между прочим, мы собираемся ограбить этот дом, — как можно проникновеннее напомнил он. — Пойдешь со мной, станешь соучастницей. Что скажет твой грозный папаша, если ты попадешься?

— Будет уж-жасно недоволен, что попалась, — пожала острыми плечами Юнра. — Знаешь, мне не нравится то, что делают эти люди, громко называющие себя Искателями Истины. Мне вообще не по душе те, кто полагает, будто им открыто какое-то тайное знание и потому они стоят выше всех человеческих законов. Так мы идем?

— Пошли, — сдался Ши. Симпатичным девицам вообще с легкостью удавалось добиваться от него желаемого.

Сделав всего несколько десятков шагов по залам и коридорам поместья, незваные гости поразились царящему повсюду запустению. Юнра высказала свое удивление вслух, Ши промолчал, строя догадки. Повсюду мебель, задернутая пыльными чехлами, обвисшие пожухлые шторы на окнах, паутина и характерный запах покинутого людьми жилища. Выходило, что за полтора года новый владелец так и не удосужился нанять прислугу, вышвырнуть или распродать скопившийся хлам и привести свой дом в подобающий вид. Почему? Денег нет или по какой-то иной причине?

О чем искренне сожалел воришка – так об отсутствии времени, чтобы тщательно покопаться в этом хранилище старины. Не может быть, чтобы не отыскалось чего-нибудь небольшого и достаточно ценного.

Диззи семенил впереди, иногда останавливаясь и принюхиваясь. В мелких оконных стеклах мелькали отблески горящих во дворе разноцветных огней, долетала музыка и голоса. Они переходили из комнаты в комнату, поднимаясь и спускаясь по лестницам, в помещениях стало темнее – значит, они удалились от двора и забрели в дальнюю часть дома. Ши уже начало казаться, будто они целое столетие странствуют по безмолвному царству тишины, пыли и паутины, пробираясь к неведомой цели. Юнра помалкивала, хотя ей наверняка было жутковато. Воришка в очередной раз выругал себя за то, что не догадался захватить лампу – сейчас бы не пришлось стукаться о плохо различимые в сумраке углы кресел и высматривать, куда подевался Диззи. Хорек изредка давал о себе знать негромким верещанием, но чаще забывал о том, что люди видят в темноте гораздо хуже, чем он.

Наконец Диззи свернул из бесконечной пыльной анфилады на узкую винтовую лестницу, выкованную из чугуна, и запрыгал вниз по ступенькам. Лестница вывела к двери, запертой, но сопротивлявшейся лишь для видимости, и свету – осторожно выглянув наружу, Ши и Юнра увидели самый обычный коридор со сводчатыми потолками и висящими на стенах плоскими светильниками. Четвероногий проводник суетливо вертелся на месте, то ли стараясь укусить себя за хвост, то ли не в силах определить дорогу.

– Мы угодили в подвал, – предположил Ши. – Диззи, а дальше-то куда?

Зверек повернулся к нему острую морду и зло рявкнул, что наверняка означало: «Не мешай, я думаю!»

Повернувшись еще немного, Диззи сделал выбор в пользу той части коридора, что уходила направо. Незваные гости миновали с десяток запертых дверей, склад винных бочек (посещаемый, поскольку тут имелись явственные следы человеческого присутствия), вновь свернули направо, и, пройдя с два десятка шагов, остановились перед непреодолимой преградой. Хорек аж завизжал от ярости, осознав, что путешествие окончено.

Сначала Ши подумал, что Диззи завел их в тупик, но, приглядевшись, понял свою ошибку. Впереди красовалась дверь. Здоровенная створка, скругленная наверху, занимавшая пространство от стены до стены и от пола до потолка. Не то обшитая надраенными бронзовыми листами, не то целиком отлитая из бронзы. Посредине двери располагался выпуклый диск не меньше двух локтей в поперечнике, похожий на щит, с отчеканенными на

нем изображениями диковинных животных – впрочем, с равным успехом это могли быть и растения. По ободу диска расположились головой к хвосту десяток змеек толщиной с два пальца, удивительно похожие на настоящих. Глаза змейкам заменяли цветные камешки, из приоткрытых пасти торчали поблескивающие язычки – не медные, как отметил Ши, но выкованные из железа. Понизу и поверх диска огромную створку перечеркивали два засова: брусья шириной с ладонь, наглухо утопленные в каменных стенах. Дверь и засовы столь плотно прилегали к камню, что казались с ним единым целым.

– Зуб даю, тут наверняка какой-то хитроумный замок, – глубокомысленно изрек после удивленного молчания и вдумчивого разглядывания могучей двери Ши. – Все эти змейки неспроста... Диззи, нам обязательно нужно попасть внутрь?

Хорек поднялся на задние лапы и закивал, высоко поднимая и быстро опуская мордочку. Усы у него стояли веером, а вид был до чрезвычайности недовольный.

– Ты что же, думаешь, наши... э-э... то, что мы искали – заперто там?

В иное время Ши в голову бы не пришло вести разговор с неразумной тварью. Однако странный приятель Аластора заслуживал какого угодно наименования – вонючего, скандального, прожорливого – только не неразумного.

Диззи, вереща, запрыгал на месте.

– Тогда вот что... Стойте и смотрите по сторонам – вдруг кого принесет нелегкая, – распорядился воришка. – А я буду соображать, как отпереть эту штуку.

– Только побыстрее, – жалобно попросила Юнра. – Мы уже и так пропали больше, чем на колокол. Что я скажу, если кто-нибудь заметит мое отсутствие и начнет интересоваться, куда я подевалась?

– Скажи, что у тебя были важные дела, требующие уединения в укромном месте, – хрюкнул Ши. Тавилау-младшая растерянно захлопала глазами, потом сообразила и смущилась.

В единоборстве с коварной дверью Ши Шелам, к своему величайшему огорчению, потерпел сокрушительное поражение. Все-таки он был карманником, а не взломщиком. Он вполне мог справиться с обычным нехитрым замком, но одолеть медное чудовище ему оказалось не по силам. Ши заметил, что на хвосте каждой медной змейки имеются небольшие отверстия, подходящие для изогнутого языка и маленьких клыков последующей рептилии. Оставалось понять, каким образом заставить их вцепиться друг другу в хвости? Может, перед ним воочию явилась одна из шадизарских легенд – оживающий замок, приводимый в действие заклинанием? В таком случае здесь не поможет и наилучший из наборов по взломному делу. Проще притащить сюда Аластора – пусть посмотрит, авось догадается...

Юнра, на пару с Диззи послушно караулившая у пересечения коридоров, вдруг заполошно пискнула. Ши дернулся, оборачиваясь, но никого не увидел.

– Мне померещилось... или нет? – озадаченно склонила голову набок девица. – Я стояла, смотрела, и вдруг мне показалось... показалось, будто по стене передвигается тень. Только тень, без отбрасывающего ее человека. Она шла сама по себе... и вроде как слегка светилась по краю.

– И куда же она делась? – Ши с беспокойством уставился на шероховатую каменную стену, где метались их собственные тени.

– Уплыла туда, – Юнра махнула рукой в сторону медной створки.

– Пойдем-ка мы наверх, – Ши Шеламу внезапно сделалось крайне неуютно. Тени какие-

то бродят сами по себе... Может, оно и к лучшему, что он не смог справиться с замком? Демон его знает, что – или кто? – может скрываться за эдакой дверцей... – Диззи, ты не мог бы поскорее вытащить нас отсюда? Не через этот пыльный лабиринт, а каким-нибудь другим путем?

Хорек поразмыслил, распушился и несколько раз подпрыгнул. Настойчиво дернул Юнру за край подола, зовя за собой.

Обратная дорога и в самом деле получилась куда короче, хотя пришлось пробираться каким-то темными извилистыми проходами, постоянно спотыкаясь и рискуя переломать ноги. Но, как и все в этом мире, опасная прогулка завершилась, и троица лазутчиков выскользнула в просторную, хорошо освещенную галерею, с окнами по одной стороне. Здесь все пребывало в образцовом порядке – новые ковры на полу и на стенах, расписанный арабесками потолок, блестящие чистотой стекла и яркие алебастровые лампы. Выглянув в приоткрытое окно, Ши увидел с высоты второго этажа двор в ожерелье разноцветных фонариков, фонтан и собравшихся около террасы гостей.

«Что ж, кое-что мы узнали, – похвалил сам себя воришко. – В подвале есть какая-то загадочная дверь, а за ней – наши сокровища. У-у, колдуны клятые – сперли чужое имущество да еще на замок заперли! Дорогу в этот подвал мне по второму разу самому не найти, но это неважно – Диззи проведет. Трудность только в одном: как взломать эту жуткую дверь? Если Альс не сумеет с ней справиться, вся наша задумка рухнет с большим грохотом. Будем стоять у порога и грызть локти...»

Убежавший далеко вперед Диззи вдруг остановился, выгнув спину горбом, испуганно зашипел и со всех лап кинулся обратно. Поравнявшись с людьми, зверек, ни мгновения не раздумывая, юркнул под многочисленные шуршащие юбки Юнры Тавилау, затаившись там. Девица от неожиданности пискнула, тут же зажав себе рот ладонью, и оторопело уставилась на Ши, шепотом спросив:

– Что это с ним?

– Кто-то идет навстречу, – прошипел Ши, краем уха уловив приближающийся мягкий топот сапог по коврам. Шло несколько человек – прислуга поместья или кто-то из гостей. В любом случае, их с Юнрай присутствие вызовет подозрительные взгляды или даже расспросы: как они сюда попали и что тут делают. Может, удастся соврать в ответ что-нибудь правдоподобное, а может, и нет. Пожалуй, стоит убраться с дороги...

– Сюда! – Ши сгреб Младшую Тавилау за локоть и втянул в узкое пространство между стеной и роскошной оконной занавесью малинового бархата, перехваченного витым золотым шнуром. Им пришлось тесно прижаться друг к другу и затаиться, чтобы не выдать себя колыханием ткани. Врожденное и неистребимое любопытство заставило Ши Шелама извернуться и отыскать щелку, в которую был виден коридор. В ухо воришке тихонечко сопела Юнра – ей тоже позарез хотелось знать, что происходит.

Пять человек, появившихся в дальнем конце коридора, на гостей не походили. Скорее, на хозяев – уж больно уверенно и целеустремленно они вышагивали. Троих, державшихся позади, Ши уверенно отнес к телохранителям – и железом увенчаны, что твоя оружейная лавка, и по сторонам зыркают, как подобает бдительной охране. Только бы не заметили, иначе бед не оберешься...

Двое впереди – мужчина и женщина. Невысокая, грузная, похоже, немолодая, однако шагает быстро и при этом успевает сердито выговаривать спутнику. Лицо незнакомки на турецкий манер наполовину закрыто цветастым платком, вышитые туфли без задников

хлопают при каждом шаге. Человек рядом – не человек, живая гора четырех локтей ростом, окутанная разлетающимся вихрем просторной кабы из овечьей шерсти, какие носят кочевники. Капюшон плаща откинут, и Ши с Юнрай отчетливо разглядели лицо – крупные, несколько смазанные черты, глубоко посаженные смолянисто-черные глаза с яростным блеском и длинные темные волосы, стянутые на затылке в конский хвост. Гигант молча внимал нападкам пожилой женщины и только один раз свирепо рыкнул в ответ:

– И что ты предлагаешь, Эсма? Я сделаю, что смогу, если это поможет делу. Проклятье, скорее бы твое колдовство...

Окончания фразы разобрать не удалось – вся группа свернула к той самой дверце, откуда недавно выбрались Диззи, Ши и Юнра.

– Хочешь, поспорим? – Юнра барабанит пальцами по полу, выпутываясь из скользкой ткани. – Как думаешь, кого мы лицезрели?

– Ставлю золотой империал против… – «Какой момент, надо пользоваться!» – ехидно хихикнула промелькнувшая мысль, – против твоего поцелоя, что мимо нас промчался загадочный Теймураз иль'Ваххаби, покровитель чернокнижников и собиратель древностей, – и, прежде чем девушка успела опомниться и заверещать, Ши беспрепятственно чмокнул ее в краешек губ. – А также его преданные сообщники, чтоб их вспучило, – второй поцелуй вышел гораздо удачнее и продлился дольше.

– Пусти, – нетвердо потребовала Юнра, не стремясь, впрочем, обрести свободу.

– А разве ж я тебя держу? – удивился Ши, обнимая девицу.

– Отцу пожалуюсь… – жалобно пригрозила Тавилау-младшая.

– И старый Азема наймет мордоворотов, чтобы повыдергали мне руки-ноги, – поддакнул воришко.

– Увидят ведь! Нахал!.. Откуда ты только взялся на мою голову…

Сидевший посреди коридора Диззи поглядел на обнимающуюся парочку и презрительно фыркнул. Почему люди всегда выбирают для своих игрищ такое неподходящее время и место?

Неудивительно, что во двор Ши и Юнра выбрались несколько взъерошенными. Их появление прошло незамеченным – гости с нескрываемым изумлением таращились на террасу. Там стояла развернутая белая ширма, а по ней двигались какие-то фигуры. Приглядевшись, воришко решил, что разыгрывается некая историческая сцена, вот только он никак не мог понять, каким образом это сделано. Искатели Истины наворожили, не иначе.

* * *

– Ну вот, Альс, ты своего добился, – грустно констатировала Диери. – Вечеринка испорчена, хозяевам теперь хлопот хватит до утра, а гости дружно разъезжаются по домам. Не последовать ли и нам их примеру?

– Да, пожалуй, – признал Кайлиени. – За себя могу сказать наверняка – увидел все, что хотел, и даже больше. Интересно, что удалось разведать странному союзу карманника и благородной девицы… Ба, а вот и они! Ты только посмотри на них! Готов спорить на что угодно, эти двое занимались не только полезным, но и приятным…

Паланкин Юнры с мулами, возницами и «охраной» поджидал их на прежнем месте, и отбытие еще одной компании гостей в общей толчее у ворот прошло незамеченным. Носилки по общему решению предоставили девицам, остальные шли пешком, обмениваясь впечатлениями и добытыми сведениями.

— Твой дружок привел нас к запертой двери, — с жаром повествовал Ши, — с удивительным замком, мне такого встречать не доводилось. На обратном пути мы столкнулись с типом, до чрезвычайности похожим на описанного Шептуна — туранец, здоровенный, что твой буйвол. Юнра думает, это Теймураз иль'Ваххаби, владелец «Альнеры» и содержатель Искателей Истины. С ним еще была какая-то старуха по имени Эсма...

— И мне показалось, что всем заправляет как раз эта женщина, а иль'Ваххаби ей подчиняется, — добавила Младшая Тавилау. — Кто она такая — понятия не имею. Кстати, Ши ошибается — эта особа вовсе не так дряхла. Ей, самое большое, немногого за сорок.

— Вот я и говорю — старуха, — упрямо стоял на своем Ши.

— Разберемся, — положил конец спору Аластор. — Хости, Малыш, вы разузнали чего-нибудь полезное?

— Кормят там хорошо, — с чрезвычайно серьезным видом изрек подросток-варвар. — А еще хозяйские друзья, которые Истинные-Просветленные, вторую седмицу безвылазно сидят в поместье да грызутся между собой. Они и праздник затеяли только ради того, чтобы передохнуть от ссор. Из-за чего споры — никто толком не знает. Вроде как делают что-то. Или в колдовстве своем запутались и каждый винит соседа: мол, тот глупец, все перепутал, а я делал правильно. Пока мы сидели и ждали вас, пару раз подкатывался старший над стражей поместья. Намекал, не желаем ли мы перейти под руку его хозяина. Мне он не понравился — болтает много, да все не по делу. И глаза у него бегают туда-сюда. Но мы на всякий случай сказали, что подумаем. Правильно мы поступили?

— Да, пожалуй, — согласился Аластор Кайлиени.

— Это плохое место, — внезапно подал голос одноглазый Хости.

— Почему ты так считаешь? — мгновенно вскинулся Альс.

Хости помолчал, собираясь с мыслями, прежде чем ответить.

— Я чувствую, — наконец сказал он. — Не знаю, как еще объяснить. В этом доме обитает пустота. Холодная. Очень древняя. Не живущая, но желающая быть.

— Нельзя объяснить непонятное через непонятное, — съязвил Ши, привычно уворачиваясь от подзатыльника, которым собирался наградить его Конан.

— В кои веки Ши прав. Наш новый друг Хости сделался разговорчив, но не стал от этого более доступен для понимания... — пробормотал Аластор. — Вот что, по моему разумению, надо сделать. Я снова поговорю с Клелией — пустота там или нет, но мы, кажется, близки к разгадке. «Альнера» — здоровенное осиное гнездо, разворошить его хоть и небезопасно, но необходимо... Если Клелия согласится, что пора действовать — пусть науськает на этих паршивых чернокнижников своего нового поклонника, месьора Рекифеса. Ну а пока стражи закона будут собираться в бой, мы нанесем визит в «Альнеру». Поглядим, какие сокровища скрыты за этой странной дверью...

...Исчезновение Конана и Ши было замечено только во дворе «Рубиновой лозы».

— Куда они подевались? — изумленно вопросил Аластор, но ответа не дождался. Воришка и варвар с Полуночи словно растворились в сумраке шадизарской ночи. — Ладно, в конце концов, они уже не дети малые. Надеюсь, знают, во что ввязываются.

Больше всего почему-то огорчилась Юнра Тавилау. Похоже, неким планам, построенным

ею на этот вечер и на одного смазливого юного шемита, не суждено было сбыться. Должно быть, от огорчения либо же движимая своим неистребимым любопытством Тавилау-младшая тут же напросилась сопровождать Клелию в ее утренней поездке.

А утром, стоило паланкину Клелии скрыться за воротами «Рубиновой лозы», объявились чрезвычайно довольные собой Конан и Ши Шелам. Не на шутку обеспокоенный Аластор перехватил их в дверях, грозно вопросив:

— Ну, и где вы изволили шляться?

— Занимались наведением справедливости и причинением добра! — жизнерадостно отбарабанил Ши. — Слушай, я спать хочу, просто помираю!

— Малыш, признавайся, — Дурной Глаз развернулся к подростку. — Во что тебя втянуло это порождение шадизарских клоак и помоек? Я же нюхомчу — вы опять что-то нашкодили!

— Всего лишь немного подзаработали, — в искренности Конана не усомнился бы самый прожженный служитель Сыскной Когорты. — И отчасти восстановили попранную справедливость.

— А с тобой делиться не будем, — Ши все-таки протиснулся мимо Альса и уже из-за спасительных дверей комнаты проорал: — Потому что ты мне еще должен за спасение своей драгоценной шкуры! И отстань от Малыша!

— Стоило ненадолго отлучиться, и меня уже напрочь перестали уважать, — сокрушенno вздохнул Кайлиени. — Ладно, скажите хотя бы — там, где вы пропадали, вы никаких следов не оставили? Физиономиями своими не светили направо и налево?

— Кхгм, — сказал Конан, стремительно мрачнея.

Ши Шелам был чуть более красноречив:

— Да какая теперь разница? Все равно она никому ничего не расскажет!

* * *

Как-то само собой получилось, что Ши Шелам и подросток-варвар, ведущий в поводу одолженную на конюшне Клелии лошадь, оказались в самом хвосте процессии.

— Ведь она так и останется безнаказанной, — гнул свое воришка. — Ну да, не спорю, Джай вел себя, как шакал позорный. А вдруг он не очень-то и виноват? Ведьмочка Ней ему напрочь голову заморочила. Наколдовала, чтобы он только ее слушал и не думал о том, что творит. Малыш, как в твоих дальних краях поступают с уличенными ведьмами?

— Стригут наголо, смолой обмазывают и выгоняют в горы, а по поселениям рассылают вестников — чтобы такой никто более крова не давал и на порог не пускал, — с готовностью откликнулся Конан, уразумевший, к чему клонит приятель.

— Остричь и смолой выкрасить... — оценивающе протянул Ши и разочарованно вздохнул: — Не пойдет. Ей, конечно, такое обращение придется не по вкусу, но Шадизар — не Граскааль, а аристократка — не ведьма. Спрятаться на время в своем поместье, да и только. Плешь можно спрятать под накладными волосами, а смолу оттереть — говорят, есть такой хитрый настой... Может, все-таки подкараулить в темном уголке и растянуть на четырех колышках? И нам удовольствие, и ей урок...

— Я тебе в этом не помощник, — мгновенно посурковел Малыш. — Знаешь, что делали с насильниками в нашем клане?!

— Догадываюсь, но подробности опустим — а то я заснуть не смогу. Ну тогда в бордель продать! — не унимался Ши. — В самый дешевый, для караванщиков!

— У содержателя дешевого борделя денег не хватит, чтобы эдакую красотку купить, — вполне разумно возразил подросток.

— Даром отдать! — разошелся шемит.

— Ага, а назавтра сводник, узнав, кто она такая, со всем почетом за большие деньги доставляет ее домой. А за дополнительную плату подсказывает, где искать похитителей. Ну и кому тогда будет урок?

Воришко аж зубами скрипнул, не в силах измыслить для Нейрзы Сейдан достойное наказание, и тут его осенило:

— Не в бордель! Малыш, я придумал, что надо сделать! Продадим ее работоговцам! Пусть увезут куда-нибудь на край земли, в Черные Королевства! Там ее быстро отучат ворожбой заниматься!

— Размечтался, — буркнул Конан. — Посуди сам, как ты это сделаешь? Она же в поместье. Ты не знаешь, где она там живет. Станешь бегать по коридорам, колотясь во все двери и разыскивая ее комнату? И как потом вытащить ее из дома, не привлекая внимания охраны?

— Ерунда! — пренебрежительно отмахнулся Ши. — Ней сама к нам выскочит! У меня и приманка есть — письмо Джая. Нет, а ведь это идея! Слушай, помоги мне! Ее надо проучить — так, чтобы на всю жизнь запомнила! Из-за какой-то чародейки недоделанной столько хороших людей полегло... Ну, Малыш! Конан!..

— Ладно, убедил, — после довольно длительной паузы неохотно согласился подросток. — Но госпожа Клелия и Альс, если признают, будут жутко недовольны...

— А нам-то что с их недовольства?..

Пользуясь темнотой, двое заговорщиков все больше отставали от своих приятелей. Улучив момент, они шмыгнули в проулок, волоча за собой лошадь — в планах Ши ездовой коняге отводилась весьма важная роль.

Карманник с сожалением проводил взглядом раскаивающиеся на перекладинах паланкина цветные фонарики, пробормотав:

— Сплошное благочиние и никакой личной жизни. Ладно, не последний день на свете живем.

— Зря надеешься, — хмыкнул Конан, мгновенно уловив, откуда ветер дует. — Сам посуди: кто ты, а кто госпожа Юнра?

— Юнра? Да такая же девица, как и все прочие, — самоуверенно заявил Ши. — Вдобавок девица одинокая, замкнутая и до неприличия богатая, за которой еще никто не пытался ухаживать. А со мной ей весело. Вот увидишь, мы прекрасно поладим.

— Смотри, еще угодишь на ту же кривую дорожку, что и Джай, — предостерег Малыш. Воришко в ответ только смешливо фыркнул.

План Ши осуществился даже легче, чем предполагали заговорщики. В той части ограды поместья «Альнера», что огибала разросшийся и запущенный сад, отыскалась забытая всеми калитка. Легко одолев простенький замок, дружная парочка привязала лошадь по соседству с приметной статуей, пошарила возле служб, разжившись большим холщовым мешком и мотком веревки, и отправилась на поиски невольного соучастника. Требовалось отыскать кого-нибудь из слуг поместья – и таковой без труда сыскался во дворе, где шла уборка столов и посуды после завершившейся вечеринки. Выступавший в качестве туповатого посланца Конан накинулся на первого попавшегося служителя с требованием немедленно разыскать и привести госпожу Сейдан – мол, для нее имеется срочное послание. Из Нарикано, от Джая Сигдима. Она знает, что к чему. И чтобы шла тихо, никому не глаза не показывалась, а ждать ее будут у большой мраморной лестницы в сад.

Приманка на внимательный взгляд была не ахти какая. Разумный и бывалый человек немедленно заподозрил бы подвох, однако Нейрза Сейдан не отличалась ни особым умом, ни жизненным опытом. Прошло не так уж много времени, и злая, как кошка, девица примчалась в назначенное место – одна, как и было велено, – молча выхватила помятое письмо и уткнулась взглядом в неровные строчки.

Закончив, недоуменно подняла глаза:

– Разве Джай не умер?.. И почему письмо распечатано? Ты кто вообще тако..

Ничего больше она сказать не успела: подкравшийся сзади Ши ловко, будто всю жизнь этим занимался, набросил на нее мешок. Получившийся куль перехватили поверх веревкой и потащили в глубину сада. Немного опомнившись, Нейрза принялась дрыгать ногами и орать. Ши, опять-таки со сноровкой опытного похитителя, туто перетянул куль своим широким кушаком там, где под грубой мешковиной должен был находиться рот девицы Сейдан. Вопли превратились в еле слышное мычание. Тюк взвалили на лошадиную спину, выбрались из «Альнеры» и как можно быстрее укромными переулками направились к хорошо знакомым кварталам Нижнего Города.

– Ты хоть знаешь, куда ее везти? – поинтересовался варвар. – Я слышал, немедийцы не жалуют торговцев живым товаром, и месьор Рекифес кого сослал, кого повесил...

– Скорпион сейчас в городе, – пропыхтел бодро трусивший рядом с кобылой Ши. – Его уже который год ловят, а схватить никак не могут. Он на Каменном Рынке затаился.

– Сволочь он, твой Скорпион, – Малыш припомнил гнусные слухи касательно упомянутого туранского торговца живым товаром, чье имя на самом деле было Дихан иль'Орма.

– Конечно, сволочь, – ухмыльнулся воришко. – Еще какая! А значит, для нашей крошки, – он покровительственно похлопал упакованную в мешок Нейрзу пониже спины, – будет в самый раз.

Логово иль'Ормы, обитавшего со своими помощниками и добычей в лабиринте построек по соседству с караван-салями, приятелям пришлось разыскивать чуть ли не до самого рассвета. Наконец, выслушав положенные слова, их впустили в заднюю дверь захудалого трактира, откуда они в сопровождении неразговорчивого громилы ссыпались вниз по лестнице, поднялись наверх, поплутали по коридорам и узким проходам между зданиями – и неожиданно очутились во вполне уютной и чистенькой комнате, богато обставленной в помпезном туранском духе.

Человек, неподвижно восседавший на подушках посреди роскошного ковра в окружении трех могучих телохранителей, внешне никак не соответствовал своей зловещей славе

охотника за рабами – неприметная сутулая личность с длинной унылой физиономией. Однако маленькие темные глазки Скорпиона впились в пришедших, как два острых буравчика, а голос был похож на скрежет ножа по стеклу:

– Поздорову вам, почтенные не-знаю-как-звать. С чем пожаловали?

– И тебе удачи, досточтимый иль'Орма, – поклонился Ши. – Имена наши тебе ни к чему, а вот товарец кое-какой твоим купцам, может, и пригодится. Дева сия дивно хороша собой, юна, учтива, из хорошей семьи, обучена как семи добродетелям, так и шестнадцати способам возлежания... Да ты взгляни сам, какова красавица!

Мрачный молчаливый Конан распустил завязки на мешке и вытряхнул «красавицу» на ковер.

Едва очутившись на свободе, девица Сейдан мигом раскрыла рот и выдала фонтан отборнейшей браны, какой позавидовала бы опытная шлюха с Лестницы Грэз. Досталось на орехи и похитителям, и самому Скорпиону, коего Нейрза ничтоже сумнящаяся обласкала «старым козлом» и «пометом шелудивой ослицы».

– Это ничего, это бывает, – философически изрек почтенный Дихан иль'Орма, делая знак одному из своих охранников. Словесный поток иссяк, прерванный добротным кляпом. – Однако ты мне соврал про учтивость. И про юность тоже. Десять империалов.

Похищенная девица, которой в этот миг деловито вязали руки кушаком – чтоб не царапалась – отчаянно замычала и затрепыхалась так, что едва не свалила охранника с ног.

– Не соврал, а приукрасил, ибо прекрасная собою дева в любые лета выглядит юной! – горячо возразил Ши. – Десять империалов за красавицу-аристократку в самом расцвете лет?! Да, она дика и необуздана, как молодая кобылица, но тем интереснее будет обезжать ее опытному наезднику! Двести, и это только изуважения к твоей репутации!

– Выездка дикой лошади обходится порой дороже самой лошади, особенно если кобылка из чужого табуна, – пожал плечами Скорпион. – Явижу на ней дорогие шелка, и руки ее не огрубели от работы – значит, она и впрямь из благородной семьи, но тем тщательнее будут ее искать. Может быть, вернуть ее родителям за хороший выкуп?

– О нет, только не это! – Ши аж подскочил. – Ятаганом Эрлика и грудью Дэркето заклинаю тебя, почтенный иль'Орма, увези ее подальше! Гарем в Черных Королевствах в самый раз подойдет. Говорят, тамошние правители без ума от нежных девиц с белой кожей и платят за них золотом по весу...

– Оставь груди Дэркето себе, я чту Затха Вездесущего, – отмахнулся работоговец. – Вожди из Черных Королевств действительно хорошо платят за белокожих рабынь... За девственниц. Эта твоя красотка, надеюсь, невинна?.. Если да, то двадцать. И ни сиклем больше.

– Бел-Покровитель, дай мне терпения, ибо велика несправедливость мира сего! – вскричал воспламененный воришко. – Что проку в безответной, неумелой и покорной девственнице?! Такая годится только согревать постель немощным старцам! И наоборот, муж сильный и искусный в любви ищет не послушную овечку, но тигрицу, равную себе, дабы огонь страсти пылал, а не тлел! Сто восемьдесят!

– Почем мне знать, какова она на ложе? Может, она холодна, как снулая рыба, и неповоротлива, как полено? Не пытайся всучить мне драную кошку за ручного пардуса, юноша. Возьми лучше эти тридцать империалов и знай, что сегодня иль'Орма был исключительно щедр.

– Да ты только взгляни, как сверкают ее глаза! Как вздымаются ее грудь! Тебе ли не

знать, досточтимый иль'Орма: какова женщина в ярости, такова она и в постели! Это же воплощенная страсть! А этот тонкий стан, эта горделивая осанка! Сто шестьдесят блестящих туранских империалов, и мы ударим по рукам, досточтимый иль'Орма!..

...По рукам ударили на восьмидесяти. Торги затянулись – когда двое покинули тайное логово Дихана иль'Ормы, на улицах Столицы Воров уже начинало светать.

– Лё-ёгкие деньги, – пропел Ши, подбросив на ладони толстый кожаный мешочек. Воришку распирало от самодовольства и в то же время был легкий озноб, причем не только от зябкого утреннего тумана – как всегда, осознание счастливо миновавших неприятностей пришло к Ши Шеламу «задним числом».

Надобно сказать, что в ту ночь удача шла прямо рядом с Ши, держа его за руку и напевая беззаботную песенку. Девять из десяти торговцев живым товаром, заполучив в лапы наследницу одного из богатейших семейств Заморы, за выкуп тут же вернули бы ее в семью; и семеро из дюжины не погнувшись бы силой отобрать у юнцов их добычу, заодно перезав глотки незадачливым «продавцам». Посещала подобная мысль и почтенного иль'Орму – и если приятелям удалось покинуть обиталище Скорпиона живыми, то лишь оттого, что вдохновенно торговавшийся Ши попросту изрядно насмешил угрюмого работторговца. Ну а к спесивым и глупым аристократкам из квартала Асмак Дихан иль'Орма по кличке Скорпион всегда питал самую искреннюю ненависть. По личным причинам.

Так и вышло, что двое друзей ушли с Каменного Рынка целыми, невредимыми и с тугу набитым кошельком. А вздорная девица Сейдан, двадцати трех лет от роду, следующей же ночью не по своей воле покинула родной Шадизар – в ящике с двойным дном, одурманенная настойкой желтого лотоса. Спустя три с половиной седмицы ее купил на рынке в Дарфаре чернокожий гигант, с головы до ног увешанный как сверкающим золотом, так и смертоносной сталью. Дальнейшая судьба Нейрзы в точности неизвестна. Одна из городских легенд утверждает, будто спустя двадцать лет Нейрза Сейдан все же вернулась в Столицу Воров, но лишь для того, чтобы прожить остаток дней смиренной послушницей при митрианской обители. Скорпион же заработал на этой сделке пять сотен полновесных туранских империалов – в самом приблизительном пересчете, ибо дарфарский вождь платил самородками. Два года спустя во время очередной облавы, учиненной Сыскной Когортой на Каменном Рынке, работторговец был схвачен и при большом стечении народа четвертован на Воловьей площади.

Ши еще долго восторгался своей находчивостью, сметливостью, красноречием и прочими незаменимыми для мелкого жулика качествами, а доход, полученный от «восстановления справедливости», с блеском прокутил в «Алмазном водопаде». Что касается Конана, то киммериец из всей этой истории сделал для себя два вывода на будущее. Во-первых, справедливость все-таки бывает, если только добиваться ее собственными силами; во-вторых же – что нет занятия отвратительнее работторговли.

Глава шестая

О пользе насекомых

Надо отдать должное выдержанке Клелии Кассианы диа Лаурин: она не возмутилась, когда посреди ночи в ее покоях с шумом ввалились искатели приключений, горевшие желанием немедленно поделиться своими открытиями. Ее светлость терпеливо выслушала всех — погрустневшую Юнру Тавилау с историей про медную дверь и загадочного владельца имения; Аластора и Диери, изложивших свои похождения и наблюдения; внезапно ставшего косноязычным Хасти с его туманными предположениями... На Хасти, как заметили многие из присутствующих, госпожа Кассиана поглядывала весьма озадаченно — так, будто уже встречала его когда-то, но никак не могла вспомнить, где именно и при каких обстоятельствах.

Для полноты картины явился срочно разбуженный Хисс. Описание событий минувшей ночи прозвучало сызнова, с дополнениями и украшениями. Выслушав, рыжий мошенник подергал себя за челку и едва ли не слово в слово повторил давешнее предложение Аластора:

— Если это не доказательства, то уж и не знаю, какого демона им нужно... Самое время натравить на них Когорту — пусть попрыгают!

— Стало быть, завтра — то есть уже сегодня — мне придется навестить господина Рекифеса, — подвела итог Клелия и сдержанно зевнула, благовоспитанно прикрыв рот ладонью. — Думаю, мне удастся убедить его в том, что в поместье «Альнера» творятся противозаконные дела. А долг человекаохранителей, как я понимаю, состоит именно в предотвращении еще не совершенных преступлений...

— Я тоже могу поехать, — робко встремля Юнра. — Как свидетель. Месьор Рендер наверняка ко мне прислушается.

— Прислушается, прислушается, куда он денется, — заверил Младшую Тавилау Хисс, и тем компании, чрезвычайно довольные собой, наконец-то остались Клелию Кассиану в покое до утра.

Дамы отбыли около десятого утреннего колокола, сопровождаемые тремя мрачными телохранителями Клелии и напутственные умой полезных советов и добрых пожеланий. По всем расчетам, вернуться они должны были не раньше середины дня, так что оставалось набраться терпения и ждать.

...Время текло медленно и неторопливо, как всегда бывает при затянувшемся ожидании.

Альс, Хасти и Ильха Нираель от нечего делать затеяли долгий спор о могуществе колдовства и силе убеждения, изничтожив под заумную болтовню четыре кувшина белого шемского урожая нынешнего года. Хисс торчал во дворе, лениво метая кинжал в бревенчатую стену, когда с улицы донесся частый конский топот. В просторный двор «Рубиновой лозы» рысью влетела гнедая лошадь. Спрыгнувший со спины животного привлекательный, но несколько встрепанный молодой человек оглянулся по сторонам. Зацепился взглядом за скучающего Хисса и решительно направился к нему. Брошенная на произвол судьбы гнедая немедленно принялась общипывать без того скудный цветник, торчавший около парадного крыльца гостиницы.

— Вы, случаем, не знакомец моей сестры? — с ходу поинтересовался новоприбывший.

— Может, и знакомец... Смотря кто она, твоя сестра, — осторожно откликнулся Хисс.

— Да Юнра, кто ж еще! — удивился молодой человек и, подумав, решил представиться: —

Я Адриеш Тавилау. Юн говорила, что пропадет на целую ночь. Мы условились: днем я заеду и доставлю ее домой. Она должна была ждать меня здесь, в «Рубиновой лозе». Ты, надо полагать, Хисс из Немедии – она про тебя рассказывала... Так где Юн? И, кстати, что она затеяла? Который день ходит вся такая загадочная, ни в чем не признается и только твердит, мол, скоро наш городок вздрогнет до основания.

– Уехала она, – честно признался Змеиный Язык. – В Дознавательную Управу. Вместе с ее милостью диа Лаурин. Слышал про такую? Обещала вернуться к середине дня. Вот сидим, ждем. Хочешь – присоединяйся. Пошли, выпьем что-нибудь.

– В Дознавательную Управу? – оторопело повторил Адриеш. – Когда?

– Еще утром, – откликнулся Хисс. – А что?

– Да то, что не было ее там, – наследник Тавилау с досадой нахмурился. – Ни ее, ни Кассианы диа Лаурин. Я недавно проезжал через Ратай, там как раз во дворе Немедийская Чума околачивался, подчиненных разносил... Остановил меня и давай расспрашивать: где, мол, твоя высокоумная сестрица, как у нее дела? Разузнала что-нибудь любопытное, как намеревалась?

– Юнра и Клелия не показывались в Управе?! – из дверей высунулся разбуженный голосами Ши, на чьей подвижной физиономии отражалось глубочайшее изумление, быстро перешедшее в неподдельную обеспокоенность. – Куда же они тогда делись?

– Ты меня спрашиваешь? – огрызнулся Адриеш. – Я представления не имею, чем она занималась в последнее время! Что ей понадобилось от Рекифеса?

– Госпожа Клелия собиралась напустить Когорту на общество доморощенных колдунов, которое мы выследили, а Юнра поехала с ней свидетельницей, – в полной растерянности объяснил Хисс. – Слушайте, давайте сядем и прикинем, что такое могло произойти... Они же не одни поехали, с телохранителями диа Лаурин, а это сущие звери – за косой взгляд на их госпожу зарубят и не поморщатся...

Окончательно выбитый из колеи Адриеш Тавилау позволил утащить себя с солнцепека в относительную прохладу флигеля. Почувствовавший неладное Аластор вскинулся над столом, прервав долгую и слегка маловразумительную речь о тайнах магии.

– Что такое? Клелия вернулась?

– Да нет... – развел руками Змеиный Язык. – Наоборот, пропала. Вот это – Адриеш, брат Юнры. Он говорит, что был в Управе, и Рендер заверил его, что сегодня не видел ни Юнры, ни госпожи Клелии.

Адриеш дотянулся до ближайшего кувшина и торопливо опустошил его, точно в сосуде было не вино, а обычная вода.

Мысль, одновременно вспыхнувшую в головах компаний, никто не успел высказать – второй раз за нынешний день во дворе гостиницы затопотала лошадь и чей-то голос нетерпеливо выкрикнул:

– Эй! Есть тут кто из прислуги дамы Клелии?

До конца своей долгой и бурной жизни Хисс Змеиный Язык пребывал в непоколебимой уверенности: в тот злосчастный летний день 1264 года ему и его приятелям удалось совершить то, что ранее было доступно только магам. Хисс точно помнил: вот они в непрятательной гостиной, оцепенело таращаются на Адриеша, вот доносится оклик... а спустя миг они все уже стоят во дворе, и Хисс может поклясться чем угодно – через дверь они не проходили. Рейф, старшина телохранителей госпожи Кассианы, вообще сиганул из распахнутого окна второго этажа, совершенно не заметив своего кратковременного полета.

Кричавшим оказался стражник Сыскной Когорты, что удостоверяла пришипленная к его доспеху латунная бляха, изображавшая крылатого дракончика. Принесенная им новость, похоже, была настолько срочной и важной, что гонца даже снабдили приличной лошадью, не в пример стареющим одрам, жившим в конюшне Управы. Глянув сверху вниз на окружившее его пестрое собрище, наперебой выкрикивавшее вопросы, вестник решил избрать в качестве достойных собеседников Рейфа и Хасти – как самых старших и выглядевших наиболее разумными.

– Быстро все заткнулись! – единственный грозный приказ Рейфа сразу же навел тишину, и мрачный немедиец повернулся к человекоохранителю: – Прислуга и... и друзья дамы Клелии – это мы. Я – Рейф, командую охраной ее светлости. Говори, я слушаю.

– Э-э... – лихая скачка по улицам, похоже, слегка отшибла гонцу память. Он затряс головой, соображая и вспоминая порученное: – А! Я к вам от месьора Рекифеса. Тут такое дело... К нам в Управу с колокол назад привезли с Нижнего Боенского проезда шибко порезанного парня. Думали – помрет, а он живучий оказался. Наш лекарь его напичкал какой-то дрянью, парень очнулся и сказал.... сказал... – страж Когорты зажмурился, стараясь как можно точнее передать услышанное: – Ага, сказал, что зовут его Гилл, и он служит даме Клелии Кассиане. Они сегодня утром ехали к нам, в Управу. Около перекрестка Ратая и Пристенной на них напали. Шесть человек. Командовал верзила-туранец в серой кабе. Охрана держалась, сколько могла, но не справилась. Двоих прикончили, его тоже сочли мертвым и бросили. Эту самую Кассиану и девицу, что с ней была, затолкали в паланкин и увезли. Господин Рендер велел передать это все вам и добавил: ежели имеете что сказать, немедля дуйте в Управу. Он, мол, готов вас выслушать... ну и, это самое, принять меры...

Лия Релатио и Эгле, до того стоявшие молча, переглянулись и дружно зарыдали на весь двор, причитая не хуже наемных плакальщиц. Диери понятливо вздохнула и уволокла заливающихся слезами девиц во флигель. Гонец покосился им вслед и повторил:

– Так чего, поедете в Управу? Мне возвращаться надо.

– Возвращайся,уважаемый, – ответил Хисс, поскольку все остальные молчали. – Мы сейчас сообразим, кого отправить, – и сразу за тобой.

– Вот что вы втянули мою сестру?! – в ярости завизжал Адриеш, стоило стражнику Когорты исчезнуть за воротами. – Кто ее похитил?! Я вас всех со свету сживу, если с Юнрой что-нибудь случится! Где она?

– Вот это уже настоящий вызов, – Альс говорил тихо, но бесновавшийся и сыпавший невнятными угрозами наследник Тавилау почему-то сразу примолк. – Они нас опередили. Выследили и опередили. А нам даже в голову не пришло, какие у нас быстро соображающие враги.

– И теперь, если мы сделаем хоть шаг, они... они поднимут руку на Юнру и госпожу Лаурин? – в ужасе спросил Ши. – Или потребуют выкупа?

– Единственный выкуп, которым им подойдет – наше молчание и бездействие, – сухо откликнулся Дурной Глаз. – Но как раз этого мы не можем себе позволить.

– Не может быть и речи, – отрезал Рейф. – Где бы ни находилась госпожа, мой долг – спасти ее.

– Ты всерьез намерен в одиночку штурмовать имение, где обитают колдуны? – бросил Хисс. – Вдвойне опасные оттого, что от страха кидаются на любое шевеление? Рейф, у тебя в голове как, окончательно помутилось?

– Но мы же не можем просто стоять здесь и ждать неизвестно чего! – взвыл Ши Шелам.

Седмицу назад он с места бы не сдвинулся, но сегодня... Эти недоумки, эти порождения вшивых шакалов и облезлых гиен похитили Юнру! – Рейф, если ты полезешь туда, я... в общем, я с тобой! Я знаю, кто это сделал и где их прячут – в Асмаке, в поместье под названием «Альнера»! И знаю, как туда пробраться незамеченным! И...

– Ну ты даешь, – уважительно сказали рядом. Малыш присоединился к бурлящей компании, но не вмешивался, пока не разобрался, что к чему. – Прямо могучий Эйрик, Убийца Медведей. Почтенный Рейф, а меня с собой возьмете?

– И меня, – внезапно заявил Хасти.

Хисс схватился за голову и повернулся к Альсу:

– А ты тоже с ними?

– Безусловно, – отрезал Дурной Глаз. – Игра в прятки кончилась. Начинаются воинские ристалища. Хочешь сказать, что ты не с нами?

– Я бы сначала все-таки наведался к Сыскной Когорте, – осторожно начал Змеиный Язык. – Все-таки они защищают закон, а мы – пострадавшие. Похищена моя госпожа и невинная девица, и можно с уверенностью указать, чьих рук это дело. Может, Рекифес отправит с нами с десяток своих подчиненных. Я чего опасаюсь – вдруг в «Альнере» околачиваются те загадочные умельцы, которых не брала ни сталь, ни огонь... Ну, которых называли серыми и пыльными. Что мы сможем против них? А еще... Еще я бы навестил Кодо.

– Этого-то зачем? – удивился Аластор.

– Там же корона, – оглянувшись на Адриеша, понизил голос Хисс. – Приманка – лучше некуда. За такую побрякушку головорезы Ночного Кошмара кого угодно растерзают. А нам сейчас каждый лишний меч сгодится.

– Это мысль... – задумчиво протянул Альс. – А я, похоже, стал как-то медленно соображать... Распоряжайся лучше ты, у тебя ловчее выходит.

В иное время Хисс ужасно возгордился бы таким признанием, но сейчас ему было не до того. Требовалось побыстрее сообразить, кто и где принесет больше пользы, кому дать какое поручение и куда отправить.

– Конан, Ши – бегом на Лодел, к Кодо, – подросток-варвар и карманник понятливо кивали. – После всего, что мы натворили, вас наверняка сразу пропустят. Альс, почему бы тебе не составить им компанию? В твоем присутствии Кодо вряд ли сразу пошлет их подальше, сперва выслушает. Расскажете про сборища колдунов, намекнете на утаенные сокровища... В общем, как хотите, но убедите Ночного Кошмара поддержать нас. Адриеш! – наследник Тавилау во все глаза уставился на рыжего мошенника. – Лови свою кобылу, сейчас поскакем к Рекифесу. Ставь всех на уши, кричи про украденную сестру, грози местью Дома Тавилау, упрашивай – но Когорта должна встать за нами.

– Если никого не убедим – пойдем сами, – хмуро заявил Ши.

* * *

Никакого предчувствия близкой опасности или неизвестно откуда взявшейся тревоги Юнра Тавилау не испытывала. Она даже за дорогой особо не следила, увлекшись беседой с

госпожой Кассианой. Только краем глаза отметила, что паланкин сворачивает на улицу Ратай, а вокруг на удивление пустынно.

Спустя еще миг возникший рядом с паланкином неприметный человек коротким движением швырнулся в лицо Юнре пригоршню серебристо переливающейся пыли.

Девица Тавилау еще успела разглядеть, как через глухую стену перемахивают какие-то серые тени, а телохранители диа Лаурин бросаются им навстречу – но тут мир подернулся рябью и начал таять. Юнра уронила ставшую ужасно тяжелой голову и неуклюже свернулась под сидением паланкина.

…Очнулась она внезапно, рывком: только что вокруг были темнота и тишина, и вот она уже тупо таращится на выбеленную известкой каменную стену. Поблизости успокоительно звучал голос госпожи Кассианы:

– Девочка, с тобой все в порядке?

На пробу пошевелив руками и ногами, Юнра села. Прислушалась к своим ощущениям и нерешительно заключила:

– Вроде бы да… Госпожа Клелия, нас что, похитили?

– Совершенно верно, – возмущенно подтвердила офорка. – И, раз уж мы обе в равно дурацком положении, можно обойтись без «госпожи» и «ее светлости». М-да, меня не раз предупреждали – в вашем Шадизаре совершенно не имеют представления о правилах хорошего тона! Это же надо – посреди бела дня похитить приличную женщину!

– Такие уж у нас нравы, – вздохнула Юнра и огляделась.

Место заточения на первый (и любой иной) взгляд не представляло из себя ничего ужасного. Всего лишь сводчатый подвал без окон, освещенный парой висящих на стенах масляных ламп. Сухо и холодно, в дальнем углу громоздятся смутные очертания винных бочек, в стене справа темнеет дверь. Единственная непонятная вещь: подвал чисто выметен, зато потолок густо затянут запыленной сетью паутины, давно заброшенной и провисшей. Сама Юнра сидит на набитом соломой тюфяке, а госпожа графиня устроилась на опрокинутом бочонке (судя по запаху, из-под «Старой винодельни») и вид у нее до чрезвычайности недовольный. Еще бы – ее, такую утонченную и неприступную, похитили, как крадут девиц из веселых заведений!

Интересно, что стало с охраной Клелии? Перебили, наверное…

Клелия Кассиана недолго предавалась унынию. Убедившись, что подруга по несчастью очнулась и вполне благополучна, офорка деловито сообщила:

– В таких случаях, как меня уверяли, нужно полагаться либо на себя, либо на союзников, оставшихся на свободе. Ты не знаешь, как вскрыть замок с помощью гнутой шпильки?

– Нет, – с сожалением призналась Юнра. – Меня обещали научить, да не успели.

– Жаль. Стало быть, остаемся в узилище, – Клелия уселась поудобнее и завернулась в оставшееся с ней шелковое покрывало. – Рассмотрим второй путь к спасению – помочь извне. Как полагаешь, у наших друзей достанет желания и возможностей вытащить нас отсюда?

– Желание-то у них хоть отбавляй, а вот возможности… – протянула девица Тавилау. Ей весьма нравился подход госпожи графини к случившемуся: вести себя так, словно не произошло ничего из ряда вон выходящего. Подумаешь, похитили и заперли в каком-то подвале. Досадная мелочь, не стоящая упоминания в беседе за ужином. Будь Юнра в одиночестве, она немедля ударила бы в панику и колотилась бы в запертую дверь, вопя, чтобы ее выпустили и суля пленителям все сокровища Дома Тавилау. Сейчас же у нее откуда-

то взялись силы спокойно беседовать. – Вдобавок сколько времени пройдет, пока они узнают о нашем исчезновении! Клелия, как полагаете – по какой причине мы тут оказались?

– Из-за старой, как мир, ошибки – утратили бдительность и недооценили врагов, – сердито заявила дия Лаурин, сопровождая слова назидательным покачиванием указательного пальца. – И мне весьма удивительно, что подобную глупость допустил мой старый друг Аластор. Открыто явились в дом своих противников, а оттуда не менее открыто направились домой! Кто угодно мог вас выследить!

– Значит, нас перехватили, чтобы мы не встретились с месьором Рендером и ничего ему не рассказали? – догадалась Юнра.

– Возможно, – кивнула офорка. – Меня беспокоит иное... Похитителей весьма устрашила возможность того, что мы наведаемся в Управу. А ведь мы, говоря по правде, располагаем только кучей слухов, предположений и косвенных улик! В чем мы могли бы обвинить обитателей «Альнеры»? В нападении на эту несчастную таверну, как бишь ее? В убийстве Ферузы Кайлиени? Нет и еще раз нет...

– Если строго следовать букве закона – обвинить их вообще не в чем, – как следует поразмыслив, уныло признала Младшая Тавилау. – Демонов они вроде не вызывают, Шебле-Исторгателю Душ публично не поклоняются, похищенных девственниц в жертву не приносят... Тогда чего же они перепугались? Зачем напали? Вдруг господин Рекифес вообще не захотел бы нас слушать? Отмахнулся бы и сказал: «Измышления и чушь от первого до последнего слова!»

– Они боялись обращенного на них внимания, – рассудила Клелия. – И не могли рисковать. А что если господин Дознаватель все-таки пожелал бы лично проверить наветы двух вздорных особ? Явился бы в «Альнеру» вкупе с десятком своих подчиненных и данной ему властью потребовал учинить досмотр? И по случайности углядел нечто, чему полагается сохраняться в глубочайшей тайне? Ой!..

Последнее восклицание госпожи графини было вызвано внезапно появившейся на подоле ее светлого одеяния крупной черной точкой, обернувшейся самым обыкновенным пауком – наверное, свалившимся из пыльного лабиринта на потолке. Клелия брезгливо скривилась, стряхнула насекомое и подняла ступню в позолоченной сандалии, намереваясь раздавить насекомое.

– Не надо, – вмешалась Юнра. – Плохая примета. Пусть себе ползет.

Избежавший безвременной гибели паук боком заковылял в сторону бочек и скрылся.

– Они тебе нравятся? – с гримасой отвращения спросила Клелия. – Терпеть их не могу! Мохнатые, с этими их челюстями и липкой дрянью, которая повсюду болтается – фу!

– Мне нравятся кошки, – хихикнула Младшая Тавилау. – К паукам и прочим скорпионам с мокрицами я равнодушна. Живут – и пусть себе живут. От них иногда даже польза бывает. Когда я была маленькой, няня мне рассказывала, будто у пауков есть то ли король, то ли королева, который знает все на свете – и что было, и что будет. Если сумеешь с ним договориться и уплатишь его цену, он научит слушать Великую Паутину...

– Это что еще такое? – невольно заинтересовалась офорка.

– Точно не знаю, – развела руками Юнра. – Сказки про Паутину и королеву пауков относятся к тем далеким временам, когда в наших краях процветало поклонение Затху. Мрачная была религия, если верить летописям. Сплошные церемониальные жертвоприношения, фанатичные жрецы, войны во имя божества да сокровища грудами. Около пятнадцати сотен лет назад в Замору докатилась волна переселенцев с Шемского

Побережья. Шемиты принесли с собой культ Бела-Обманщика, тот прижился и расцвел пышным цветом. Поклонение Затху, соответственно, пришло в упадок. Сейчас в городе остались всего два храма Паука Всеведающего, да еще крупное святилище за городом – но все они перебиваются случайными пожертвованиями. Правда, сохранилось много домашних алтарей Паука: старые семьи полагают, что вреда от поклонения былому хранителю страны не будет. У нас дома тоже есть один такой, мы туда кладем кусочки мяса, а по торжественным дням сжигаем пару ароматических свечек. Дешево и необременительно. Кстати... – она задумалась, сопоставляя в уме что-то, – в последний год Паук опять пользуется известностью. Такое порой случается: его извлекают из небытия, носятся какое-то время, а потом снова забывают.

– Вот что случается с символом веры, когда его время приходит к концу, – с непонятной печалью в голосе изрекла Клелия Кассиана и добавила уже бодре: – Но пауков я все равно терпеть не могу!

* * *

В особняке розового камня, что стоит на улице Лодел, царило всеобщее ликование. Для полноты картины разгульного празднества недоставало только развешанных повсюду пестрых вымпелов и цветных китайских фонариков. Стража на воротах пребывала в состоянии легкого опьянения, впуская всех без разбора. Посреди обширного двора полыхал костер, над которым исходил дымом и жиром откормленный баран, вдоль стен громоздились пустые бочки, а из подвалов выкатывали все новые и новые. Вперемешку с верными соратниками Кодо Ночного Кошмара разгуливали разряженные в пух и прах девицы, наверняка прибывшие сюда пряником из «Алмазного водопада». Троице незваных гостей никак не удавалось отыскать кого-нибудь достаточно трезвого и способного внятно ответить на вопрос – где Кодо?

Задача осложнялась еще и тем, что многие, узнав Аластора, настойчиво зазывали выпить с ними, расспрашивали, где он шлялся две с лишним седмицы, или рвались в бесконечный раз поведать захватывающую историю о заключении вечного мира между старшинами Нарикано и Сахиля. Дурной Глаз мрачно отвергал все предложения, упрямо прорываясь к распахнутым дверям в глубины дома.

Наконец им посчастливилось: в нижней приемной они лицом к лицу столкнулись с Кодо Ночным Кошмаром, намеревавшимся украсить своей персоной буйное торжество своих сторонников. Месьор Сиверн, что с ним случалось крайне редко, пребывал в настроении благодушном и снисходительном. Оно не исчезло даже после встречи с компанией из «Уютной норы», уже доставившей вожаку квартала множество неприятностей.

– А заливали – на Побережье уехал, на Побережье уехал! – хмыкнул Кодо, углядев Кайлиени и его спутников. По его незаметному жесту парочка неотлучно сопровождавших старшину Нарикано громил слегка отступила назад, позволяя гостям приблизиться для разговора. – Какое, к демонам свинячым, Побережье, когда дома такие чудеса творятся! Альс, где тебя носило, в самом-то деле? Чего раньше не показывались, я ж распорядился всю вашу шайку кликнуть? Шелам, ты с какой радости прикидываешься ходячим покойником, я

тебя и не признал поначалу?

— Я сидел у митрианцев, размышлял о тяготах жизни и собирался податься в монахи, — огрызнулся Дурной Глаз. Вокруг немедля заржали: еще бы, лучший взломщик Шадизара — и вдруг принимает монашество! Расскажи кому — не поверят! — Кодо, ты не мог бы уделить мне... нам толику твоего драгоценного времени?

— Тебе что, позарез приспичило? — недовольно скривился Ночной Кошмар. В отношениях между «смотрящими» квартала — что нынешним, что прежним, покойным уль-Вади — и Аластором Кайлиени всегда существовала некая натянутость. Дурной Глаз вроде бы не спорил с установленными в городе порядками, однако и подчиняться им не торопился. Призвать его к ответу также было весьма затруднительно: плюнет, развернется и уйдет к соседям. Терять за пару поспешных слов такое украшение квартала никому не охота, вот и приходится делать вид, будто ничего не замечаешь. На откровенные ссоры Дурной Глаз вроде не напрашивался, гадостей против «смотрящих» не затевал... Жил сам по себе, однако с таким видом, словно Шадизар — его личное владение.

Вот и теперь Кодо предпочел скрыть раздражение, махнул ожидавшим его во дворе, мол, приду попозже, и завел так некстати свалившихся визитеров в примыкающую к нижнему залу небольшую комнатку. Отвел душу единственно тем, что занял имевшуюся в помещении скамью, гостям же сесть не предложил. Альс, впрочем, тут же взгромоздился на подоконник, а мальчишка-варвар и Шелам сочли, что так оно и должно быть.

— Теперь-то что у вас стряслось? — хорошее настроение Ночного Кошмара постепенно улетучивалось. — Давайте, излагайте, только побыстрее. Сами видите — празднуем.

— Ши, расскажи ему, — к удивлению карманника, эта то ли просьба, то ли вежливый приказ не прозвучали для него неожиданностью. Он подозревал, что так будет, хотя никаких предварительных уговоров не было, и по дороге к Лоделю успел заранее приготовить свою маленькую речь.

— Мы его нашли, — заявил Ши, рассудив: начинать надо с самого главного, а второстепенные подробности могут и обождать. — Туранца, который нанимал десяток Шептуна и разгромил нашу таверну. Его зовут Теймураз иль'Ваххаби, он живет в Асмаке и якшается с тамошними чернокнижниками из богатых да приурковатых...

Изложение событий двух предыдущих дней заняло у Ши Шелама около четверти колокола. Кодо не перебивал, только хмурился и под конец спросил:

— Кого, говоришь, они взяли заложницами? Графиню из Ианты и Юнру Тавилау? А старый Азема об этом знает?

— Еще нет, — перевел дух Ши. — Зато знает его сынок, Адиеш. Он только что отправился в Дознавательную Управу, требовать защиты и справедливости.

— Все, о чем говорит этот болтун, правда? — Кодо через голову воришки обратился к сидевшему на окне Аластору. Ши покосился назад и увидел, как Дурной Глаз кивает.

Ночной Кошмар помолчал, размышляя, и свирепо рявкнул:

— Пусть даже так! Альс, на что ты рассчитывал, приходя сюда? Что я сломя голову помчусь за компанию с вами громить каких-то паршивых колдунов? Причем обожающих разводить всяких ядовитых тварей? Причем в Асмак, где шагу нельзя ступить, чтобы не налететь на стражников? Рука об руку с Когортой Рекифеса?!

— Велика важность — Асмак, — встярал окончательно осмелевший Ши. — Я туда приходил и уходил, когда хотел. Тамошняя стража только с виду грозна, а на деле — обычные развязы.

— Вот именно, — согласился Аластор, словно речь шла о чем-то само собой

разумеющимся. – Там, в Асмаке, хранится предмет, который может по праву принадлежать тебе. Неужели ты сможешь от него отказаться? Не говоря уж о благодарности старого Аземы, которая наверняка выльется в довольно кругленькую сумму. Или о признательности ее светлости диа Лаурин, весьма обеспеченной дамы...

– А Рекифес со своей Когортой? – въедливо напомнил предводитель Нарикано.

– Что – Рекифес? – с наигранным недоумением пожал плечами Дурной Глаз. – Он всего лишь выполняет свой долг: проверяет истинность слов Адриеша Тавилау касательно похищения и насильственного удерживания его сестры. Не думаю, что он добьется каких-нибудь успехов. Зато все обитатели поместья сбегутся уверять месьора Дознавателя в том, что в глаза не видели никакой девицы Тавилау.

– Да ты же меня без ножа режешь! – взвыл Кодо. – Оглянись вокруг! Половина ребят валяется в лежку, а вторая половина еле стоит на ногах! Отчего вам было не явиться завтра... или вчера?

– Не преувеличивай, – отмахнулся Аластор. – Можно подумать, ты не хозяин своей своре. Ручаюсь, они пропрозвеют по твоему первому слову – особенно если пройдет слух, за какой добычей предстоит идти.

– И все-таки... – Ночному Кошмару не очень хотелось ссориться с Альсом, но замысел сунуться в неизвестность был ему по душе еще меньше.

– Кодо, Кодо! Я ведь могу и приказать. Ты же знаешь – у меня есть Право, – с легким нажимом в голосе произнес Дурной Глаз, складывая пальцы в хитроумную фигуру для щелчка, который так и не прозвучал. Месьор Сиверн едва заметно вздрогнул. – Но я не хочу им злоупотреблять. Просто окажи мне услугу, и я буду тебе очень, очень обязан. Согласен?

– А, провались совсем! Повешенный! – вместо ответа рявкнул хозяин Нарикано. Дверь приоткрылась, между створок сунулась жуткого вида физиономия, казавшаяся вдвойне страшнее из-за сиявшего на ней широченного жизнерадостного оскала. – Собирай свой десяток и гони сюда, живо! Имей в виду, кто будет шататься, заикаться или вонять козлом – лично удавлю! И отыщи Эвара – пусть тащит весь свой инструмент.

– Это излишне, – махнул рукой Дурной Глаз. – Я ведь пойду с вами.

Расспрашивать старшину физиономия не решилась, но всем своим видом выразила столь озадаченное недоумение, что месьор Сиверн соизволил разъяснить сквозь зубы:

– Вечером отправляемся прогуляться. Надо навестить кое-кого.

Головорез по прозвищу Повешенный понимающе закивал и втянул голову обратно.

* * *

Скандал, начавшийся во дворе Дознавательной Управы и перекочевавший в кабинет месьора Верховного Дознавателя, вполне заслуживал того, чтобы войти в летописи славного города Шадизара. Присутствовавший в роли молчаливого свидетеля Хисс Змеиный Язык получал от разворачивающегося перед ним поучительного зрелища истинное удовольствие, чего никак нельзя сказать о его светлости Рекифесе Рендере, укрывшемся за массивным столом черного дерева. Время от времени господин Дознаватель пытался вставить слово в свою защиту, но терпел поражение. Бушевавший Адриеш Тавилау получил возможность

сполна отыграться за давешнюю выволочку и никому не позволял перебить себя.

— ...Я говорил! Я сколько раз предупреждал, но вам нет никакого дела! Пустые сплетни и злопыхательство — так ваша светлость изволила выразиться? — по сравнению с первоначальной яростной вспышкой вопли Адриеша несколько утратили живости, он уже начинал повторяться в обвинениях. — Любуйтесь теперь, к чему привела ваша глухота и тупоумие! Довольны небось, да?! Втянули невинную девушку, искренне радевшую о благе родного города, в свои темные делишки — и где она теперь? Я вас спрашиваю, вы, прогнившая опора законности — где моя сестра?!

«Насчет прогнившей опоры Адриеш перестарался», — решил Хисс, отметив любопытное изменение в цвете физиономии месьора Дознавателя, сперва побледневшей, а теперь окрасившейся пурпурными пятнами — предвестниками нарастающего гнева. Тем не менее, Рекифес Рендер молча проглотил и это оскорбление.

— Я даже не сомневаюсь — вы пальцем не шевельнете ради ее спасения! — продолжал ворить Младший Тавилау. Голос у него был громкий, усилившийся от сознания своей правоты, и за полуоткрытой дверью то и дело мелькали вытянувшиеся лица служащих Когорты, внимавших разразившейся грозе. — А может, случившаяся трагедия — для вас совсем не новость?! Может, вы уже получили положенную мзду, заставившую вас временно ослепнуть?! Иначе чем объяснить, что моя сестра и ее подруга исчезают буквально в двух шагах от вашей псаарни, и никто, ни единая живая душа этого не замечает!..

— Довольно, — единственное негромко произнесенное слово Верховного Дознавателя положило конец наполнявшим Управу крикам. Хиссу показалось, что Адриеш Тавилау даже украдкой с облегчением вздохнул: тяжело, наверное, столь долго и оглушительно добиваться справедливости. — Я все прекрасно понял. Госпожа Тавилау и леди Клелия оказались по уши в неприятностях исключительно по моей вине. Это я уговорил их сунуться не в свое дело, подверг немальным опасностям и, наконец, устроил их похищение. Так?

— Н-ну... — замешкался Адриеш. — Я хотел сказать...

— Мы отлично рассылали, что именно ты хотел сказать, — месьор Рендер со страдальческим видом потер виски, словно у него внезапно разболелась голова. — Добрая четверть сказанного позволяет обвинить тебя в злых умыслах против Трона и Империи, в клевете на власть предержащих и... А, чего тут говорить — ты сам все отлично понимаешь!

Младший Тавилау сглотнул и как-то съежился. В его памяти еще было свежо воспоминание о пятом и шестом разделах грозного «Уложения о вышестоящих», и штрафе в сотню империалов, возможности выплатить который у него пока не имелось.

— Но я готов признать прозвучавшее тут прямым следствием умопомрачения, вызванного известием о пропаже твоей сестры. После чего к этому досадному вопросу мы более не возвращаемся, — сухо предложил Рекифес. — Что не избавляет тебя от необходимости впредь следить за своими высказываниями. Устраивает?

— У... устраивает, — икнул наследник дома Тавилау. Дознаватель, словно потеряв к нему интерес, обратился к подпирающему стену Хиссу:

— Насколько я понимаю, ваша компания все-таки добилась своего и выследила виновников погрома в «Уютной норе»? Кстати, недавние волнения на этой, как ее... Плешке и в квартале Скена — ваших рук дело?

— Право, месьор Рекифес, вы переоцениваете наши скромные способности, — со всей отпущенностью ему учтивостью отозвался Змеиный Язык.

— Ну и молчи, пес с тобой, — не стал настаивать месьор Рекифес. — Я и без тебя знаю,

что там стряслось. Одного не понимаю: какая сила могла заставить объединиться Ночного Кошмара и Крохобора?.. Кстати, не поделишься секретом – отчего Юнра Тавилау и Клелия диа Лаурин воспылали такой привязанностью к вашей шайке? Если верить слухам, госпожа Юнра днют и ночует в вашей теплой компании...

– Это кто такое говорит? – мгновенно насторожился Адриеш.

– Какой только ерунды не болтают люди, – успокоил его Хисс. – Что до госпожи Тавилау – ей просто интереснее с нами, чем день за днем сидеть в четырех стенах да возиться с пыльными пергаментами.

– Может быть, может быть… – протянул месьор Верховный Дознаватель. – Сами видите, чем обернулось ее любопытство. Где, говоришь, ее могут держать?

– В квартале Асмак, на вилле «Альнера», собственность некоего Теймураза иль'Ваххаби, – фраза начинала отскакивать у Хисса от зубов.

– Обитатели сего дома уже не раз обвинялись соседями в нарушении общественного спокойствия, подозревались в черном колдовстве и бывали замечены в совершенно неподходящих местах за исполнением непотребных ритуалов, – продолжил Рекифес, и в голосе его звучало нескрываемое удовлетворение. – Отчего ваша жалоба меня совершенно не удивляет, – его тон сменился на вкрадчиво-вопросительный: – Но чего я никак не пойму, так это причин столь яростной ненависти Асмака к шайке мелкого ворья… Ты и теперь представления не имеешь, о чем я говорю?

– Ну, завалялось у нас кое-что, – нехотя буркнул Хисс, поняв, что отмолчаться не удастся. Верховный Дознаватель продолжал выжидаяще глядеть на рыжего мошенника, и под этим взглядом хотелось или спрятаться получше, или признаться во всем: что совершал и в чем был невиновен. – Пара-тройка колдовских вещиц. Пошли слухи, долетели до Асмака. Тамошним недоумкам даже в голову не пришло попытаться договориться. Предложи они достойную цену, мы бы со спокойной душой продали все, что их интересовало. А эти полоумные не нашли ничего лучшего, как натравить на нас наемных головорезов!

– Врешь ведь, – не вопросительно, но утвердительно заявил месьор Рендер. – Нюхом чую, врешь! Твое счастье, некогда мне сейчас вызнавать в подробностях, какие редкости вы держали в своей «Норе» и где ими разжились. Будем считать, вы меня убедили. Поехали, наведаемся в Асмак!

* * *

В подвале, куда не проникал дневной свет, было довольно затруднительно определить, сколько уже времени миновало. Уровень масла в лампах если и понизился, то ненамного, а вот желудок Юнры требовательно намекал на необходимость перекусить. Самообладание Клелии Кассианы тоже начало давать трещины: ее светлость мерила шагами (восемь в длину, пять в ширину) опостылевшее узилище, с негодованием косясь на дверь. Тавилау-младшая затруднялась определить, чего ей больше хочется – чтобы пленниц навестили или чтобы все оставалось по-прежнему. Пожалуй, она бы выбрала определенность, чем тянущееся ожидание. Может, про них забыли? Так и оставят здесь, пока не погаснут лампы и подвал не окутает темнота. Или решают, что с ними сделать?

На всякий случай Юнра осмотрела дверь – дубовые доски, бронзовые гвозди с широкими шляпками и полосы меди для крепости. Врезной замок отсутствовал, из чего Младшая Тавилау сделала вывод – дверь заперта снаружи на обыкновенный засов. Створка плотно прилегает к косяку, но, будь у нее кинжал с тонким лезвием, можно было бы попытаться сдвинуть задвижку. Ее новые знакомцы наверняка так бы и поступили – и уже давно удрали за пределы поместья, не забыв прихватить с собой мешок, набитый имуществом хозяев.

С раздумий о запертых замках мысли Юнры по накатанной дорожке свернули к воспоминаниям о Ши Шеламе и его приятелях. Знают ли они о том, что офирская графиня и ее спутница не доехали до Охранительной Управы? А если уже узнали, то предпринимают ли что-нибудь для их спасения? Вдруг они решат предоставить офорку ее собственной части? Сочтут, что визит в «Альнеру» слишком опасен? Или просто отмахнутся – мол, какое нам дело? Клелия и Юнра богаты – наверняка смогут откупиться от похитителей!

Переживания Младшей Тавилау столь явственно отражались у нее на лице, что госпожа Кассиана перестала расхаживать туда-сюда, остановилась рядом и мягко сказала:

– Твои друзья, конечно, не являются собой пример добродетели. Но надо отдать им должное: у них есть множество хороших качеств. Скажем, они никогда не бросают своих товарищей в беде.

– Так то товарищней, – шмыгнула носом Юнра. – А я... то есть мы – кто мы для них? Две взбалмошные особы, не более того!

– Одна из этих особ имела сомнительное удовольствие какое-то время быть дамой сердца Альса Кайлиени, – добродушно усмехнулась Клелия, – а вторая, насколько я понимаю, весьма благосклонна к милейшему воришке по имени Ши Шелам... Уверяю тебя, девочка: они в лепешку разобьются, но вытащат нас отсюда. Живыми и невредимыми.

– Хорошо бы, – вздохнула Тавилау-младшая... и вздрогнула, случайно бросив взгляд в сторону. – Клелия, там!..

Створка беззвучно распахнулась, в подвале стало на одного человека больше. К величайшему разочарованию Юнры, ожидавшей появления спасителей, ввалился безошибочно узнаваемый с любого расстояния владелец имения «Альнера». Вошел, прикрыл дверь и встал у стены, исподлобья рассматривая пленниц: госпожу диа Лаурин, усевшуюся на облюбованный бочонок с таким видом, будто она занимает походный трон Офирского королевства, и вставшую у нее за спиной Юнру.

Младшая Тавилау приготовилась к долгому молчанию, которое первым нарушит тот, у кого слабее выдержка. Однако госпожа Кассиана не собиралась играть в подобные игрища, высокомерно и капризно осведомившись:

– Как это прикажете понимать? Кстати, вас не затруднит назваться? Хотелось бы знать, кому я обязана столь неожиданным приключением? Ну же, говорите, не заставляйте даму ждать!

Угодившим в застенок благородным особам полагается стечь и исходить слезами, а не приказывать тюремщику изложить причины, по которым такие особы оказались запертными в подвале – но Юнре показалось, что Теймураз иль'Ваххаби ожидал подобной встречи.

– Вы слишком любопытны, госпожа Клелия Кассиана диа Лаурин из Офира, – с отчетливой ноткой угрозы произнес турец. – Вы и ваша подруга... Если не ошибаюсь, девица Юнерия Линна Джудита Тавилау, предпочитающая именовать себя Юнрай.

Названная девица в изумлении открыла рот... и закрыла. Мало кто за пределами Дома Тавилау знал ее полное имя, да и домочадцы редко о нем вспоминали – разве что приходилось составлять какой-нибудь важный документ. Как же так получилось, что на вилле «Альнера» прекрасно осведомлены о том, как ее зовут на самом деле?

– А вы, надо полагать, Теймураз иль'Ваххаби, загадочный торговец из Аренджуна, который ничем не торгует, зато охотно привечает подозрительных магиков-недоучек, – взял себя в руки, рассерженно выпалила Юнра.

– Когда-то я был этим человеком, – равнодушно согласился иль'Ваххаби. – Теперь я перестал им быть, но прежнее имя осталось. Можете для удобства называть меня так.

– Благодарим за любезное разрешение, – съязвила Клелия. – И что дальше? Вы же не собираетесь держать нас здесь до скончания веков? В таком случае перейдем к условиям нашего освобождения. Что вас устроит больше: империалы, драгоценные камни, заемное письмо для Торговой Гильдии в Ианте?

– К сожалению, отпустить вас мы не можем, – столь же равнодушно сообщил туранец. – Вы нам понадобитесь. Одна из вас или обе.

– Зачем? – на редкость дружным хором пожелали знать госпожа Кассиана и все-таки запаниковавшая Юнра.

– Скоро узнаете, – складки серой кабы Теймураза иль'Ваххаби внезапно зашевелились и наружу выбралось здоровенное мохнатое существо с восемью лапами и россыпью крошечных блестящих глазок. Увидев паука, Клелия обмороочно побелела и съежилась.

– Это всего лишь птицеед, – попыталась успокоить ее Юнра. – Обычный птицеед из Черных королевств. Он не ядовитый, просто очень большой.

– Он омерзительный! – взвизнула Кассиана диа Лаурин. – Немедленно уберите эту дрянь!

Паук-птицеед, бодро шевеля лапками, спустился вниз по рукаву иль'Ваххаби и устроился на подставленной ладони, заняв ее почти целиком. Передняя часть тулowiща насекомого приподнялась, отчего создавалось впечатление, будто оно прислушивается к разговорам людей. Юнра, впрочем, этому ничуть бы не удивилась – в этом местечке можно и не такого ожидать. Но, если Теймураз иль'Ваххаби таскает с собой вместо любимого ручного ястреба или гончей-тарзы это маленькое страшилище, какие выводы напрашиваются?..

– Не любите пауков, госпожа Клелия? – до отвращения вежливо осведомился туранец.

– Ненавижу! – отрубила оффирка. – Пауков, сколопендр и любую ползающую гадость!

– Напрасно, – покачал головой иль'Ваххаби. – Кичитесь своим обширным умом, самоуверенно лезете в чужие дела, а наверняка не знаете самых простейших вещей о тех, кто обитает с вами рядом. Вы ведь представления не имеете о том, насколько сообразительны эти существа, – согнутым пальцем он ласково погладил паука по шерстистой спинке. – Насколько они сильны. Представляете, если бы паук был размером с человека, он был бы сильнее человека в десять раз! Прочность исторгающей ими нити такова, что могла бы при соответствующей толщине удержать дракона на привязи...

– Вот и повесьтесь на такой веревочке, – уже без всякой вежливости посоветовала Клелия. – И вообще, раз вы не собираетесь требовать выкуп и не намерены нас отпускать, можете более не обременять нас своим обществом. Забирайте своего любимца и проваливайте!

– Вы совершенно напрасно повышаете голос, – по-прежнему бесстрастно произнес туранец. – Видите ли, пауки слышат не так, как люди. Уши им заменяют маленькие волоски

на сгибах передних лапок, а потому пауки не выносят громких криков. Они становятся раздражительными, – словно в подтверждение слов хозяина черный птицеед быстро задвигал передними лапами, – и могут напасть на источник беспокоящих звуков...

– Пусть только попробует! – сквозь зубы прошипела Кассиана диа Лаурин. – Лапы поотрываю!

– Храбро, но бессмысленно, – иль'Ваххаби бережно пересадил паука на плечо и кивнул, точно прия к какому-то выводу. – В чем вы скоро сами убедитесь. Эй! – окликнул он кого-то, выглянув в коридор. – Быстро сюда! Забирайте их и ведите за мной. Да осторожно, они нужны нам живыми. По крайней мере пока.

Блистательная офирская графиня и наследница торгового дома в Шадизаре невольно подались ближе друг к другу и схватились за руки.

– Ничего они нам не сделают, – хотя голос Клелии не дрожал, ему изрядно недоставало уверенности. – Не посмеют. Побоятся.

У Юнры Тавилау сложилось совсем иное впечатление, но спорить она не стала. Маленькая надежда лучше, чем совсем никакой.

– Люди одолеваемы страстями, слабы и глупы, – вдруг негромко и нараспев произнес Теймураз иль'Ваххаби, невидяще уставясь прямо перед собой. Огромный птицеед диковинным черно-желтым украшением замер у него на плече. – Хозяин Паутины мудр и всемогущ, и в сердце его – пустота. Он нигде и в то же время он всюду. Он не жаждет власти, но владеет миром. Он – центр мицдания и средоточие миллионов сверкающих нитей Судьбы. Жизнь и смерть для него – ничто, ибо не может умереть то, в чем никогда не было жизни... Очень скоро, – турانец вздрогнул, словно очнувшись от грез, и окинул перепуганных женщин тяжелым взглядом, – вы познаете великую Благодать Пустоты. И тогда, может быть, вы поймете, как мало смысла в этом суэтном мире слабых и беспомощных людей.

Глава седьмая

Особняк на Серебряной аллее

Ажурные решетки ворот поместья «Альнера» пребывали накрепко закрытыми, и явившийся на настойчивый звон колокольчика привратник не торопился их открывать. Мерзавец долго выспрашивал через запертую створку, кто да по какому делу, потом «ходил за ключами» – причем, по задержке судя, ключи он хранил не иначе как на другом конце города – потом принял неспешно перебирать связку в поисках нужного, уронил и начал съезнова... Стоя просителем под закрытой дверью, наместник Трона Дракона сохранял благородное спокойствие единственно усилием воли. Кое-кто из его гвардейцев – Рекифес счел нужным взять с собой не первых попавшихся вояк, но два десятка отборных немедийских мечников из личной охраны – вполголоса обсуждал возможность захватить «Альнеру» штурмом, со всеми вытекающими последствиями вроде погрома, поджога и разграбления неправедно нажитого имущества.

Когда кованые створки наконец дрогнули и открылись, пропуская грозную кавалькаду внутрь имения иль'Ваххаби, Хисс от нетерпения весь извергался в седле, а Адриеш Тавилау сорвал голос возмущенными воплями. Выражение лица Верховного Дознавателя, и без того не слишком приветливое, к этому времени напоминало лицедейскую маску божественной ярости.

Следов вчерашнего веселья в имении не осталось и в помине. Да и сам особняк казался вымершим – никто не вышел навстречу незваным гостям, высокие двери парадного входа надежно отгораживали от внешнего мира тайны «Альнеры», и даже в окнах не мелькнуло ни одной любопытствующей физиономии.

– Чума у них стряслась, что ли? – пробормотал себе под нос Рекифес Рендер, подумав притом, что такой поворот событий лично его устраивает как нельзя больше. Он с чистой совестью прикажет спалить чумное поместье со всеми уцелевшими обитателями, и одним источником неприятностей в Шадизаре станет меньше.

Резная, черного дерева дверь деликатно скрипнула, выпустив на обширную террасу прислужника с приглашением войти в дом.

Приглашение относилось только к месьору Дознавателю, но его спутники потянулись следом. Адриеш так вовсе ворвался едва ли не первым, оттеснив месьора Рекифеса в сторону. Хисс предпочел держаться позади, присматриваясь и прислушиваясь. Если бы имелась возможность, он бы вообще улизнул и со всех ног кинулся на Лодел выяснить, чего добились Аластор и Ши. Но Рекифес, как нарочно, все время хоть углом глаза, да следил за рыжим мошенником.

Теперь Змеиный Язык маялся от неизвестности: согласился ли Кодо на сделанное ему предложение? Если согласился, то когда бойцы Ночного Кошмара наведаются в «Альнеру»? Может, они уже здесь? Или еще нет? В царившей вокруг спокойной тишине ничто не указывало, что где-то в доме орудуют посторонние.

За дверями, как и полагалось, скрывался небольшой приемный зал с уходившей наверх широкой мраморной лестницей. Стоило Рекифесу и его спутникам переступить порог, как из неприметной боковой двери вынырнул Кари Сегеван, а с лестницы спорхнули трое разряженных в пух и прах девиц, испуганно вытаращившихся на затянутого в форму Дознавательной Управы хмурого месьора Рендера. С ними явился и Киннамон Кадоре,

существо неопределенного пола, жеманный и надушенный, как дорогая куртизанка. Этот презрительно глянул на Рекифеса, оценивающе на Хисса и состроил глазки Адриешу. Отпрыск Дома Тавилау покраснел.

Тощий и долговязый Сегеван в своих нарядах отдавал предпочтение темным цветам, которые ему совершенно не шли, придавая его облику сходство то ли с печальным пугалом, то ли с аллегорической фигурой Скорби. Едва представившись и назвав своих спутников, он незамедлительно разразился долгой приветственной речью. Речь была столь же великолепна, сколь утомительна – Рекифес со свойственной ему прямотой оборвал оратора на середине цветистой фразы.

– Прекратите стучать языком о зубы, почтеннейший Сегеван, – ледяным тоном сказал Кари немедиец. – Ответьте мне на два вопроса, да покороче. Первый: какого демона меня и моих спутников без малого колокол продержали у ворот, как последнего нищеброда? Второй: где находится владелец поместья, туранский подданный Теймураз иль'Ваххаби, коего я хотел бы увидеть как можно быстрее?

Огорчение Кари, его женовидного приятеля и поддакивавших девиц не ведало пределов. Что вы говорите? битый колокол продержали у ворот? Нерадивый слуга будет примерно наказан, уверяю вас... Что же до почтенного иль'Ваххаби, он, увы, три дня назад отбыл по торговым делам в Керкиру, столицу соседней Коринфии, доверив содержание дома своим друзьям и обещав вернуться не ранее начала осени. Не могут ли они по мере своих скромных сил чем-то заменить его? Скажем, ответить на еще какие-нибудь вопросы его светлости Рендера?

– Можете и ответите, – сказал, как отрезал, Верховный Дознаватель. – Причем в ваших интересах отвечать правдиво. Имена Юнры Тавилау и Клелии Кассианы диа Лаурин вам ни о чем не говорят?

– Душечка Юнра? – наперебой защебетали девицы. Конечно, они прекрасно знают Юнру Тавилау и ее милейшего брата Адриеша! (Упомянутый Адриеш, получивший строжайший приказ месьора Рендера, держался в тени и из последних сил хранил молчание, а вконец распоясавшийся Киннамон Кадоре старательно смущал его призывающими взглядами.)

– Кто же ее не знает! Прекрасная душа, острый ум, хотя особо общительной ее не назовешь. Должно быть, последствия своеобразного воспитания. Когда последний раз ее видели? Да не далее, как вчера! Здесь, в «Альнере», на празднестве последнего летнего новолуния. Она пришла с друзьями – несколько странноватыми для девицы ее положения, но симпатичными. С кем именно? С девушкой из Обители Куртизанок... как же ее зовут? Динона или Денира? С ними были двое молодых людей, наверное, из числа компаньонов Старого Аземы. Тот, что постарше, Эльраим Бар-Ракат – ну такой красавчик, такой душка, просто прелест и загляденье!

– Светлые Боги, – пробормотал немедиец, у которого от девичьей трескотни уже звенело в ушах. – Помолчите, все трое! Ставлю вопрос иначе: где сейчас могут находиться Юнра Тавилау и графиня Клелия Кассиана диа Лаурин, подданная королевства Офир?

Девицы озадаченно посмотрели на Кари. Кари переглянулся с Киннамоном Кадоре.

– Диа Лаурин, диа Лаурин, – озадаченно повторил месьор Сегеван, припоминая.

– Клелия Кассиана, Звезда Офира, – вполголоса подсказал Киннамон. Кари изящнейшим жестом взмахнул кистью:

– Ну конечно же! Я как-то сразу и не понял, о чем вы. Да, мне доводилось слышать про эту даму. Изумительно прекрасна, баснословно богата, входит в ближайшее окружение

офирского трона. Обожает путешествовать и имеет широчайший круг друзей и знакомых – от королей и верховных жрецов до нищих и разбойников с большой дороги. Поразительная женщина, настоящая живая легенда наших времен. Жаль, что никому из нас не довелось лицезреть ее воочию. Не имею ни малейшего понятия, где ее можно найти. Юнру, впрочем, тоже. А что такое?

– У меня есть сведения, что эти две женщины насилино удерживаются в пределах поместья «Альнера», – железным голосом отчеканил Рекифес. – Кроме того, есть свидетели незаконной и опасной волшбы, творимой в этих стенах. Если это так, в ваших интересах немедленно и добровольно во всем сознаться, а пленниц отпустить на свободу. В противном случае властью, данной мне Троном Дракона, я буду вынужден самым тщательным образом обыскать имение.

– Клелия? Пленница здесь, в «Альнере»?! – изумился (по мнению Хисса, весьма правдоподобно) месьор Сегеван. – Незаконная волшба… что за вздор?! Должно быть, новый донос какого-нибудь полуграмотного «доброжелателя»? Разумеется, мы не прячем у себя никаких похищенных аристократок, не держим в доме камеру пыток и не пьем кровь невинных жертв за обедом! Стыдно вам, разумному человеку, дворянину, верить в подобную чушь!

Его приятель, однако, повел себя иначе. Если долговязый Кари Сегеван явственно нервничал и постоянно озирался через плечо, то непотребный юнец с каждым мгновением становился все более развязен и преисполнялся какой-то странной нахальной уверенности. Хисс отметил эту уверенность и решил, что она не к добру.

– Вы так уверены в этих своих сведениях, господин Верховный Дознаватель? – насмешливо протянул Киннамон Кадоре. – Настолько, что рискнете силой вломиться в частные владения в квартале Асмак? А если мы вам не позволим?

– Я всегда добиваюсь своего, месьор Кадоре, – ответил немедиец. – В том числе и силой, если меня к этому вынуждают. Там за дверью – два десятка моих мечников. Попробуйте мне помешать, и увидите, на что они способны. Так что, если вам и впрямь нечего скрывать, дайте моим людям провести положенный досмотр, а уж потом можете жаловаться куда угодно, хоть лично королю Нимеду. Пока что ваше поведение лишь укрепляет меня в моих подозрениях.

Сегеван и Кадоре вновь переглянулись, и женоподобный красавчик ухмыльнулся. Ухмылка была исключительно скверная.

– Мы ни в чем не виновны, и не желаем, чтобы собственность нашего друга подвергалась каким-либо досмотрам. Тем более в его отсутствие, – сухо заявил Кари Сегеван. – Если вы, месьор Рендер, и ваши люди сейчас же не покинете дом, куда вас не приглашали, мне, как это ни жаль, придется прибегнуть к более веским методам убеждения. Барренса, не сочти за труд, кликни стражу, – одна из девиц послушно сорвалась с места и умчалась вверх по лестнице, звонко молотя каблучками по мрамору.

– Не хотелось бы превращать обывательские сплетни в войну между Асмаком и Сыской Когортой, – поддержал Киннамон. – Если поводом для вашего визита послужило чье-то подметное письмо, то в нем нет ни слова правды. Теймураз иль'Ваххаби сейчас едет по дороге на Керкиру, а местонахождение ее светлости диа Лаурин и госпожи Тавилау-младшей нам неизвестно. Здесь их нет. Либо доверьтесь нашему слову, либо привозите заверенное всеми печатями и подписями разрешение Городского Совета на обыск. Кстати, если вы собираетесь перетряхивать город в поисках пропавших женщин, поищите заодно еще одну

неведомо куда сгинувшую особу – Нейрзу Сейдан. Вчера вечером она удалилась в свои покои, а сегодня утром ее уже никто не видал...

– Может быть, побежала совершать очередное жертвоприношение в храме Шеблы? – с наисерьезнейшим видом предположил господин Рекифес, припомнив вздорную белокурую девицу, пойманную вкупе с приятелями во время проведения колдовского ритуала.

Сегеван и Кадоре, также задержанные минувшей весной в злосчастных руинах, намек поняли. Кари скривился, будто раскусил лимон. Его приятель только пожал плечами.

Наверху слаженно затопало не менее дюжины обутых в тяжелые сапоги ног – прибыло вызванное подкрепление.

Верховный Дознаватель отчетливо скрипнул зубами. Такой оборот событий он, в общем-то, предвидел, но полагал, что у жильцов «Альнеры» не хватит духу отважиться на серьезную ссору с Когортой. Поупрямятся для виду, скажут пару гадостей – и откроют двери,смотрите, мол, нам скрывать нечего! Однако месьор Кари и его дружок уперлись рогом всерьез. Конечно, два десятка немедийских гвардейцев раскатают здешнюю стражу на пергамент, но...

Не устраивать же побоище средь бела дня прямо посреди квартала Асмак! Хотя – почему бы и нет? В конце концов, он в этом городе верховная власть или как?!

Хозяева «Альнеры» расценили его колебания по-своему.

– Правильно сомневаетесь, месьор Рендер, – снова заговорил Киннамон Кадоре. – Позволю себе еще усугубить ваши сомнения. Да, Замора – немедийский протекторат, но земля, на которой стоит «Альнера», является собственностью туранского подданного, приближенного императора Илдиза, да продлятся вечно дни его. Причем сей человек действовал от имени и по поручению туранской короны. Следовательно, здесь владения Турана... что подтверждается фирмой, выданным в коронной канцелярии Аграпура и заверенным в шадизарской городской Управе. Вы не знали? Ай-яй-яй...

С последними словами месьор Кадоре жестом фокусника извлек из-за пазухи свернутый в трубку свиток, украшенный здоровенной печатью золотистого воска.

Свиток перешел из рук в руки, и изрядно удивленный таким неожиданным поворотом событий Рекифес Рендер с раздражением понял: обитатели «Альнеры» взяли над ним верх. Подлинный фирманс императора Илдиза Туранского, на редком и ценном белом пергаменте, с витиеватыми строчками туранской вязи и всемиложенными росписями. Каким образом, во имя Митры, иль'Ваххаби сумел заполучить такое сокровище? Неужели придется отступить? Вот чего ему еще не хватало, так это вызванной его действиями грызни между немедийским и туранским посольствами, отголоски которой непременно дойдут до обеих столиц! Слишком много для одного человека, пусть даже и Верховного Дознавателя...

Мельком Рекифес уловил полный нескрываемого презрения взгляд Младшего Тавилау: вот оно, ваше хваленое правосудие! Испугались, доблестный хранитель закона! Поражены собственным оружием – сводами уложений и предписаний!

Единственное, за что мог уцепиться месьор Рендер – беззастенчивая ложь Кари Сегевана касательно отъезда Теймураза иль'Ваххаби. Караванов в Коринфию в ближайшую седмицу не уходило, и Таможенная Управа не выдавала подорожного листа на имя иль'Ваххаби. Разве что тот отправился в дорогу не через ворота, как добропорядочный подданный, а выскользнул тайком. Слабая зацепка, но все же...

Немедиец уже подготовил достойную фразу, и тут в приемной зале особняка на Серебряной аллее произошло нечто из ряда вон выходящее.

Огромный дом содрогнулся. С жалобным звоном пролился водопад бьющихся разноцветных стекол. Лестничные ступеньки наискось пересекла длинная и глубокая трещина, с потолка посыпалась каменная крошка. Дверной проем перекосился, левая створка сорвалась с петель и вывалилась наружу, искусственная резьба брызнула щепками. Одна из девиц вцепилась в раскачивающиеся перила и истощно завизжала, вторая, не удержавшись на ногах, упала на четвереньки.

Во дворе яростно загалдели, но все звуки с легкостью перекрыл чудовищный рев, исторгнутый кем угодно, только не человеческим существом. Рев исходил откуда-то снизу, из-под фундамента – а может, со всех сторон, облекая людей, как густая смола. Он длился и длился, забираясь под череп, сводя с ума и лишая малейшей способности здраво соображать. Оборвался чудовищный звук столь же внезапно, как и начался – его, точно острейшим ножом, перерезал короткий пронзительный свист.

Кари Сегеван с неузнаваемо искажившимся лицом устремился к боковой двери. Незваные гости и друзья более не имели для него никакого значения. Киннамон Кадоре, мигом отбросивший всю свою манерность, устремился было следом, но на плечах у него повис Адриеш. Тавилау-младший одним прыжком настиг удирающего Кадоре, схватил за глотку и принял равномерно встряхивать, приговаривая:

– Где сестра, паскудник? Куда дели Юнру? Отвечай, пока я тебя не придушил!..

Красавчик изо всех сил брыкался и вертелся ужом, но хватка у взбешенного Адриеша оказалась железная. «Птенчик» уже начинал задыхаться.

Хисс, выставив перед собой короткий нож, растерянно озирался по сторонам.

Здание продолжало сотрясаться, мозаичный мраморный пол дрожал под ногами, разбегаясь трещинами. Тяжелые, мягкие толчки шли откуда-то из-под земли, словно под «Альнерой» собиралось раскрыться жерло огнедышащего вулкана или как если бы нечто огромное пробивало себе путь на поверхность сквозь толщи земли и камня. Одновременно на пороге появился один из немедийцев, обнаженный меч плясал в его руке:

– Ваша милость, уходите! Дом рушится, чернокнижники бегут, как крысы с дырявой посудины! С полдюжины мы уже повязали!

Странно, но именно в этот момент Верховный Дознаватель почувствовал какое-то особенное, ни с чем не сравнимое облегчение. Вот теперь все было правильно, все встало на свои места. Проклятый безумный городишко наконец показал во всей красе свою безумную сущность.

* * *

В кой веки заверения Ши Шелама оказались чистейшей воды правдой. Незваные гости из Нарикано без особых затруднений просочились сперва в Ламлам, а оттуда в Асмак – по задворкам роскошных дворцов и особняков. Владельцы сих великолепных зданий вряд ли догадывались, каковы на вид тылы их собственности, и уж точно никогда в жизни не удостаивали их личным присутствием.

Сборище получилось довольно пестрое. Собственно старшина Нарикано, Кодо Ходячий Кошмар, и призванный им десяток «пастуха» с многозначительным прозвищем Трижды

Повешенный. Аластор Кайлиени, Ши и подросток-варвар, и вдобавок – неотлучный спутник Дурного Глаза, хорек Диззи. На границе Ламлама к отряду присоединились Хасти Одноглазый и сумрачный Рейф, старшина телохранителей пропавшей дамы диа Лаурин, вкупе с пятеркой своих подчиненных – доведя численность разношерстной армии до двух десятков. Рейф немедля облил молчаливым презрением всех без исключения спутников Кодо Сиверна и его самого.

Хасти же относился ко всему происходящему с живейшим интересом, не гаснувшим даже перед необходимостью пробираться помойками и закоулками. Для чего он сам напросился в этот опасный поход, большей части собравшихся было неясно – то ли чтоб извести под корень загадочную «пустоту», угнездившуюся в «Альнере», то ли заради возможности испытать в бою подаренный Рейфом боевой посох. Однако отговаривать такого великолепного бойца никому и в голову не пришло. Пусть будет.

Ограду «Альнеры» миновали через уже знакомую Малышу и Ши Шеламу укромную калитку.

– Хисса с немедийцами не ждем, – сумрачно буркнул Альс, хотя с ним и так никто не спорил. Половина отряда горела жаждой мести, другая половина – жаждой наживы. – Каждый миг на счету. Неизвестно еще, что там сейчас делают с Клелией.

– И с Юнрай, – поддакнул Ши.

Добравшись до особняка, вскрыли первое подвернувшееся окно и по очереди забрались внутрь, в пыльный полумрак, вскоре рассеченный тонкими лучами зажженных потайных ламп. Из-за пазухи Аластора вынырнул сидевший всю дорогутише мыши Диззи, повертелся туда-сюда, определил направление и потрусили вперед.

– Ты бы еще целый зверинец с собой притащил, – высказал свое мнение Повешенный. На него дружно зашикали, а обернувшийся хорек оскалил мелкие зубки и свирепо фыркнул. Боец Кодо незамедлительно примолк.

На сей раз шли короткой дорогой, без плутания по заброшенным пустым комнатам. Дважды наткнулись на запертые двери, распахивавшиеся после короткой возни Аластора с замками. Спустились по громыхающей винтовой лестнице кованого чугуна и угодили в памятный коридор. Еще с полсотни шагов, поворот направо, двадцать шагов – и нахально поблескивающая в свете потайных фонарей медная дверь.

Кто-то восхищенно присвистнул. Хасти сунулся поглядеть на невиданное чудо поближе, зачем-то поскреб в некоторых местах выпуклость диска, украшенного диковинными цветами либо зверями, и отступил назад.

– Альс, давай, покажи мастерство! – забормотали спутники Ночного Кошмара, изрядно наслушанные о подвигах Дурного Глаза в деле взлома всяческого рода замков и запоров. – Спорю, справится за квадранс! Ставлю пять талеров – кто принимает? Десятка, что уложится быстрее! Шелам, отсчитывай! Да смотри, не мухлюй!

– Молчать всем! – жутким голосом рявкнул Аластор. – Отойдите шагов на пять. Кто не слышал, пеняйте на себя...

Повторять дважды не потребовалось: все знали о существовании хитроумных ловушек, встроенных в двери, а некоторые воочию видели просивших подаяние неудачников, забывших об осторожности и слишком рано бросившихся к добыче.

Ши ждал, что Альс сейчас полезет в болтавшуюся на поясе кожаную сумку, битком набитую полезными приспособлениями: разнообразными по виду и форме отмычками, причудливо изогнутыми крючками и тонкими шильями. Однако Дурной Глаз не притронулся

к своей счасти, а просто встал перед бронзовой дверью, упрямо наклонив голову и уперев руки в бока.

— Открываться будем? — вопросил он с той усталой интонацией, с какой хозяин успокаивает разыгравшуюся собаку или мать беседует с капризным ребенком. — Или начнем упрямиться? Давай-давай, освобождай дорогу. Недосуг мне с тобой возиться.

Ши оторопел. За его спиной кто-то хихикнул. У Рейфа отвисла челюсть.

— Мама, мама, иди скорей, наш папа с дверью разговаривает, — детским голосом пропищал бандит по прозвищу Гиря. Сгрудившаяся в тесном коридоре компания дружно захрюкала... и потрясенно смолкла.

Медные змейки шевельнулись.

Они двигались не так, как живые создания — плавно перетекая из одного состояния в другое — но дергаными рывками, точно разрывая удерживающие их незримые нити. Разноцветные камни в глазницах засветились холодными огоньками, головки раскачивались, стальные язычки метались в открытых пастиах. Позади Ши кто-то от души выругался, кто-то помянул богов и лично Покровителя Обманщиков, прося немедленно вступиться.

Тусклые взгляды медных змеек сошлись на Аласторе.

— Я жду, — взломщик нетерпеливо притопнул ногой. — Договоримся по-хорошему? Я ведь и по-плохому могу, но что тогда от тебя останется, представляешь? Разве что старьевщику в Ржавом проезде снести. Ну?

Змейки дружно зашипели — словно вдалеке осторожно ударили войлочным молотком по звонкому гонгу. Туловища их вновь плотно прилегли к широкому ободу диска. Одновременным стремительным движением десять головок метнулись вперед и десять челюстей с жестяным клацанием сомкнулись на десяти бронзовых хвостах.

Диск слегка вздрогнул, приподнялся вверх и начал медленно поворачиваться, издавая чуть слышный скрип.

— Готовься, — прошипел Ночной Кошмар, но и без его приказания толпившаяся в коридоре шайка ощетинилась ножами, дубинками, кастетами и даже одним самострелом.

Протянувшиеся поверху и понизу диска могучие засовы плавно разъехались в стороны и исчезли в стенах. Медные пластины, покрывавшие громадную створку и слегка потемневшие от времени, внезапно засияли, как в первый день своего создания.

Спустя миг дверь исчезла. Просто сгинула, будто ее никогда и не было, оставив зияющий прямоугольник коридора, шагов через десять плавно расширившийся и переходивший в полукруглую лестницу с широкими ступенями.

Лестница спускалась в зал с низким потолком и двумя рядами толстых квадратных колонн. Зал был огромен — разум не сразу соглашался с существованием под землей такого большого помещения: самое малое сотня шагов до дальней стены, да столько же в поперечнике. Судя по грубой, примитивной кладке стен и колонн, зал был древним — едва ли не ровесником Шадизара, много старше самой «Альнеры». Большая часть зала тонула в полумраке, лишь центральный проход освещали закрепленные на колоннах трескучие факелы да в конце этого прохода на возвышении горело множество масляных ламп, очерчивая яркий световой круг.

По низкому потолку метались жуткие причудливые тени. Мерцал холодный зеленый огонь. Десяток неподвижных фигур в черных балахонах, стоящих через равные промежутки по границе круга, выпевали что-то медленным речитативом. Эти черные фигуры особенно четко выделялись на фоне дальней стены, белой, украшенной то ли мозаикой, то ли фреской:

ажурно сплетенная паутина с черно-золотым пауком в центре. Увлеченные творящимся колдовским действом, заклинатели даже не обратили внимания на внезапно появившихся у входа в зал незваных гостей.

А еще дальновидный Ши Шелам разглядел странный каменный алтарь, некие смутно знакомые предметы, лежащие у ног каждого из творящих заклинание чернокнижников и тонкую женскую фигуру, прижавшуюся к одной из неуклюжих колонн. Прижавшуюся – или привязанную? Ну да, на девице цепи… а сама она…

– Юнра! – завопил Ши и первым бросился вперед.

– Началось, – выдохнул Аластор Кайлиени. – За Ферузу!

– За Клелию! – рявкнул Рейф, выхватывая меч.

– За «Уютную нору»! – вскричал Конан, скатываясь по ступенькам следом за Аластором, Рейфом и Ши. – За Райгарха! За…

Дальнейшие его слова потонули в дружном реве головорезов Кодо Сиверна:

– Алмазы и золото! Бей колдунов!

* * *

Первому же из вошедших в винный погреб людей, кто осмелился протянуть к ней руку, благородная госпожа Клелия Кассиана на удивление ловко и умело отвесила пинка в то уязвимое место, коим не дорожат только евнухи. Обычный человек тут же согнулся бы в три погибели, извещая мир о своей беде громкими стонами.

Удар получился на славу – во всяком случае, ногу себе Клелия отбила. Однако подручный Теймураза иль'Ваххаби не обратил на пинок никакого внимания. Бесцеремонно стащил женщину с облюбованного ею бочонка, без труда скрутил руки, чтобы не вырывалась, и поволок наружу. Утонченная офорская графиня ругалась на чем свет стоит – некоторых ее высказываний Юнра просто не поняла.

Именно сейчас до девицы Тавилау-младшей дошел весь ужас положения, в котором они оказались. Не будет никакой помощи. Они угодили в руки к безумцам и просто сгинут без следа.

Еще более, чем сам факт похищения и заточения, ее пугали безмолвные спутники иль'Ваххаби. В последние дни она не раз слышала загадочные слова, описывающие разгромивших трактир «Уютная нора» людей – их почему-то именовали «пыльными, безликими и пустыми». Теперь Юнра поняла, почему. Трое помощников иль'Ваххаби для жителей солнечного Шадизара были какими-то болезненно бледными, с сероватым оттенком кожи, не разговаривали, смотрели тусклым взглядом прямо перед собой, и даже запах от них шел не человеческий, а хорошо знакомый девице Тавилау пряный и сухой аромат слежавшегося старого пергамента. Зато силы в диковинных воинах было вдвое против обычного – когда Клелия намертво уперлась в дверях подвала, не желая выходить, «серый» попросту одной рукой поднял, как котенка, рослую офорку и без особого труда пронес подмышкой с десяток шагов.

Вскоре Клелия осознала, что ее проклятия не достигают цели, и удрученно замолчала. Тишину нарушило лишь размеренное шарканье подошв, и Юнра рискнула подать голос:

– Скажите, куда мы идем? Зачем мы вам нужны?

Гробовое молчание в ответ. Шагавший впереди Теймураз свернул в темный коридорчик, загремел ключами, и женщины поочередно втолкнули в низкий проем. Клелия, бросив взгляд по сторонам, удивленно охнула. Младшая Тавилау вполне разделяла ее удивление: ей в голову не приходило, что под «Альнерой» скрывается такой огромный зал. Медная дверь, которую они с Ши обнаружили, наверняка ведет именно сюда – вон вдалеке виднеется уходящая наверх лестница.

Пленниц провели между толстых, приземистых колонн к ярко освещенной площадке и написанной на светлой штукатурке фреске – паутина с восседающим в центре золотым пауком.

– Вот они, твои ненаглядные любимцы-пауки, – злорадно бросила диа Лаурин. – Во всей красе. Просветленные искатели истины среди паучьих тенет. Тыфу! Смотреть на вас противно. Века идут, а такие, как вы, не переводятся. Но все же, в чем их сила?..

На короткое время женщин почти предоставили самим себе, лишь приставив к каждой по «серому» охраннику. Иль'Ваххаби с подручными куда-то удалились, «серые» стражи не двигались и, кажется, даже не дышали, и Юнра дала полную волю своему любопытству. А посмотреть было на что. Впервые в жизни девица Тавилау очутилась в самом настоящем капище – капище Затха Всеведущего.

В центре круглой, слегка вдавленной, как тарелка, площадки гладкий каменный пол вздыпался двумя горбами из черного мрамора – один побольше и слегка вытянутый, другой поменьше, а от них к краям «тарелки» разбегались десять тонких лучей-желобков. Что-то это сооружение ужасно напоминало... Юнра наморщила лоб, пытаясь вспомнить, и сдавленно охнула, узнав. Собственно, догадаться сразу мешал размер: туловище огромного паука-крестовика, высеченное в камне, было величиной с лошадь, лапы-желобки в размахе достигали едва не дюжины шагов. А этот заглубленный, до блеска отполированный крест на спине мраморного тарантула – что это, попытка неведомых строителей капища придать своему идолу сходство с оригиналом? Но зачем тогда эти бронзовые кольца, вделанные в камень на концах креста размером как раз в рост человека?..

Жертвенный алтарь, вот что это такое, сказала себе Юнра, чувствуя, как внутри нее все заледенело.

Паучьи лапы-желобки оканчивались круглыми углублениями размером с суповую миску. Вновь появился Теймураз иль'Ваххаби, но на сей раз его сопровождали не только безликие воины, но и десяток фигур, задрапированных в черные балахоны. Новоприбывшие двигались с торжественной медлительностью, неся на вытянутых руках разнообразные предметы – иные из этих предметов полностью умещались в ладонях, но Юнра увидела изогнутый турецкий ятаган из драгоценной дымчатой стали, толстый фолиант в потертом черном переплете, изумительной красоты алмазную тиару, отлитый из чистого золота солнечный диск... Процессия двинулась кругом алтаря, обходя его посолонь, каждый из идущих бережно клал свой талисман в чашу на конце паучьей лапы и сам вставал рядом. Еще кто-то сутился у светильников, что-то добавляя в масло, отчего пламя вспыхнуло ярче, а в воздухе разлился сладковатый прозрачный дым.

Связка украшенных самоцветами ключей на одном кольце. Маленькое серебряное зеркальце в резной оправе. Пузатый флакончик с оранжевой жидкостью. Клелия, гневно сдвинув брови, беззвучно шевелила губами. Она явно узнавала каждый из принесенных участниками ритуала амулетов. В три оставшихся чаши легли тяжелый, грубо литья

перстень с рубином, тонкий жезл с великолепным огненным опалом в навершии и пожелтевший от времени лошадиный череп с вставленными в глазницы сапфирами.

Клелия Кассиана смотрела на талисманы божественных Сил, и в глазах офирики разгорался незнакомый доселе огонь.

Юнра, для которой все эти предметы ровным счетом ничего не значили, смотрела на полускрытые капюшонами лица Искателей Истины, знакомые ей в той же мере, что Клелии – амулеты богов. Не в силах более сдерживаться, девица Тавилау жалобно воззывала:

– Гиллем! Минсла! Вельбор! Это же я, Юнра, Юнра Тавилау! Что вы делаете?! Нейджел, посмотри на меня! Мы ведь сколько лет знакомы! Нельзя же так запросто хватать человека и...

– В самом деле, Совершенный, – нерешительно заикнулся один из безошибочно узнанных Юнрой чернокнижников, в миру Гиллем Лариан, единственный наследник торгового дома Лариан, поворачиваясь к молчаливому иль'Ваххаби. – Это же Юнра, то есть я хотел сказать... Возможно, она будет нам полезна? Может, сохранить ей... предложить ей место среди нас?

– Среди нас нет свободных мест, – резко откликнулся гигант. – Она многое знает, и она была с нашими врагами. Ей нельзя доверять.

– Да ничего я не знаю! – заверещала Юнра. – Ровным счетом ничего! Ни я, ни она! А если вы тут затеяли поклонение Всезнающему, так это ваше личное дело! Только не надо этих... кровавых приношений!

Возможно, девице Тавилау и удалось бы убедить кое-кого из присутствующих – скажем, Гиллем Лариан был готов пойти навстречу давней приятельнице, но тут из-за колонн вынырнула еще одна фигура в длинном балахоне, только не черного, а неопределенного-серого цвета. Откинув с лица капюшон, безликая фигура обернулась невысокой полноватой женщиной средних лет – совершенно домашней и безобидной с виду, однако даже огромный турец при ее появлении будто бы сделался ниже ростом и усох в плечах.

– Что происходит, Теймураз? – холодно обронила она. – Я смотрю, у вас с этой девчонкой намечается приятная беседа? Все готово к ритуалу Пустоты. Нас ничто более не держит, так начнем же, во имя Всесущего!

– Это Юнра Тавилау, – торопливо и заискивающе проговорил Гиллем. – Наследница одного из богатейших семейств Заморы. Может, дадим ей хотя бы возможность выбора? Она наверняка сама пожелает приобщиться к Великой Сети, и...

– Ты сказал, и я тебя услышала, – нетерпеливо отмахнулась госпожа Эсма (в коей многие из жителей Шадизара без труда узнали бы знахарку Эсму Халед по прозвищу Ворчунья). – Уберите ее... пока. Потом посмотрим, что с ней сделать.

Безмолвные стражники оттащили Юнру в сторону. На одной из колонн обнаружились вделанные на высоте человеческого роста тяжелые железные кольца с прикованной к ним цепью – не успела Тавилау-младшая и слова сказать, как уже с недоумением таращилась на свои намертво скованные запястья. Боли ей не причинили, но беспомощно топтаться у колонны, уподобившись козе на веревке, было ужасно неприятно и неловко.

К тому же она боялась за Кассиану диа Лаурин, отнюдь не искавшую путей к примирению.

— Эй, ведьма, — негромким и каким-то чужим голосом окликнула Клелия. — Погляди на меня. Знаешь ли ты, кто я такая?

Та, кого называли ведьмой, не спеша повернула голову. С десяток ударов сердца они мерялись взглядами — приземистая, расплывшаяся с годами Эсма и великолепная, несмотря на пребывание под замком, Клелия. Сообщество Ищущих Истину с затаенным трепетом выжидало, чем окончится этот безмолвный поединок.

— Да, я знаю, *кто* ты на самом деле, — спокойно сказала наконец Эсма Халед. — И что с того?

— Только попробуй хоть пальцем меня тронуть, — тем же ровным и властным тоном произнесла Клелия Кассиана. — У тебя и в самом деле есть Дар, но ты не ровня мне. Подумай о последствиях, ведьма. Предлагаю первый и последний раз: прекратим этот балаган. Отпусти меня и девочку, верни то, что украдено тобой, и даю слово — ни я, ни мои сородичи не станут мстить.

— Ох, напугала. Мстить она не будет, поди-ка, — презрительно фыркнула Эсма. — И прекрати называть меня ведьмой. Я — высшая жрица Затха Всеведущего, Хозяина Паутины, одна из немногих, владеющих тайным знанием. А вот *тебе* известен ли предел наших возможностей? Теймураз, покажи ей...

Молчаливый иль'Ваххаби отступил назад, повозился с сундуком, приткнувшимся у основания одной из колонн, и предъявил Клелии, а также всем собравшимся матово блестящий металлический шар величиной с небольшую дыню.

Эсма легко коснулась ладонью шара, и загадочный предмет вдруг ожила. Шар неярко переливался оттенками багрового и вишневого, точно внутри него горела небольшая свеча. Изготовлен он был, как теперь казалось, из хрусталя или стекла, но весил явно куда больше, чем полагалось обычному хрустальному шару — не обделенный силой иль'Ваххаби с трудом удерживал его на вытянутой руке и быстро переложил на каменное возвышение возле «головы» паучьего жертвенника.

Странный шар, словно и впрямь был живым, на месте не улежал. Едва коснувшись пыльного постамента, он вдруг окутался ядовито-зеленым сиянием и легко, бесшумно поднялся на ладонь в воздух, разбрасывая вокруг резкие блики.

— Знакома ли тебе эта вещь, о пресветлая? — насмешливо спросила Ворчуния.

На лице Клелии ярким румянцем проступила мгновенная растерянность.

— Так вот что у вас было... — севшим голосом пробормотала офирика. — Но это же... оно создавалось не для того, чтобы служить Пауку...

— Все в мире служит Повелителю Сети, — отрезала жрица. — Теперь ты понимаешь, сколь смешны твои угрозы? Нынешний ритуал придаст Оку Бездны полную силу, забрав ее из амулетов ложных богов, и тогда мои возможности станут поистине безграничными. А ты мне в этом поможешь. Не по доброй воле, так по принуждению, но ты придешь к нам, и твои силы приумножат могущество Повелителя...

Клелия Кассиана умела быстро справляться со своими чувствами. В ответ на угрозы офирика лишь с показным равнодушием пожала плечами:

— Деревенский дурень может отыскать волшебный меч, но легендарным героям ему все

равно не стать. Вы не сумеете воспользоваться случайно доставшейся мощью. Рано или поздно она вас погубит, как некогда погубила кхарийцев.

— Сумеем! — запальчиво выкрикнул один из черных балахонов. Судя по срывающемуся голоску, внутри бесформенного одеяния скрывалась молоденькая девица. — Мы многое умеем, а скоро сможем еще больше!

— Не льстите себе, дорогая, — холодно посоветовала госпожа диа Лаурин.

— Довольно болтовни, — приказала Эсма Халед. — Начинаем.

И внезапно взмахнула в сторону Клелии раскрытой ладонью.

Похоже, то был незримый колдовской удар. Офирскую графиню швырнуло спиной вперед, и она зацепилась подошвой сандалии за выщербленную плитку пола. Ее тут же подхватили давешние угрюмые спутники иль'Ваххаби, сбили с ног, и вокруг упавшей Клелии сомкнулись одинаковые черные спины Искателей Истины. Когда поклонники Затха Всезнающего и Вездесущего расступились, изрядно растрепанная и лишившаяся большей части своих одежд Клелия Кассиана лежала в крестообразном углублении на спине каменного паука, притянутая за запястья и лодыжки какими-то блестящими шнурами. Она не кричала, как непременно бы поступила на ее месте девица Тавилау, но сдавленно рычала сквозь зубы и яростно дергалась, вопреки доводам рассудка пытаясь освободиться.

Эсма Халед мимоходом пнула ее носком туфли в бок, буркнув:

— Лежи смирно. Чему быть — того не миновать.

* * *

Тавилау-младшая проклинала свое любопытство, но ничего не могла поделать: ей позарез хотелось не только видеть происходящее, но и знать его смысл.

Церемония, должно быть, проводилась уже не раз и каждый знал отведенную ему обязанность. Теймураз со своими подручными отступил в тень, за границу освещенного круга; Эсма Халед встала за постаментом и погрузила пальцы в окружавшее загадочный шар зеленое сияние, не касаясь, однако, гладких боков. Перешептывания смолкли, как отрезанные ножом, в подвале зазвучала перекличка голосов — сперва один, потом к нему присоединился другой, третий... Язык служения Юнре распознать не удалось: медленный, тягучий, он тек, подобно струйкам дыма, сплетаясь в причудливые кольца и завитки. В подвале стало холоднее — сперва девица Тавилау сочла, что ей мерещится с перепугу, потом сообразила, что личные ощущения тут не при чем. На колоннах выступили белесые пятна изморози, и пару раз она даже заметила облачко собственного дыхания.

Должно быть, рассудок Юнры переступил через ту черту, до которой она еще была способна испытывать страх. Не то, чтобы она полностью перестала бояться, но теперь к ней вернулась способность соображать. Ей позарез требовалось отыскать способ выбраться отсюда. Желательно целой, невредимой и в обществе госпожи диа Лаурин. Приглядывая краем глаза за действиями внутри колдовского круга, она принялась изучать звенья цепи, удерживавшей ее возле колонны. Может, удастся открыть замок? Шпилька-то у нее есть, только как до нее дотянуться? Она уже примерилась, как бы половчее извлечь из прически чудом сохранившийся длинный кусочек бронзы, когда мерный речитатив Искателей Истины

заглушил пронзительный, прямо-таки свинячий визг.

Тавилау-младшая в жизни бы не поверила, что человек способен испускать подобные звуки, и тем более – что надрываться станет живое воплощение сдержанности и хладнокровия, Клелия Кассиана диа Лаурин. У офирики имелась веская причина для криков: с низкого потолка на десятках нитей спускались крупные пауки. Размах суставчатых лап у некоторых вполне достигал большой тарелки, и Юнра передернулась, представив, каково сейчас Клелии – ведь та ненавидит пауков больше всего на свете.

Достигнув пола, насекомые устремились к распятой на алтаре женщине. Вопли диа Лаурин достигли такой высоты и громкости, что могли, наверное, без труда крошить гранит или расколоть на мелкие кусочки кристалл. Бешено изгинаясь, насколько позволяли путы, Клелии удалось отбросить или раздавить нескольких наиболее проворных созданий, но спустя еще мгновение она исчезла под нахлынувшей на нее темной волной. Пауки метались туда-сюда, стремительно опутывая свою добычу множеством тонких, липких нитей, превращая ее в плотный кокон. Когда они добрались до лица женщины, крики стали глупе, сменившись невнятным мычанием.

Не опутанными паутиной оставались только руки Кассианы, и тут Эсма Халед, сделав три быстрых шага, ловко и умело чиркнула по запястьям пленницы коротким широким ножом.

Юнра приготовилась к зрелицу заливающего пол кровавого фонтана, однако густая жидкость потекла по бокам каменного тарантула медленно и неохотно. Вот она заполнила кольцевой желобок вокруг алтаря... вот закапала в канавки, ведущие к амулетам... Голоса выпевающих заклятие Искателей Истины зазвучали торжествующим гимном, исходящее от Ока Бездны зеленое свечение стало ярче. Эсме охватила колдовской шар ладонями и, склонившись над ним, что-то настойчиво нашептывала. Сейчас она уже не казалась склонной, но в общем-то безобидной тетушкой Ворчунье, знакомой всему кварталу Нарикано – на возвышении стояла настоящая ведьма, опасная и жестокая, занятая своим таинственным ремеслом.

Искатели Истины плели голосами паутину словесных кружев. Повинуясь их заклятиям, шнырявшие по полу пауки выстраивались в причудливые фигуры, возникавшие и пропадавшие спустя миг. Лапки-желобки темнели, заполняясь кровью обращенной в серебристый неподвижный кокон Клелии Кассианы, скапливающееся напряжение росло, как густеет воздух перед близящейся грозой.

Сверкнула зеленая молния, и разложенные в каменных чашах предметы окутало бледное сияние. Каждая вещь обладала ореолом своего цвета: от медово-золотистого у отмычек и серебряно-пепельного у меча до багряно-черного облака, окружившего книгу. Светящийся туман отрывался от своего предмета, создавая в воздухе его слегка увеличенное подобие. Эсма Халед удовлетворенно кивнула и повысила голос. Мерцающие призраки поплыли к колдунье. Стайкой диковинных рыбок они закружились подле шара, заволокли его и растворились каплями упавшей на раскаленный песок воды. Темный хрусталь вдруг полыхнул алым, и, словно отвечая ему, еле различимыми глазомискрами замерцала на камне кровь Клелии.

Вещи на столиках вновь окутались радужным туманом, и все повторилось заново.
И еще раз. И еще.

Если сведения Юнры Тавилау о магических ритуалах соответствовали истине, то сейчас она стала свидетельницей вытягивания колдовской силы из доставшихся Искателям Истины

могущественных талисманов. Похищенная сила устремлялась в хрустальный шар, а тот, объединив в себе мощь всех десяти, будет способен... на что? Да, пожалуй, на все, что прикажет управляющий им магик. Теперь все объясняется – и нападение на «Уютную нору», и странный набор предметов, и даже возродившийся в последний год интерес к культуре Всезнающего Паука!

Вопрос только в том, проживет ли она, Юнра Тавилау, достаточно долго, чтобы поделиться своими знаниями?

Шар поглотил уже четвертую или пятую порцию Силы, когда в плавном течении обряда что-то нарушилось. Из сумрака между колоннами выскочил человек. Пригибаясь, украдкой приблизился к Теймуразу иль'Ваххаби, выделявшемуся среди прочих балахонов огромным ростом, и что-то зашептал. Последовал быстрый обмен фразами, и человек вновь через весь зал помчался к выходу. Иль'Ваххаби выглядел встревоженным. Он сказал несколько слов своим бесстрастным спутникам, и один из «серых» протянул турецкому тяжелый тесак.

«Что-то случилось! – догадалась Юнра. – Наши друзья обнаружили, что мы пропали, и штурмуют „Альнеру“? Нас разыскивает месьор Рекифес со своей Когортой? Боги, только бы они успели! Только бы вытащили нас отсюда прежде, чем Клелия истечет кровью!»

...Они все-таки успели – в самый последний момент, но все же вовремя – совсем как герои сказочных преданий, до которых была весьма охоча младшая Тавилау.

Над спускавшейся в зал лестницей коротко вспыхнуло медное сияние, и в подземный зал ворвались люди. Люди с фонарями и оружием. Много людей – возникавшей и отчаянно завопившей «На помощь!» Тавилау-младшей показалось, что не меньше полусотни. Ворвавшиеся на несколько ударов сердца замерли на ступеньках, оценивая ситуацию, и, подбадривая себя неслаженным боевым кличем, ринулись вниз. Юнра отчетливо расслышала собственное имя – кто-то истошно звал ее.

Растерявшиеся Искатели Истины сломали круг и сбились в потрепанную воронью стаю, жмущуюся к Эсме Халед. Почтенная дама единственная сохраняла полнейшее спокойствие. Прикрикнула на Теймураза иль'Ваххаби, мгновенно ринувшегося куда-то в глубины левого предела залы, и размашисто перечеркнула воздух перед собой растопыренными пальцами. Шар ответил на ее действия синей вспышкой, а между четырех колонн, окружавших алтарное возвышение, вдруг возникла стена из призрачно мерцающих нитей. Юнра взвизгнула, когда магическая преграда пролегла прямо рядом с ней – за мгновение до того, как в эту стену со всего размаху врезался Ши Шелам. Магическая паутина не подалась ни на волосок, зато Ши неведомой силой отшвырнуло на десяток шагов.

Кто-то заревел, отдавая приказания – и тоже запоздал. Сумрак выпустил в зал бесстрастных подручных иль'Ваххаби, а от входа в подземелье спешили обыкновенные, но вооруженные до зубов охранники поместья «Альнера». Спасители и стражи сцепились в круговорти смертоубийственной стали, и Юнра больше не понимала, кто одерживает верх, а кто проигрывает.

Ши успел крикнуть ей:

– Держись, я сейчас что-нибудь придумаю! – и скрылся из виду.

Глава восьмая

И пришел паук

Дарованное внезапностью нападения преимущество недолго оставалось на стороне Кодо Ночного Кошмара и его бойцов. Успей они за эти краткие мгновения пересечь зал, разогнать опешивших Искателей Истины и захватить их предводительницу, все бы повернулось иначе. Но толпившиеся в дальнем конце «черные балахоны» отгородились непроницаемой колдовской стеной, а незваным гостям приходилось несладко. Отчасти выручал простор подземелья и царивший в нем полумрак, а толстые колонны как нельзя лучше подходили для укрытий в игре в смертельные прятки. Общее побоище превратилось в множество мелких схваток один на один – число сражающихся с обеих сторон было примерно равно.

Самого Ночного Кошмара теснили к лестнице в компании с Рейфом, телохранителем госпожи Кассианы, и мальчишкой-варваром, наверняка воображавшим себя героем древних сказаний Полуночи. Толку от подростка и его клинка было чуть, разве что прикрывал спину. Гораздо большую благодарность судьбе Кодо испытывал за общество Рейфа, знавшего толк в хорошей драке. Кайлиени и Ши Шелам в суматохе куда-то сгинули. Одноглазый Хасти... кстати, а этот куда подевался?!

Хасти, словно демон из поговорки, явился немедленно, стоило о нем вспомнить.

– Остановитесь, безумцы, и подумайте о вечном! – проревел он свою излюбленную фразу, возникая из сумрака за спинами противников с тяжелым посохом наперевес. Громогласный призыв возымел действие лишь отчасти. Но двое ближайших стражников «Альнеры» остановились как вкопанные, и Хасти налетел на них коршуном, приговаривая:

– Да сизойдет на вас благодать Изначального!

Под благодатью Одноглазый понимал полное избавление от невзгод суэтного мира, поскольку окованным торцом своего посоха немедленно проломил обоим черепа. Воспрявшие духом Кодо, Рейф и Конан с новыми силами ударили на оставшихся и преуспели. Широкий меч Рейфа вышел из спины одного врага, палица Кодо обрушилась на темя второму, загнав ему голову в плечи.

И вот тут у месьора Сиверна отвисла челюсть.

Ходячий Кошмар по прежнему немалому опыту как-то привык к тому, что человек с напрочь размозженной башкой молча падает и смирно лежит, дожидаясь труповозов. Охранник «Альнеры», у которого практически исчезла верхняя треть черепа, тоже упал было, выронив кривую турецкую симитарру. И тут же принялся вставать, медленно и неуклюже, слепо шаря вокруг себя выпавшее оружие. Ни капли крови притом не вытекло из жуткой раны, словно удар Сиверна проломил не человеческий череп, а трухлявое бревно.

Рейфу пришлось еще тяжелее. Лезвие меча застряло меж ребер его врага, на что враг попросту не обратил внимания. Его ответный удар отсек бы немедийцу руку по локоть, если б не Малыш, вовремя подставивший свой клинок. Брызнули искры, симитарра убитого, но чересчур прыткого для мертвеца стражника со звоном переломилась у рукояти, отлетевший осколок полоснул Рейфа по щеке. Телохранитель Клелии, еще не успевший осознать всю странность происходящего, яростно взревел. Немедиец отпрыгнул, вырывая оружие из тела противника, и его полуторный клинок по широкой плоской дуге рассек воздух.

Обезглавленный стражник постоял немного и аккуратно завалился навзничь. Обрубок

ши не кровоточил, будто не живого человека отправили на Серые Равнины, а срубили давно засохшее дерево, оставив гладкий пенек. Но и этот тоже не спешил честно умереть, пытаясь привстать и помавая конечностями явно в поисках собственной усеченной главы.

Конан не нашел ничего лучше, как пинком послать искомый череп через весь зал.

* * *

...Большой дом на улице Кисиндо, отделенный от Серебряной аллеи тремя десятками домов и дюжиной перекрестков. Подвал, где стены в постоянной изморози, на полу разложены горсточки костей и вычерчен огромный пентакль. Рослый, нескладный человек в роскошной ало-золотой мантии сидит, скрестив ноги, в середине магического круга и вглядывается в некое действие, происходящее в глубинах хрустального шара. Видимо, действие разворачивается наилучшим для него образом, поскольку маг довольно потирает ладони и торжествующе улыбается.

— Очень хорошо, просто чудесно, — бурчит Рилеранс из Хоршемиша. — Живые истребят живых, оставшихся добьют воины Пустоты, а для меня самое время заняться хозяевами.

Он откладывает в сторону видящий кристалл и тянется за зловещего вида черной книгой с бронзовыми застежками в виде прыгнувших леопардов. Под сводами подвала начинают звучать слова древнего заклятия, именуемого «Тропой Мертвцевов», свечи в шандалах меркнут, по стенам ползут чудовищные тени. Костлявая ладонь некроманта покоится на обложке дневника Рюцциля. Заклятье вступает в силу, и по владениям Нергала проносится волна магических возмущений, возвращая тем, кто давно упокоился в земле, некоторое подобие жизни.

Любой город стоит на костях многих поколений его жителей. Шадизар не является исключением. У того, кто умеет говорить с мертвыми, всегда под рукой неисчислимая рать.

Теперь осталось одно, последнее и самое сложное заклинание. Снова звучит древний язык, снова падают тяжелые, как кузнецкие молоты, слова, должны отделить дух мага от его смертной плоти. Очертания тела мага, неподвижно сидящего на подушках в центре пентакля, расплываются, колеблются, двоятся, словно отражение в водной глади под легким ветерком. Короткий крик боли. Судорога и порыв холодного ветра, задувший свечи. Мгновение полного сумрака.

Потом свечи сами по себе вспыхивают вновь. Теперь в заклинательном чертоге два Рилеранса. Один, словно окостенев, застыл над дневником Рюцциля, черты его лица искасаны мукой. Второй, почти неотличимый внешне от настоящего, делает шаг и бросает изумленный взгляд на собственное бренное тело.

— Получилось в лучшем виде, — довольно произносит Рилеранс-второй. «Произносит» — определение из мира живых: у духов нет легких, гортани и языка, и в мрачном подвале не раздается ни звука. Однако, если бы кто-то из слуг по склону заглянул в этот миг в подвал, слова эти возникли бы прямо у него в мозгу. — Что ж, пора добывать себе всемогущество.

Двойник Рилеранса решительно шагает прямо в стену. И стена пропускает его.

* * *

Надежды Юнры Тавилау на освобождение таяли, шипя и исходя зловонным дымом, как залитые водой угли. Ворвавшихся в подземное капище людей охранники «Альнеры» быстро разделили и принялись гонять по залу, не позволяя объединиться для достойного отпора. Порой кто-нибудь врезался в призрачную сеть, и тогда по ней пробегали расходящиеся круги бледно-голубого огня. Госпожа Халед, убедившись, что люди и нелюди Теймураза иль'Ваххаби уверенно теснят противника, отчитывала перепуганных Искателей Истины. Хрустальный шар переливался волнами малиновых и розовых огней.

Вдруг подземный чертог содрогнулся, затрепетало тусклое пламя факелов, а с низко нависшего потолка посыпалась пыль. Стены зала треснули в сотне мест, и даже в каменном полу кое-где образовались зияющие провалы, а из дыр полезло наружу такое, что способно присниться только в кошмарном сне, от которого поседеешь к утру.

Тут были высохшие мумии в истлевших саванах, сжимающие остатками пальцев ржавые ножи – среди них выделялись четверо в истлевших доспехах, вооруженные шипастыми булавами; не иначе где-то поблизости вскрылось древнее захоронение или фамильный склеп. Ковыляли скелеты, чьи желтые кости за долгие годы до блеска отполировали ветер и песок. Было несколько смердящих трупов в обрывках одежды, явно захороненные не более седмицы назад. Наконец, зашевелились и начали вставать только что убитые охранники «Альнеры», поднимая оброненные мечи. В подземелье воцарился сущий кошмар, причем для обеих сражающихся сторон – похоже, покойникам было все равно на кого нападать, а телесную слабость они компенсировали численностью.

Явление восставших обитателей Серых Равнин таки заставило госпожу Эсму растеряться. Кинувшись к магическому кристаллу, чародейка принялась выписывать над ним сложные пассы, точно плетя невидимую паутину или играя сама с собой в детскую игру «Кошачья колыбелька».

За этим увлекательным занятием она упустила из виду загадочное шевеление, происходившее прямо у нее за спиной, где косо падавшая на фреску тень перемещалась сама собой, словно пытаясь оторваться от камня. Зато странное явление заметили adeptы Паука, у которых достало ума завопить, предупреждая покровительницу.

Оставив шар, Эсма Халед круто развернулась навстречу новой опасности. Выгнувшись куском непроглядно-черного бархата, тень отделилась от стены и подалась ей навстречу.

Из стены в зал шагнул человек. Он выглядел бы совершенно живым, когда бы не странная манера ходить сквозь стены да еще тот факт, что подошвы его сандалий при ходьбе не касались пола.

Человек, отлично знакомый Юнре Тавилау – ряный собиратель древних книг, частый посетитель антикварных лавок Тавилау, член колдовского круга Кофа, магик Рилеранс из Хоршемиша. Даже в царившей вокруг суматохе Юнра без труда признала долговязую фигуру, облаченную в жесткий от золотого шитья багряный халат, и устало поразилась: а этому-то что здесь понадобилось?

Почтенная Эсма Халед на посторонние рассуждения не отвлекалась. Всякий, проникший в потаенное святилище, был врагом – и немедля удостаивался соответствующей встречи.

В голову Рилерансу полетел светящийся оранжевым комок, развернувшийся в полете куском трепещущей огненной ткани.

Колдун испепелил его небрежным щелчком пальцев и атаковал в свою очередь – невидимый мягкий кулак отшвырнул жрицу прочь от магического шара. Эсма с трудом устояла на ногах. Поклонники Всеведущего Паука, почувствав, что их силенок недостанет для достойного сражения, предпочли брызнуть в стороны и затаиться за колоннами.

«*Неплохо, ведьма, неплохо.*»

Призрак мага был настолько реален, что даже губы его шевелились в полном соответствии произносимым словам, вот только сами слова воспринимались не слухом, но возникали непосредственно в сознании каждого из присутствующих – сохраняя даже интонации, с которыми мог бы говорить живой Рилеранс. А интонации были издевательские.

«*Для самоучек – очень даже неплохо. Призрачная Паутина вообще выше всяких похвал, такую не всякий Посвященный сумеет создать. Кстати, госпожа, не поделишься секретом: где ты умудрилась раскопать Заклятье Пустоты? Оно считается давно утраченным, а я знаю уйму правителей, готовых раскошелиться на сотворение хотя бы десятка столь безупречных воителей, какие служат тебе. Вот досада – они все поголовно увлеклись поединком с моими подопечными и не в силах прийти тебе на помощь.*»

Жрица сочла ниже своего достоинства отвечать духу. Воспользовавшись речью Рилеранса для создания нового заклятия, Эсма запустила в кофийца пригоршней серебристой пыли. Колдун даже отбиваться не стал, позволив мерцающему облаку окутать его с ног до головы, и пыль бессильно стекла со складок его мантии.

«*А вот это было так себе. Кто ты вообще такая, а?*»

Призрак совсем по-человечески склонил голову набок и пару ударов сердца изучающе смотрел на Эсму Халед.

«*Гм. Интересно. Прирожденный Дар и такое яростное стремление добиться своего... В любом Рунном Круге тебя бы приняли с распростертыми объятиями.*»

– Чихала я на ваши Круги купно и раздельно, – отрезала предводительница Ищущих Истину, наконец снизойдя до разговора. – И на тебя тоже, некромант поганый.

«*Как знаешь. Я забираю вашу Силу. Строго говоря, она вам никогда и не принадлежала.*»

– Только попробуй! – с вызовом крикнула госпожа Халед. Рилеранс удостоил ее недоуменного взгляда, каким волк мог бы глянуть на грозно топочущего копытцами ягненка. – Это мое!

– *Сколь горестно разрушать чужие надежды*, – издевательски «сказал» призрак и, прежде чем Эсма успела что-либо предпринять, кофиец обеими руками толкнул в сторону ведьмы нечто невидимое. «Нечто», как тараном, сбило женщину с ног, проволочило по полу и с размаху приложило о бок мраморного паука. Госпожа Халед осталась лежать, даже не пытаясь подняться.

Утратив интерес к побежденной противнице, Рилеранс приблизился к жертвенному с растянутой на нем Клелией, зачем-то нагнулся и окунул в медленно текущую кровь кончики пальцев.

«Даже так? Любопытно... Игра тут шла всерьез. Впрочем, это тело я вам оставляю.»

Магик остановился напротив возвышения, где Око Бездны пылало ядовитым зеленым огнем. Обычно бесстрастное выражение физиономии кофийца сделалось похожим на морду голодного кота, узревшего полную миску мясных обрезков. Осторожным, точно рассчитанным движением Рилеранс протянул руки к кристаллу, выпевая едва шевелящимися губами нечто беззвучное... погрузил ладони в сияние... И обеими руками взялся за талисман.

Ослепительная вспышка. Короткий гром, прогремевший под каменными сводами.

Призрачный двойник Рилеранса беззвучно завизжал и бешено задергался, пытаясь отбросить злосчастный шар, однако ладони его намертво прикипели к гладкой поверхности. Юнра замерла от ужаса – но смотрела, не в силах оторвать глаз, за тем, как чудовищная сила медленно скручивает мага, будто мокрую тряпку, комкает, выжимает... втягивает в себя.

...Большой дом на улице Кисиндо, отделенный от Серебряной аллеи тремя десятками домов и дюжиной перекрестков. Подвал, где стены в постоянной изморози, на полу разложены горсточки костей и вычерчен огромный пентакль. Недвижимо застывшее посреди колдовского круга тело мага вздрагивает – и начинает стремительно сереть, ссыхаться, кожа на лице превращается в бурый пергамент и обтягивает мертвый костяк. Наконец под тяжестью роскошной мантии кучка древних костей рассыпается в прах, накрывая собой частные дневники Рюциля Шилала по прозвищу Людоед.

Только к концу следующего дня слуги рискнули заглянуть в подвал. Они нашли там пустую мантию, еще хранящую очертания тела, множество непонятных и жутких колдовских принадлежностей и книгу в черном переплете, между страниц которой густо набился могильный прах. Похоже, решили они, один из рискованных опытов хозяина все же завершился его безвременной кончиной – и пришли к единодушному мнению, что туда ему и дорога. Книгу и мантию тут же сожгли, все, что было ценного в доме, растащили, даже вурха продали чучельнику за полсотни серебряных талеров. Хозяева приходят и уходят, рассуждали слуги. А нам еще жить и жить.

Рилеранс не оставил наследников. Обширную библиотеку мага целиком выкупил на торгах некий стигиец, пожелавший остаться неизвестным, и спустя пару седмиц увез в Кеми. Дом долго стоял пустым, даже равнодушные ко всему шадизарские нищеброды осторегались в него заходить – ходили слухи, будто там водятся весьма недружелюбные привидения. Так что никто не был особенно опечален, когда однажды ночью какая-то добрая душа закинула в окошко горящий факел.

* * *

«Бел-Покровитель, что я здесь делаю! Ну, попадись мне этот сладкоречивый гад Кайлиени!..» – только успел подумать Кодо Сиверн, когда под треск и грохот рушащейся кладки отовсюду полезли ожившие мертвецы.

К тому моменту Кодо и Рейф почти управились с двумя бессмертными воинами иль'Ваххаби – как выяснилось, если обезглавить «серого», он все равно живет и даже может размахивать саблей, но, как всякий слепец, становится бесполков. Особенного облегчения

эта победа не принесла. Телохранители госпожи Клелии еще держались, но десяток Трижды Повешенного полег почти весь, сам Повешенный с трудом пробился к своему «смотрящему». Теперь сильнейшие бойцы отражали написк противника спина к спине, сбившись в тесную кучку. Ходячий Кошмар еще поразился мельком, что в число этих сильнейших, оказывается, входит и Конан – мальчишка дрался куда лучше, чем можно было предположить. Они с Рейфом, подбадривая друг друга нечленораздельными, но чрезвычайно воинственными кличами, составили отличную пару.

Одноглазый Хасти бился наравне с Кодо и Трижды Повешенным. Впрочем, наравне – сказано слабо. Он успел раздобыть себе хороший меч, а с мечом этот тип один стоил троих. Однако оставшиеся в живых охранники «Альнеры» в воинском умении ничуть им не уступали, а «серые», пожалуй, даже превосходили. К тому же были еще поднятые неведомым колдовством из могил мертвецы, которые, за редким исключением, сражаться не умели, зато их было много. Мечи и палицы косили их десятками – древние скелеты, получив удар, рассыпались грудой костей, более «свежих» умрунов приходилось разрубать на части, но на место одного неупокоенного тут же вставала парочка новых. Отражая очередной выпад, Конан увидел, как бешено врачающего клинком «серого» погребла под собой толпа умертвий – от того только клочья полетели.

Хорошего в этом нашествии покойников было разве лишь то, что умруны оттянули на себя большую часть бессмертных воинов иль'Ваххаби. Самое же скверное, что черное волшебство Рилеранса подняло из земли не только человеческие тела. Отбиться мечом от неуклюжего человеческого подобия – еще куда ни шло. Но как, скажите на милость, воевать со стаей мертвых собак, сохранивших острые клыки, изрядную долю былого проворства и норовящих вцепиться тебе в ногу или в глотку?! Ну, а если вас не пытался поднять на рога бычий скелет, считайте, что вы ничего не видели в жизни...

И что-то еще творилось у мраморного алтаря-жертвенника, нечто непонятное и неправильное. Ход обряда явно нарушился, черные балахоны сбились в кучу, как перепуганные овцы, пронзительно визжала прикованная Юнра. Выворачивая шею в попытках рассмотреть происходящее, Конан заметил, как отлетает в сторону «серая» жрица и как некто в ало-золотой мантии, явившийся невесть откуда, протягивает руки к сияющему талисману... Польхнула белая молния, на миг ослепив Конана, в уши ударили раскатистый грохот. Два удара сердца полуоглохший киммериец отмахивался наугад, отчаянно взывая о помощи к покровителю воинов Крому и Белу, заступнику воров.

Должно быть, его страстные молитвы достигли ушей божества. Когда киммериец вновь обрел способность воспринимать окружающее, в треске и лязге битвы он услышал яростный крик Аластора:

– Пробивайтесь к алтарю! Скорее, пока они не опомнились!
– Клином! Стройся клином! – взревел Рейф, единственный из всей компании имевший навык правильной битвы в воинском строю. – Вперед, и да поможет нам Светоносный!

Что удивительно, эта команда была не только услышана всеми, но исполнена со слаженностью и быстротой, сделавшей бы честь седьмым ветеранам. На острие клина как-то сам собой оказался Одноглазый, похожий на разъяренное воплощение какого-нибудь воинственного божества. Следом встали Рейф и Кодо Сиверн, спину им прикрывали Повешенный, Конан и трое телохранителей Клелии.

Под потолком что-то хлопнуло с неяркой вспышкой, пролив на неуклюжих умертвий поток радужных лучей, отчего десятка полтора умрунов осипались горками черного праха.

– Давайте, ребята. Помогу, чем смогу, – пробормотал Аластор, вновь поднимая руку с пляшущими на кончиках пальцев желтыми искорками.

* * *

Битва в подземелье превратилась во всеобщую драку всех со всеми. Ритуал самым безнадежным образом прервался на середине. Верховная жрица простерлась у подножия алтаря, не подавая признаков жизни, возле нее бестолково сутились двое Искателей Истины, пытаясь помочь. Прочие сгрудились как можно дальше от переливающегося всеми цветами радуги магического шара. Возможно, они были бы рады броситься врассыпную, но сделать это им мешала установленная Эсмой Халед магическая завеса.

Кровь перестала вытекать из надрезанных запястий Клелии Кассианы, и неясно было, жива ли еще прекрасная офиরка или уже обратилась в хладный труп.

– Клелия! Проклятье, мы не успели!

По другую сторону призрачной завесы стоял Аластор Кайлиени – злой, как голодный демон, с короткими кривыми ножами в обеих руках. Может, эта странность была вызвана игрой света в колдовской паутине, но перепуганной и плохо соображавшей Юнре показалось, что взломщик по прозвищу Дурной Глаз превратился в какого-то другого человека. Облик прежний, да сущность иная.

Аластор оглянулся, убедившись, что присутствующие заняты либо спасением собственной жизни, либо стремятся эту самую жизнь отнять, упрямо тряхнул головой и провел раскрытым ладонью вдоль одного из своих кинжалов. По лезвию побежала россыпь искр, окрашивая синеватый металл в цвет расплавленного золота. Подняв руку, Альс с размаху вонзил клинок в переплетение зеленых нитей чуть выше своей головы, с усилием потянул его вниз, и призрачная стена распахнулась враз, открыв широкий, окаймленный бледным огнем проход.

Кайлиени первым делом бросился к распростертой на алтаре Клелии, топча на ходу заметавшихся пауков. Припав рядом с ней на одно колено, он медленно провел над телом тщательно запеленутой в паутину офирики сложенными щепотью пальцами, и гнусные тенета распалились с тихим треском. А рядом с Юнрай внезапно объявился Ши Шелам, коего по неведомым причинам разбирал истерический смех.

– Там Кодо дохлые псы покусали, – невнятно объяснил он и ринулся к замку на оковах Тавилау-младшей.

Ключа от оков у воришки, естественно, не было. Была связка отмычек. И первая же отмычка по неписаному, но исключительно подлому закону сломалась в замке.

– Ох, – только и сказала девица Тавилау. Ей отчетливо представилась удручающая картина: спустя сотню лет люди натыкаются на подземелье и обнаруживают прикованный к колонне жалкий девичий скелетик. А по соседству еще один – если Ши небросит ее на произвол судьбы и опять куда-нибудь не смоется.

Не говоря ни слова, Ши кинулся к разложенным вокруг алтаря амулетам. Схватив кольцо со злополучными Отмычками Бела, он метнулся обратно и принялся тыкать первой попавшейся в сломанный замок, бормоча:

– Да открывайся, открывайся же, зараза ржавая!

У Юнры вертелись на языке уверения в том, что занятие Ши напрочь лишено смысла. Куда проще разбить звено цепи, скажем, мечом... но тут замок внезапно щелкнул, цепь распалась, и Тавилау-младшая, как положено спасенной благородной девице, рухнула на руки спасителю. Вот только зарыдать в три ручья никак не получилось – отпрыски Аземы Тавилау не умели проливать слезы по пустякам.

– Самое время сматываться, – проворчал Ши, убедившись, что подруга изрядно потрепана, но цела и невредима. Юнра молча закивала и мертвой хваткой вцепилась в Ши – сейчас он казался ей единственной надежной опорой в мире.

* * *

...Даже побывавшему во множестве кровавых драк Кодо Сиверну и Рейфу, бывшему легионеру, начало казаться, что этот кошмар длится целую вечность и не закончится никогда – ну разве что с их бесславной гибелью. На самом же деле прошло не более четверти колокола с того мига, как они вгоглись в подземелье, и, хотя во мраке огромного зала кое-где еще продолжалась битва, становилось ясно, что дело сделано. Боевой клин под водительством Рейфа и одноглазого Хasti, потеряв двоих, таки прорвался к заветному алтарю.

Конан свалил очередного неупокоенного – и внезапно понял, что сражаться более не с кем.

Бессмертные бойцы иль'Ваххаби и рилерансы умертвия взаимно истребили друг друга, движения тех, что еще остались, становились все более вялыми – заклятие Рилеранса постепенно утрачивало силу. Зловещие «черные балахоны», лишившись своей предводительницы, превратились в горстку перепуганных юнцов; в непроницаемой призрачной завесе зияла широкая дыра с тлеющими рваными краями.

А рядом с каменным паучищем уже вовсю хозяйничал Ши на пару с Юнрай Тавилау, спешно швыряя в объемистый мешок разложенные по чашам амулеты.

Аластор, ничего вокруг себя не замечая, пытался вернуть к жизни прекрасную Клелию. Стоя на коленях над бездыханным телом офирики и прикрыв глаза, Альс делал ладонями плавные пассы в воздухе – со стороны это выглядело так, словно он слой за слоем сметает с неудавшейся жертвы нечто незримое, но весомое, вроде плотно слежавшегося песка. Похоже, эти попытки требовали от Дурного Глаза немалых усилий. Жилы на шее вздулись, на лбу, несмотря на царящий в подземелье холод, проступила испарина – зато раны на запястьях Клелии быстро затягивались, превращаясь в тонкие розовые шрамики, а на обескровленном лице проступил слабый, еле различимый румянец.

– Великие Небеса! – выдохнул Рейф, опуская меч и ошелело мотая головой. – Неужели все?!

– Куда там, – рыкнул в ответ Кодо. – Во-первых, надо еще суметь унести ноги, а я не представляю, как мы в таком виде выберемся из треклятого Асмака. Во-вторых, я уверен, что запас пакостей у судьбы на сегодня не исчерпан. Верно говорю, Одноглазый? Э? Хasti?.. Куда он опять... О, нет!

Оставшийся без присмотра магический шар вращался в воздухе, то и дело выбрасывая в стороны острые лучи пронзительно-чистой зелени. Впервые за время сражения у Одноглазого выдалась возможность рассмотреть сей предмет поближе. Он бросил в сторону колдовского талисмана любопытный взгляд... вздрогнул, всмотрелся пристальнее... и вдруг, выронив меч, двинулся к нему походкой сомнамбулы.

— Проклятье, остановите его! — рявкнул Рейф.

Конан и Трижды Повешенный повисли у Хасти на плечах. Кодо, не долго думая, с размаху заехал ему кулачищем под ребра. Одноглазый стряхнул обоих, даже не замедлив шага, а Кодо отбил руку — как об каменную стену. Ши отважно заступил дорогу Хасти, но лишь затем, чтобы отлететь в сторону от мощного толчка. Даже Альс отвлекся от своего занятия, но опоздал — Хасти уже воздвигся за постаментом и погрузил ладони в колдовское свечение.

В следующий миг он исчез.

...Сплетение Сил, безгранична мошь, Тьма и Свет, слепой полет среди холодных звезд.
Рождение мира.

...Ревущее пламя, не обжигая, льнет к рукам, ледяные иглы не ранят, камень податлив, как глина, тысячи сказочно прекрасных существ обретают бытие. Счастье творения.

...Плеск воды, теплый песок, шелест ветра, аромат трав, нежность кожи, легкость движений. Гордость Творца.

...Долгая беседа, оплывшая свеча, внимательный взгляд, чистый лист. Восторг познания.

...Морозный день, горящий камин, крепкий эль, перебор струн, золото волос. Радость встречи.

...Черные крылья, черные вести, одинокий всадник в бескрайней ночи. Горечь утраты.

...Три и Семь, Радуга и Венец. Благие намерения, завистливые взгляды, злые речи, лживые слова. Мерзость предательства.

...Ветер рвет багряный стяг на серебряной башне. Восьмиконечная крылатая звезда на темном багрянце, гранит бастионов, белая молния меча. Упоение битвы.

...Тяжесть оков, каленое железо, ярость палачей. Позор поражения.

...Одиночество. Боль. Безумие. Пустота. Ужас изгнания.

...Восемь тысяч лет. Восемь тысяч!..

Теперь — он знал. Вспомнил. Вспомнил себя.

...Странный человек с изуродованным лицом — лишенный Силы маг или забывший себя воин, безумец, дерзнувший потревожить Око Бездны — исчез, сгинул неведомо куда вместе с талисманом. А там, где он только что стоял, распахнулось окно в Вечную Ночь, и в этом окне грузно ворочалось Нечто. Непостижимо огромное, черно-багровое, мигающее искрами далеких звезд.

Это длилось два-три удара сердца. Никто не издал ни звука — настолько неожиданно все произошло и настолько сильным было изумление — но этих пары мгновений загадочной Тьме хватило, чтобы развеять бесследно все проявления магии в подземном чертоге. Не стало призрачной вуали вокруг алтаря, обратились в прах последние неупокоенные, зашевелилась и вздохнула Клелия, погасло лезвие кинжала Кайлиени. (И Эсма Халед приоткрыла глаза, чего никто не заметил.) Потом дохнул ледяной ветер, принеся из невообразимой дали (миров?

времен?) тяжелый железный лязг (цепи? ворота?), рванул, едва не погасив, пламя светильников, и на прежнем месте появился Хасти, белый как полотно и еле держащийся на ногах. Да еще Око Бездны по-прежнему парило над каменным кубом, сверкая, как маленькое зеленое солнце.

– Я вспомнил, – прохрипел Одноглазый. – Я все вспомнил! Я...

В следующее мгновение произошли сразу три вещи.

Раздался чудовищный рев, пронизавший весь громадный дом до самой крыши и слышный, должно быть, далеко за пределами поместья. Даже наверху этот жуткий звук весьма впечатлил месьора Рекифеса и его спутников, в подземелье же он был подобен грому. Вслед за тем от сильного удара вздрогнул каменный пол под ногами. Освещающие зал факелы погасли, опрокинулась половина масляных ламп. Кое-где в зале начал рушиться свод. Исследователи Истины, вопя, бросились врассыпную. Их бегству ничего более не препятствовало, и, похоже, юноши и девушки из богатых семей были сыты запрещенным волшебством по горло. Все, чего им сейчас хотелось – побыстрее и подальше убраться с «Альнеры».

И никто не стал их задерживать – потому что гигантский паук из черного мрамора зашевелился, пытаясь выбраться на свободу из каменного плена. А из мрака вылетел здоровенный, как буйвол, туранец в серой каббе и с тяжелым ятаганом в руке.

* * *

– Что происходит? Хасти, какого демона ты творишь?!

– Помогите! Уберите от меня это!

– Проклятье, сматываемся отсюда! Где выход?

Орали все, кто во что горазд, и не слыша притом друг друга. Рейф кричал, что надо взяться за руки и всем пробираться к выходу; Аластор требовал, чтобы ему помогли вынести беспомощную Клелию; Кодо требовал, чтобы ему отдали на растерзание Аластора, а там будь что будет; Трижды Повешенный ничего не требовал, а просто ругался последними словами. Толчки продолжались. Дальний конец зала утонул во тьме, и неясно было, есть ли еще выход или он уже завален наглухо грудами камня, рухнувшего с потолка. В режущем глаз свете Ока было видно, что огромный паук уже выпростал две передние лапы размером с лошадиную ногу и пытается приподнять чудовищное туловище.

Во всей этой суматохе лишь два человека сохранили относительное хладнокровие. Одним из них был, как ни странно, Ши – одной рукой он крепко держал визжащую Юнру, другой что-то лихорадочно делал на одной из колонн; другой же была Эсма Халед, про которую все забыли. Поднявшись на ноги, она вычертила в воздухе сложный знак, и на белой стене фреска с изображением паутины стала разгораться синим огнем. Золотой паучок выполз из ее середины и проворно побежал по расширяющейся спирали, оставляя за собой яркий оранжевый след.

Маг высшей степени посвящения, посмотрев на шустрого паучка, понял бы, что имеет дело с редкой и сложной разновидностью магии, так называемым постоянным порталом. Эсма Халед собиралась воспользоваться им, прихватив с собой магический шар – при всем ее фанатизме приятная перспектива стать добычей для нарождающегося воплощения

Великого Паука жрицу отнюдь не прельщала. Но сейчас между ней и Оком Бездны стоял Хасти, совершенно, правда, обалдевший – то ли от внезапно вернувшейся к нему памяти, то ли от случайно учиненной им катастрофы.

– Великие Небеса, да сделайте же что-нибудь! – отчаянно выкрикнул Рейф.

Навряд ли Хасти услышал его слова во все усиливающемся шуме, но «что-нибудь» он сделал. Увы, толку от этого «что-нибудь» вышло чуть-чуть. Око сверкнуло алой вспышкой, раздался короткий оглушительный свист, и жуткий, сводящий с ума рев обрезало, как ножом. Гигантский паук по-прежнему упорно выдирился на поверхность, только теперь делал это лишь под хруст взламываемого камня и вопли испуганных людей. И оставалось ему совсем немного.

Эсма метнула в Одноглазого трескучую синюю молнию. Хасти молча сложился пополам и рухнул навзничь. Бегом, насколько позволял вздрагивающий пол, жрица бросилась к драгоценному талисману.

Наперерез ей метнулись сощающиеся смертельным ядом клыки и рубиновые глазки Хозяина Великой Паутины – а навстречу им взлетел кривой туранский ятаган.

...Теймураз иль'Ваххаби потерял всю свою «гвардию». Большинство полегло под мечами живых и ржавыми ножами неупокоенных, а несколько уцелевших пустотников-Обращенных попадали замертво, стоило только Хасти коснуться магии Ока. Иль'Ваххаби остался один – слишком хороший воин, чтобы пасть в обычной схватке, он носил в себе недостаточно Пустоты, чтобы разделить печальную участь «серых». С самого начала, когда все пошло наперекосяк, он так и не смог пробиться на помощь Эсме: неупокоенные отчего-то кидались на него втрое злее, чем на прочих стражей. Теперь вот пробился, но поздно.

Со дня частично пройденного им ритуала Пустоты иль'Ваххаби почти не испытывал обычных человеческих чувств – по крайней мере, сколько-нибудь сильных чувств, затмевающих разум. Ему уже начинало казаться, что он превыше пагубных страстей. Превыше боли. Боли он и впрямь не ощущал, однако сейчас бесстрастный воин испытывал сильнейшее раздражение пополам с досадой. Все пошло прахом. Кто бы мог подумать, что слепая случайность да обычные люди, этакий вот сброд – воры да наемники – способны разрушить планы Вездесущего?!

Или, возможно, именно таков и был Его план, ибо кто может понять помыслы божества?

Так или иначе, теперь единственное, что осталось, это достойно умереть.

Ну не злая ли насмешка судьбы – быть сожранным тем, кому верно служил?!

* * *

Неистовый туранец отвлек на себя чудовищное воплощение Хозяина – несомненно, ценой собственной жизни. Эсма вновь потянулась к талисману. И вновь неудачно. Чья-то сильная рука грубо отшвырнула жрицу прочь.

Перед ней стоял Аластор Кайлиени, зло сверкая глазами. За его спиной Одноглазый потихоньку поднимался на ноги.

– Живучая тварь, – процедил Альс, доставая нож. – Вредная, кусачая сколопендра.

Может быть, мы все здесь умрем, но ты будешь первой. По твоему приказу убили моих друзей и мою жену. Ты убила множество людей, своими руками или чужими, а сама до сих пор жива – так не пора ли исправить эту несправедливость?

Он занес клинок для удара. Эсма, настороженная, как пантера, чуть отступила назад, понимая, впрочем, что этого недостаточно – вот если бы еще пару шагов... и демон с ним, с Оком.

- Нет, – вдруг сказал Хасти, хватая Аластора за руку.
- Что?! Какого...
- Это Эсма Ворчунья, знахарка.
- Ты рехнулся?! Она опасна, как стигийская кобра!
- Она спасла мне жизнь, – упрямо возразил Одноглазый.
- А сколько жизней погубила?! – вскричал Аластор, вырывая руку и нанося удар.

Но Эсме Халед хватило этой маленькой заминки как раз на пару шагов. Удар Альса запоздал – жрица с удивительной для своего сложения ловкостью нырнула в портал, который тут же сомкнулся за ней, не оставив на гладкой стене ни малейшего следа.

– Зачем ты это сделал? – яростно выкрикнул Аластор. – Она...

– ...выйдет из магических врат на крохотном островке посреди Закатного Океана. Я позаботился. Уверяю тебя, выберется она оттуда нескоро. Если вообще выберется.

Стены и потолок подземного капища содрогались все сильнее. Неподалеку с тяжким грохотом осела колонна, за ней еще одна. В темноте Теймураз иль'Ваххаби насмерть сцепился с гигантским пауком – судя по звукам, и тому, и другому приходилось несладко.

– Альс! Хасти! – завопили сразу несколько голосов. – Скорее сюда! Скорей же!

Ши стоял, пригнувшись, возле низкой дверцы, из которой лился неясный свет. Дверца была прорезана прямо в колонне. Аластор на миг оторопел. Потом до него дошло.

– Помнишь городскую казну? Я еще тогда задумался: а что, если отмычки, – воришка многозначительно побренчал связкой чрезвычайно знакомых отмычек, и по физиономии его расползлось в точности такое выражение, какое бывает у кота, догадавшегося, как безнаказанно добраться до миски со сметаной, – открывают не дверь, а место? Так я был прав. Прошу.

Предпоследним в странную дверцу прошел Рейф. Последним – Хасти. Зачем-то Одноглазому позарез понадобилось задержаться.

Как незамедлительно обнаружилось, с другой стороны дверца открывалась прямо в спальню некоего розового особняка на улице Лодел.

...Слуги покинули «Альнеру» сразу, как только поняли, что дело нечисто; «черные балахоны», перепуганные до потери сознания, высекали изо всех дверей еще довольно долго и сразу попадали в руки месьора Рекифеса с его немедийцами. Никто даже и не думал сопротивляться. Напротив, большинство были просто до неприличия счастливы, некоторые изъявили желание немедленно и чистосердечно раскаяться.

Рекифес мог их понять. Спустя десять ударов сердца после того, как стремглав выбежал последний Искатель Истины, рухнула крыша, и стены дома начали заваливаться внутрь. Огромная куча мусора, в которую превратилось большое и роскошное имение, неведомой силой сминалась и проваливалась сама в себя. Под конец из руин ударили в небо ядовито-зеленый луч и послышался жуткий, замогильный стон...

Хасти не зря, рискуя жизнью, старался подольше задержаться рядом с Оком.

Одноглазый маг – а после всего произошедшего ни у кого из участников не оставалось и тени сомнения в магических способностях Хасти – уходя, сделал все, чтобы печальная история «Альнеры» не повторилась никогда.

Глава девятая

Представление продолжается!

1 день Первой осенней луны 1264 года

по основанию Аквилонии.

Слитный шум голосов напоминал рокот океанского прибоя – налетал, на мгновение оглушая, волок за собой и разбивался о камни дождем сверкающих брызг. Конное Ристалище славного города Шадизара, вмешавшее до пяти тысяч зрителей, сегодня было переполнено едва ли не вдвое – люди стояли и сидели в проходах, на каменной ограде, вскарабкались даже на каменную квадригу, украшавшую главные ворота Поля. Гулявшие последние две седмицы по Шадизару слухи обещали горожанам нечто невиданное и потрясающее. Сегодня с утра любой, сумевший наскрести денег для оплаты самого дешевого места, устремился к Конному Полю, по пути прихватывая с собой любопытствующих родственников, друзей, подружек и корзинку с едой – поскольку основная часть зрелища должна была разворачиваться после наступления сумерек. Месьор Аддах Рабиль, владелец Ристалища, весьма удивился этому требованию нанимателей – они пожелали взять Поле в найм на две ночи.

– Только без колдовства и чародейства, – наполовину в шутку, наполовину всерьез предупредил месьор Рабиль, ставя свою подпись внизу пергаментного листа с договором. – Девственниц в жертву не приносить, демонов не вызывать, оргий не устраивать и Затху извращенным образом не поклоняться. Иначе договор расторгается, заклад не возвращается, а вы имеете кучу неприятностей.

– Никакой волшбы, исключительно высокое искусство и ничего, кроме искусства, – в тон господину Аддаху откликнулся один из троицы нанимателей – смазливый парень шемитских кровей, старательно выписывавший в положенном месте свое имя, «Ши Шелам». Его компаниями выступали небезызвестный Амиль дие Кьеза, глава лицедейской труппы из Офира, и Адриеш Тавилау, наследник Дома Тавилау. Собственно, если бы не участие Адриеша, месьор Рабиль еще трижды подумал, прежде чем соглашаться на предложение неизвестного парня и такой сомнительной в денежном отношении личности, как дие Кьеза. Но за Адриешем стояли золотые сундуки его папаши, договор был заключен и заверен всеми сторонами, обусловленный залог в звонких империалах и офирском серебре принесен и вручен, и Аддаху Рабилю оставалось лишь надеяться, что на месте Поля не останутся дымящиеся развалины.

Задуманный дие Кьезой и Ши Шеламом план по устроению грандиозного песенного представления втягивал в себя все больше и больше самых неожиданных личностей. Адриешу, увлекшемуся затеей, пришло в голову, что для пущей зрелищности надо выпустить на сцену с десяток хорошеных танцовщиц – мол, красивые девушки никогда не помешают. Ши незамедлительно кликнул своих подружек из «Золотого павлина». Те за компанию

притащили тощую рыжую девицу по имени Алефи, обладательницу голоса столь потрясающей силы, что Альс безоговорочно согласился взять ее в качестве подпевающей.

Диери Эйтала привела парочку молодых живописцев, пробавлявшихся рисованием фресок в небогатых храмах. У торговцев тканями выдался доходный день – бегавшие по лавкам порученцы дие Кьезы скупили весь запас полотна, превращенного в отменные декорации.

Из-за нарядов для танцовщиц случилась небольшая размолвка между покровительствовавшей затею Клелией Кассианой и Хиссом. Глянув на предложенные Змеиным Языком образцы, Клелия язвительно поинтересовалась: он старается таким образом уменьшить расходы? Или у нее внезапно ухудшилось зрение? Во что, собственно, облачены девицы, кроме парочки золотых шнурков и обрывков ничего не скрывающего шифона? Спор завершился тем, что ее светлость взялась за дело сама, ворча, что ей поздновато уже начинать карьеру белошвейки.

Совершенно неожиданный вклад в общее дело внесла Ильха Нираель. В один прекрасный день она явилась в «Рубиновую лозу» в обществе хмурого дверга по имени Нунри. Девица Нираель – иногда одна, иногда с помощью Хости – вновь начала проводить служения в капище на Плешке, и сей подгорный житель явился к ней со своей трудностью. У Нунри имелось диковинное увлечение, совершенно неприемлемое для его сородичей. Он обожал музыку – причем исполняемую на любых ударных инструментах, и даже выучился играть сам. В Чамгане его за это безжалостно высмеивали, а Ильха незамедлительно потащила к устроителям зрелища на Конном Поле. Дверг сразу же вусмерть переругался с Аластором – причину их спора мало кто понял – плонул и согласился принять участие.

Теперь барабаны Нунри, от маленьких до огромного, в два человеческих роста, турецкого военного чудовища, купленного по случаю на Блошином рынке диковин и издававшего звук навроде рычания голодного демона, занимали добрую треть задней части амфитеатра, в кратчайшие сроки возведенного на Конном Ристалище. Дверг блаженствовал. Он наконец нашел свое место в жизни и, когда б его не отрывали слишком, мог молотить по своим рокочущим игрушкам с утра до ночи и с ночи до утра.

Деньги Тавилау, преприимчивость Ши и Амиля дие Кьезы, талант собственно главных участников представления, Альса Кайлиени и Хости – и казавшаяся совершенно невыполнимой идея обрела зримое воплощение.

* * *

Ложа для почтенных гостей постепенно заполнялась. Одной из первых пожаловала Клелия Кассиана диа Лаурин, вкупе с новыми задушевными подругами, Юнрай Тавилау и Диери Эйтоловой. Ее светлость уже вполне оправилась от последствий случившегося с ней в подземелье виллы «Альнера», если не считать некоторой интересной бледности и двух широких браслетов из жемчуга, украшавших ее запястья и прикрывавших шрамы, оставленные ножом Эсмы Халед. Расположившись в огромном кресле с позолоченными завитушками, Клелия благосклонно обозрела погружающееся в сумерки Поле, десятки трепещущих факелов и разноцветных ламп, темную колышущуюся массу на трибунах и

повернулась к Юнре:

— Ума не приложу, дорогая, как тебе удалось уговорить своего почтенного отца выделить средства на эту безумную затею...

— Я посчитала расходы, потом — возможные доходы, и он не устоял, — хихикнула Юнра. В последние дни знакомые и родня отказывались узнавать в этой цветущей и жизнерадостной девице прежнюю замкнутую, постоянно хмурящуюся Юнру Тавилау, какой она была предыдущие восемнадцать лет своей жизни. Братец Адриеш хватался за голову, утверждая, что в капище поклонников Затха на любимую сестрицу наверняка напустили порчу, компания из «Рубиновой лозы» понимающе хмыкала, а Юнре было наплевать на все и вся. Она даже подумывала о том, чтобы сбежать из дома и поселиться вместе с Шеламом где-нибудь в городе, но потом рассудила — к такому подвигу она еще не готова. Да и зачем? Им и так неплохо. А то, что по Ламламу вовсю гуляют сплетни о ее похождениях, так ведь людям необходимо перемывать чьи-нибудь косточки.

На огромную сцену под обрадованный гул выпорхнули танцовщицы, закружившиеся под ритмичный стук барабанов Нунри. Лохматая макушка дверга едва виднелась за расставленными инструментами, и казалось, что барабаны грохочут сами по себе. Отдернулся щитый из множества разноцветных кусков занавес, открыв задник сцены — размашисто написанное на огромном полотне легко узнаваемое изображение Шадизара, каким он открывается путнику, одолевшему перевал в Карпашских горах. Вилась изрядно нуждавшаяся в починке крепостная стена, пестрыми заплатами разбегались кварталы, устремлялись к небу шпили Городской Ратуши, и все это разноцветное скопище домов, улиц и людей освещали одновременно солнце и луна.

— Очень мило, не правда ли? — госпожа диа Лаурин обратилась к человеку, только что со всеми удобствами устроившемуся во втором ряду кресел. Собеседник ее светлости отзывался растерянным «э-э...».

Светские беседы никогда не были сильной стороной Кодо Сиверна.

Месьор Сиверн совершенно не хотел идти на Конное Поле. Его смущала столь явно выражаемая благосклонность огирской графини, приславшей вожаку Нарикано личное приглашение (ну да, он выволок эту красотку из-под обломков рушащейся «Альнеры», и что с того?), но еще больше Кодо Ходячий Кошмар терялся из-за своей спутницы — скромно одетой девицы, носившей на шее загадочный золотой треугольник с рубиновым глазом посередине. Традиции обязывали любого предводителя квартала показываться в обществе непременно под ручку с роскошной красоткой, самой дорогой из девиц Ак-Сорельяны, но не с такой серой мышкой, пусть она даже и самозваная жрица.

Ходячий Кошмар влип, и сам понимал это. Из всего многообразия женщин Шадизара только случайно встретившаяся на пути нескладеха Ильха Нираель терпеливо выслушивала все, что он не мог сказать никому иному, и каким-то чудесным образом могла посоветовать, что с этим делать. Помаявшись еще немного, Кодо махнул рукой, рассудив: пришло время менять обычай!

А тому, кто посмеет хихикать за его спиной, головорезы из Нарикано быстро растолкуют, что к чему в этой жизни.

В ложу рысью влетел разряженный в пух и прах Адриеш Тавилау, тут же остановленный бдительными телохранителями Клелии. Следом за ним чинно, как подобает недавно объявившей о своей помолвке парочке, вошли Хисс Змеиный Язык и Лия Релатио.

— Сейчас начинаем! — оповестил Адриеш, хотя это было ясно и без него. — Держи, едва

раздобыл несколько оставшихся! Расходится лучше, чем пирожки на ярмарке! – он сунул сестре ворох скомканных листов. – Ши и Амиль носятся за кулисами, проверяют, все ли готово. Диери, твой варвар просил передать, что придет, как только закончат подсчитывать выручку – мол, он никому не доверяет и должен собственными глазами видеть: ничего не прикарманено. Я убегаю, дел невпроворот! – и Младший Тавилау покинул ложу с той же стремительностью, как и появился.

– Что это он притащил? – заинтересовалась Диери, отбирая у Юнры лист и аккуратно расправляя его.

– Юнра, господин Рекифес настрого запретил вам этим заниматься! – укоризненно напомнила Клелия, также завладевшая одним из принесенных Адриешем листов.

– Он запретил нам делать «Вестник Шадизара», – невозмутимости Тавилау-младшей не было предела. – Убедитесь сами, эта называется совсем по-другому!

В верхней части листа и в самом деле красовались тщательно выведенныес слова – «Всевидящее око». Ниже шло с полдюжины весьма живо и талантливо нарисованных картинок с пространными подписями, повествовавших ни много ни мало как о разгроме доблестной Сыскной Когоротой ужасной секты поклонников Великой Пустоты. Здесь нашлось место всему: и похищению невинных девиц, и коварным адептам, и даже жертвоприношению вкупе с явлением Великого Паука и изгнанием оного за грань миров. Изображенные герои истории в основном имели мало общего с настоящими участниками событий в поместье «Альнера», но, скажем, госпожу диа Лаурин можно было узнать без труда. Также как и Рекифеса Рендера – при известной доле воображения.

– Все было совсем не так! – запротестовала Клелия Кассиана, пристально разглядывая рисунки. – И Хасти не размахивал пылающим мечом, и госпожа Эсма раза в два моложе, чем ее тут изобразили...

– Зато людям нравится, – хмыкнул Змеиный Язык. – И они платят, чтобы в свое удовольствие любоваться на злых волшебников, красавиц и жутких чудищ. Помяните мое слово, чангиры на рынках еще сложат об этом кучу песен, а лет через десять никто и не вспомнит, как оно там было на самом деле. Получится еще одна замечательная шадизарская байка.

Вдоль сцены, пригибаясь, пробежал мальчишка с факелом, поджигая фитили множества китайских хлопушек. Диковинная забава зашипела, плююясь во все стороны фонтанчиками радужных искр. Толпа завыла и заголосила, предвкушая доселе невиданное и неслыханное. У выстроившихся в два ряда танцовщиц в руках затрепетали длинные атласные ленты, образовавшие круглую арку.

Холстина с нарисованным городом с неслышным в общем шуме треском разорвалась в двух местах снизу доверху. Под оглушительную раскатистую дробь Нунри на сцену через прорехи стремительно ворвались две фигуры – белая, сверкающая сотнями нашитых на ткань хрусталиков, и затянутая в черное, в разлетающемся алом плаще.

Черноволосый человек в белом шагнул вперед, вскидывая обе руки навстречу клокочущему Конному Полю. Звонкий голос, усиленный выгнутым в виде ракушки огромным навесом над сценой, прокричал:

– Привет, Шадизар!

Отголоски бушующего над Конным Ристалищем буйства звуков и красок долетали и сюда, в казармы Человекоохранительной Управы на улице Ратай. Месьор Рекифес Рендер, уже третий колокол сидевший за столом черного дерева, оторвался от разложенных перед ним листов и мельком взглянул в окно, где в мелких стеклах дробились цветные сполохи фейерверков. Припомнилось, что его тоже зазывали на это безобразие. Да, вот и доставленное от ее светлости диа Лаурин личное приглашение – не откажите, присоединитесь, будем очень рады... и прочая вежливая чепуха.

Может, и в самом деле сходить? Что они там творят, полгорода содрогается от грохота?

Взгляд месьора Рекифеса снова вернулся к пергаментным листам, заполненным безликим уставным почерком. Записанное на этих листах звучало для него слаше музыки гармонии Сфер, подтверждая, что в этом мире еще есть справедливость. Верховному Дознавателю и его людям даже не пришлось прикладывать особых усилий, чтобы выпотрошить изловленную в рушащейся «Альнере» и насмерть перепуганную шайку горечародеев. С десяток человек, к сожалению, остались под развалинами и тем избежали ответственности, но те, кто угодил в руки к Когорте...

Каков успех! Полный, безоговорочный успех! Разгром тайного общества чернокнижников, с обличающими признаниями участников! Месьор Дознаватель наслаждался воспоминаниями о том, как эта кучка растленных юнцов и девиц две с лишним седмицы торчала под замком в Алронге и под конец была стерта в порошок его речью в суде. Родные, конечно, не допустят, чтобы их драгоценные полуумные чада сполна отбыли назначенное им наказание, начнут рьяно хлопотать о смягчении приговоров. Однако многие получат свое сполна. Он снова и снова перечитывал допросные листы, смахивая в уме каждое слово.

«Я, Карион Рамси Сегеван, по существу предъявленных мне обвинений имею сказать следующее. С туранским подданным Теймуразом иль'Ваххаби я впервые встретился осенью прошлого, 1263 года, в книжной лавке „Обитель мудрости“. Разговор зашел о разногласиях в некоторых аспектах мировоззрения поклонников Эрлика Меченосного, и меня поразила глубина его замечаний и обширность познаний. Наши встречи стали происходить чаще, и на них присутствовали мои друзья. В начале зимы 1264 года мы рассказали иль'Ваххаби о созданном нами обществе „Искатели Истины“, а также о том, что лишены достойного места для осуществления ритуалов и церемоний. Он сообщил, что недавно стал владельцем виллы „Альнера“, каковую с глубочайшим удовольствием предоставит в наше распоряжение. Поразившись такой щедрости, мы в ту же седмицу перебрались в поместье.

...О подземелье я впервые услышал о иль'Ваххаби в первую весеннюю луну. Он уверил меня, что не знал о нем, покупая имение, а вход в него случайно обнаружили при работах по обустройству винного погреба. Мне показалось, он лжет, но расспрашивать подробнее я не стал. Меня очень обрадовала мысль о возможности иметь свое потаенное капище. Мы спустились туда, обнаружив фреску с изображением Паука и магический шар в тайнике. Мы не знали, что это такое, и не рисковали к нему прикасаться до тех пор, пока...»

«Я, Барренса Вираль, по существу предъявленных мне обвинений имею сказать следующее...

...Эсму Халед я знала давно, с детства. Ее всегда приглашали к моей матери, когда той начинало казаться, будто из стен лезут демоны. Слуги говорили, Эсма – ведьма. Меня очень интересовали составы и зелья, которые она готовила, и я стала расспрашивать ее, как она это делает. Она научила меня составлять эликсиры, помогающие видеть иные Сфераы. Когда я вошла в Общество Искателей Истины, я подумала, что Эсма может быть нам полезна и привела ее... Халед умела видеть сильные и слабые стороны каждого, умела подчинять себе... Вскоре она стала руководить нашими изысканиями. В отличие от нас, Эсма точно знала, что ищет. У нее получались чудеса.

Когда мы перебрались в «Альнеру» и обрели капище, Эсма Халед разгадала тайну магического шара. Она называла его «Оком Бездны», говорила, что эта вещь сделана еще в кхарийские времена. Эсма научилась с ним разговаривать и утверждала, будто способна слушать Великую Паутину. Она показывала нам картины – прошлое и настоящее, чем заняты интересующие нас люди, о чем они думают и что затевают. Спустя некоторое время она стала использовать более сложное колдовство, а затем обучила магическому умению и нас.

Нет, поклонницей Всезнающего она была с детства. Она как-то обмолвилась, что ее семья уже которое поколение входит в число Ткущих Паутину. Но после прихода Обманщика и войны культов храмы Вездесущего захирели, и мечты Эсмы о власти развеялись. Будучи лекаркой, она частенько намекала страждущим: они выздоровеют, если начнут следовать ее учению. Многие соглашались – все-таки память о временах, когда Затх правил нашей страной, еще сильна. На самом деле таких последователей Эсма презирала, говорила – они, как бездомные псы, побегут за любым, кто поманит косточкой. Нас Халед тоже недолюбливала, все время твердила: мы – богатые бездельники и слишком ленивы, чтобы стать настоящими магами.

Однако с иль'Ваххаби она быстро нашла общий язык. Он подчинялся ей с каким-то удовольствием, словно наконец обрел человека, которому можно служить. У иль'Ваххаби была своя навязчивая идея – он хотел найти способ стать непобедимым воителем. Стать самому или обратить кого-нибудь. Эсма Халед сказала: «Надо вынуть из человека суетную душу и впустить Пустоту». Она это сделала – с воинами из Турана, сопровождавшими иль'Ваххаби, и с некоторыми нашими телохранителями. У нее все получилось, только они больше не были людьми, а стали чем-то иным. Их нельзя было убить. Да-да, я собственными глазами это видела – они были очень сильны, выносливы, не умирали, даже если их пронзить мечом, и не чувствовали боли. Теймураз не решился полностью пройти через ритуал, но какую-то часть души Око Бездны у него забрало...

Чего мы добивались?.. Не знаю. Нам не требовалась власть или золото, просто все это было так захватывающе и интересно, а потом Нейрза...»

«Я, Киннамон Кадоре, по существу предъявленных мне обвинений имею сказать следующее...

...Нейрза Сейдан вечно шаталась по Сахилю и Нарикано в поисках приключений. Мы не раз ее предупреждали: добром это не кончится. Она познакомилась там с каким-то уличным вором. Пыталась изображать простушку, но парень ее быстро раскусил. Пару раз я видел их вместе. Он мне не понравился – не в моем вкусе.

Нейрзе взбрело в голову попробовать на нем свое умение ворожить, и он ходил за ней,

как собака. По-моему, он убедил себя, что Нейрза когда-нибудь уйдет к нему. Иногда Нейрза поручала ему достать что-нибудь для нашего Общества... Где-то в середине лета ее приятель рассказал ей, что знает, где можно запросто добыть целую кучу настоящих магических талисманов большой силы. Мол, и делать ничего не придется. Придти и взять потихоньку. Сам он брать не хотел, говорил, могут заподозрить. Пусть лучше кто-то со стороны.

Как раз и случай выдался подходящий – его дружки что-то праздновали. Теймураз иль'Ваххаби нанял в Нарикано какую-то шайку и еще прихватил Обращенных, мы их называли «Дети Пустоты», вы называете «серыми»... Вернулся весьма раздраженным: в таверне, откуда они забирали вещи, вспыхнула драка. Пришлось кого-то убить, да еще дом загорелся. Правда, вещи он принес. Эсма утащила их в подземелье и принялась ворожить. Насколько я понял из ее объяснений, она хотела напитать Око Бездны могуществом этих вещиц и сделать что-то... что-то невероятное.

Насчет фирмана государя Илдиза? Я сам его сотворил, прямо перед вашим визитом. Это было несложно. Наша магия может и не такое... в смысле, раньше могла...»

«Я, Вельбор ит'Фехдари, по существу предъявленных мне обвинений имею сказать следующее...»

«Я, Минсла диа Тарквиль, по существу предъявленных мне обвинений...»

«Я, Гиллем Лариан, по существу предъявленных мне...»

«Я, Найджел Виллиа...»

Впервые в бытность свою Верховным Дознавателем Шадизарского протектората Рекифес Рендер был почти счастлив.

Эпилог

Перекресток

Мыс, острыми гранями врезающийся в безбрежные просторы Океана. Мраморная терраса, застывшая над изгибами сине-зеленых волн в серебряной пене. Круг розовых колонн, объединяющий их могучий и одновременно легкий фриз в искрах золотых вспышек. Мозаичный стол, где в вечном круговороте догоняют друг друга голубка и кобра, кошка и жеребец, ласка и черепаха. Семь дорожек, выложенных плитами цветов радуги. Тихий перезон далеких колокольчиков в воздухе, напоенном терпкой полынью и сладостью цветов яблони.

Перекресток Всех Дорог.

Перекресток, где сбывается то, чего не существует в обычном мире.

В конце одной из дорожек, переливающейся густой синевой, сгостились туманное пепельное облачко. Спустя миг оно раздалось в стороны, как створки гостеприимно распахивающейся двери, и на Перекресток ступили гости – женщина и двое мужчин. Величественная, торжественная блондинка в развевающихся светлых одеяниях с золотой каймой. Горбоносый красавчик-шемит, волочивший небольшой мешок из узорчатой ткани. Молодого человека разбирал рвущийся наружу смех, который он безуспешно пытался сдержать, отчего то и дело фыркал.

Третим был мужчина средних лет, с суровым, чеканным лицом воителя, облаченный в черное. За спиной пришлеца висел на перевязи устрашающего вида двуручный меч с гардой в виде серебряного полумесяца. Обитателей суматошного Шадизара чрезвычайно поразило бы то обстоятельство, что человек, прозванный Хасти Одноглазым, на Перекрестке больше не походил на отмеченного печатью демона. Жуткие шрамы пропали, и на мир вокруг он смотрел обоими глазами – серыми, цвета гальки под переменчивой речной водой. Гризу прямых смолянисто-черных волос украшал тонкий, тускло сияющий обруч с тремя зубцами. Первое, что сделал Хасти – протянул руку и снял его. Покрутил, удивленно взирая на изящную вещицу.

– Дай глянуть, – незамедлительно влез Альс Кайлиени. Получив требуемое, поскреб тонкий обруч пальцем: – Мне казалось, это сталь... Какой-то другой металл. Я его не знаю.

– Лунное серебро, – спокойно объяснил Хасти. – Оно и раньше было редким, а теперь, насколько я понимаю, секрет его изготовления вовсе утрачен.

– Ну-ну, – Аластор вернул корону законному владельцу, а тот, поколебавшись, спрятал ее в складках одежды. Клелия одобрительно кивнула, заметив:

– Похоже, мы первые. Странно, я же разослала всем приглашения...

– Ничего, сейчас примчатся. Куда они денутся, – Аластор Кайлиени, Обманщик, снова украдкой хихикнул. Он явно предвкушал некое развлечение, и крупный самоцвет в его венце переливался, отвечая проказливому настроению хозяина.

– А у вас здесь... хорошо, – тот, кого называли Хасти, шумно втянул аромат Перекрестка. – Не так, как прежде... но тоже неплохо.

– Мы старались, – Клелия Кассиана, похоже, сочла похвалу вполне заслуженной. Оправив складки платья, она прошла к столу, где сгустившийся воздух образовал

изысканного вида кресло с изогнутыми ножками и спинкой в виде цветущего оливкового дерева. На спинку кресла немедленно спорхнула пара жемчужно-розовых горлиц и принялась томно ворковать.

— Кыш! — взмахом руки диа Лаурин прогнала птиц. Альс и Хасти на террасу подниматься не стали. Кайлиени уселся верхом на широкие перила, копясь в принесенном с собою мешке. Бывший Одноглазый подобрался к самому скосу обрыва и зачарованно уставился на морскую синеву.

Как и предсказывал Дурной Глаз, обитатели Перекрестка не заставили себя ждать. Звон колокольцев отмечал их появление, одного за другим. На золотом троне с подлокотниками в виде лошадиных голов устроился глава собрания — Аммарт, крупный светловолосый мужчина лет сорока, с необычно яркими голубыми глазами. Постепенно расселись и остальные. Выгляделший чрезвычайно недовольным кочевник из пыльных степей Турана, Джерхалиддин Раввани Ар-Гийяд. Кэто Сувейба, стройная красотка в облаке выюющихяя рыжих локонов. Бесстрастный Леук, Ловец Загадок — окутанная слоями полуистлевшей ткани мумия, по недоразумению оставившая свою гробницу. Змеиноглазый уроженец Зингары, предпочитающий черные и алые цвета, известный в Шадизаре и многих других городах как владетельный дон Кебрадо Эльдире лос Уракка, граф Ларгоньо. Старец с желчным лицом святоши и рьяного борца за чистоту рядов последователей своей веры, месьор Эпиналь.

Однако сегодня на Перекрестке появились и новые лица. Юная девушка, с длинной черной косой и хищным выражением тонкого личика, облаченная в кожаный доспех с бронзовыми заклепками и фейл-брекен, диковинный наряд горцев Киммерии и Темры. Клетки на шерстяной ткани, обозначающие цвета родового клана девицы — черные и белые, прорезанные золотой нитью. По соседству — шумный рыжебородый гигант в мехах и коже, наитипичнейший уроженец Асгарда или Ванахейма, от коего столь явственно разило элем, дымом костра и жиром, что оказавшаяся слева от него Кэто, брезгливо сморщив нос, отодвинула свое кресло. И, наконец — некое высокое и тощее создание, закутанное в ткань, подобную легкой паутине, с лицом, закрытым маской, вычеканенной из позеленевшей от времени бронзы. Мaska изображает паука, и десяток крохотных, нестерпимо сияющих рубинов в ее верхней части — его глаза. На бронзовой личине нет прорезей для рта и глаз, и мало кто может ответить, что за облик скрывается за ней. Разве что ведающий все тайны жизни и смерти Леук.

Хасти оторвался от созерцания бесконечности горизонта и приблизился к террасе, остановившись у входа. Дурной Глаз свалился с перил и встал рядом. Несмотря на серьезность момента, он опять хмыкнул.

Тягучий удар гонга оповестил о начале Совета — одного из самых необычных в истории Перекрестка.

* * *

— ...Вот так оно все и получилось. Компания вороватых и преприимчивых двергов своей верой оживила Отмычки. Двергам хватило ума не лезть за сокровищами самим, нанимая

ничего не знающих людей и преспокойно жертвуя ими в случаях, когда охрана Сокровищниц все же настигала грабителей...

Получивший разрешение присоединиться к обществу Дурной Глаз стоял напротив кресла главы собрания, излагая историю событий, потрясших минувшим летом веселый город Шадизар. Свой мешок он водрузил на мозаичную столешницу, и многие из обитателей Перекрестка весьма алчно косились на этот заурядный предмет.

— Не люблю двергов, — оглушительным шепотом поделился с окружающими бородатый гигант. — Мелкие, приплюснутые и все время шныряют под ногами. Того и гляди, последние штаны уведут, а потом скажут, что так и было!

— Гномы попытались вывезти награбленное из Шадизара в свой город под Кезанкией, но попались, — продолжал Аластор. — Дальнейшая история собранных ими предметов весьма увлекательна и насыщена многими преудивительными событиями, но я вполне могу поведать ее позже. Главное в ней то, что все талисманы оказались в одном месте — в забытом капище моего уважаемого заклятого друга... — он развел руками, отвесив в сторону бронзовой маски преувеличенно низкий поклон.

— Великая игра никогда не ведает завершения, — прошелестел обладатель маски. — Сегодня ты можешь торжествовать, но когда-нибудь придет и мое время. Порванная паутина залечит свои раны. Шепот в темноте всегда привлечет желающих узнать больше. Обманывай, смеши, кружи головы блеском своего фальшивого золота — и не забывай, я всегда неподалеку.

Он поднялся и с достоинством прошествовал к выходу с террасы. Альс, не удержавшись, совершенно по-ребячески показал в спину удаляющемуся Воплощению Пустоты язык.

— Кайлиени! — строго призвал к порядку Аммарт.

— Я больше не буду, — хихикнул Аластор и мотнул головой, отбрасывая упавшую на глаза прядь. — После некоторых безобразий, учиненных вашим покорным слугой и его друзьями в упомянутом храме во имя восстановления попранной справедливости, похищенные талисманы перешли в нужные руки. Они здесь, — Альс похлопал ладонью по мешку.

— С этого и надо было начинать, а не трепать языком попусту, — буркнул благородный дон Кебрадо, еле сдерживая раздражение.

— Хорошая история порой ценнее груды сокровищ, — низкий голос чернокосой воительницы совершенно не соответствовал ее юному облику. Так могло бы разговаривать каменное изваяние, что сохранилось с древних времен где-нибудь среди холмов Темры.

— Спасибо, Мори. Одна ты ценишь меня по заслугам в этом полном ненависти и стяжательства мире, — на Альса опять накатил приступ глумливого словоизвержения. Девица по имени Мори безнадежно отмахнулась. — Но, прежде чем утраченное вернется к своим владельцам, я должен выразить мою неизмеримую благодарность той, что презрев опасности и трудности... В общем, нашей прекрасной и неустранимой Клелии. Если бы не ее щедрость и сила духа, вряд ли бы мы преуспели, — Клелия диа Лаурин явственно смутилась. — Также позволю себе отметить неоценимую помощь, пришедшую с той стороны, откуда никто ее не ждал... и попросить высокое Собрание выслушать гостя, стоящего у нашего порога. Аммарт, могу я рассчитывать на твою воспетую в легендах непредвзятость и честность?

— Можешь, — коротко кивнул предводитель.

— Тогда переходим к самому волнующему, — Аластор запустил руку в мешок, вытащив сверкнувший червонным золотом солнечный диск. — Эпиналь, кажется, это твое? Извини за выходку в Обители. Скажу честно, уж больно мне надоели твои проповеди и твое яростное

порицание моего образа жизни. Признайся, ты просто-напросто завидуешь!

— Ты неисправим, а слово «добродетель» тебе известно только понаслышке, — почтенный месьор Эпиналь обеими руками вцепился в священный символ. Улучив момент, осторожно прикусил уцелевшим зубом кончик одного из лучей, проверяя, не подделка ли. С этого Кайлиени станется... — Куда ты ведешь своих последователей, уму непостижимо!

— Я всего лишь даю жизнь тому, о чём они просят и мечтают. Так же как и наша драгоценная Кэто, — из мешка появился хрустальный флакончик, наполненный оранжево-золотистой жидкостью. Рыжеволосая красавица рванулась к нему, и почти сразу же отдернула руку, как обожглась.

— Аластор, если ты опять за свое... — грозно начала она.

— Да настоящий он, настоящий! — взвыл Дурной Глаз. — Возьми и убедись!

Кэто Сувейба с величайшей осторожностью открутила туго притертую нефритовую пробку. Над столом поплыл сладчайший аромат миндальных цветов, слегка оттеняемый запахом увядящих роз. Принюхавшийся асир оглушительно чихнул, так что Кэто едва не выронила от неожиданности флакон.

— Джерхалиддин, сделай одолжение — избавь меня от твоей ржавой железяки, — из мешка появились обтянутые черной кожей изогнутые ножны, украшенные чеканкой по серебряным пластинам и россыпью мелких рубинов. Ар-Гийяд незамедлительно выдернул из них тяжелый ятаган — по коричневатому лезвию с множеством извилистых разводов пробежали волны зеленоватого огня — и, опрокинув свое седалище, с лицомющим воем изобразил у себя над головой нечто вроде гудящей сверкающей паутины. Клелия Кассиана и Леук, бывшие его соседями, еле успели пригнуться. Воссоединившись с любимым клинком, неистовый кочевник немедля возмутился:

— Клелия, Лжец, а почему вы меня не позвали? Рубить похитителей, этих пауков? А если бы вы сами не справились?

— Перестань называть меня Лжецом! — возмутился Аластор.

— А как тебя называть? — невозмутимо отпарировал Ар-Гийяд. — Честный, что ли?

— Толку тебя было звать — лишенного телесного воплощения. Что б ты стал делать, пугать их своими завываниями? — мстительно заявил Дурной Глаз и полез за следующим предметом. Ар-Гийяд немедленно надулся, углубившись в созерцание игры солнечных бликов на отточенной до бритвенной остроты кромке своего ятагана.

— Мори, Эйрик, думаю, это вам пригодится, — из мешка явились тяжелый перстень и украшенный драгоценностями лошадиный череп. Гигант немедля сгреб кольцо, казавшееся в его лапище игрушечным, и загрохотал:

— А я-то думаю, куда оно подевалось! И там ишу, и там — нету, как сквозь землю провалилось! Ну, думаю, опять кому-нибудь в погребальный курган сунули, жди теперь, пока отыщут! Альс, я твой должник!

— Спасибо, — негромко сказала Мори, обеими руками ласково поглаживая желтую кость былой лошадиной головы. — Мне ее очень недоставало.

— Только очередной конец света не устраивай, а? — жалобно (и вполне искренне) попросил Кайлиени.

Морригейн-Разрушительница, кою в Полуночных переделах именуют еще Королевой Мертвых, загадочно улыбнулась. Синие глазища, холодные, как вечный лед на вершине Бен Морга, Скалы Гигантов, на мгновение потеплели.

— Клелия, держи, — на свет явилось серебряное зеркальце в оправе черного дерева. Диа

Лаурин немедленно заглянула в него и облегченно перевела дух, словно опасалась встретиться взглядом с кем-то иным.

Тусклые огоньки, горевшие между разлохмаченными тряпками, скрывавшими от сторонних взглядов физиономию Ловца Загадок, стали чуть ярче – из недр казавшегося бездонным мешка Обманщика вынырнул толстенный фолиант, перехваченный застежками в виде сомкнутых человеческих рук. Аластор протянул его было владельцу... и внезапно отдернул, прижав к себе.

– Ничего не могу поделать, – упрямко сказал он. – Это мой единственный шанс. Я должен попытаться. Леук, в безграничной мудрости своей ты наверняка знаешь, что я хочу получить. Может твой господин дать мне это – в обмен на Книгу?

– А если он откажется? – скрипнуло из-под лохмотьев.

– Тогда я по совершенной случайности опять потеряю ее в мире, – заявил Альс. – Леук, ну сделай одолжение, спроси!

Мумия неподвижно застыла в кресле, словно прямиком перенесенном сюда из величественных гробниц Луксура Стигийского. Вокруг Охотника за Тайнами, представлявшего в Собрании великого и равнодушного владыку Серых Равнин, закружились песчаные смерчики. Сидевшим за столом стало слегка не по себе – даже не ведавшим страха Ар-Гийяду и Эйрику, Отцу Героев.

– Нет, – наконец изрек Леук, и в его шелестящем голосе прозвучало нечто вроде сочувствия. – Господин Судья не может выполнить твоей просьбы. Судьба женщины, о которой ты просишь, занесена на страницы Скрижали и под ней подведена черта окончательного расчета. Ее душа окончила свой нынешний путь и ожидает перерождения, – он подумал и добавил уже от собственного имени: – Мне очень жаль. Правда жаль, Кайлиени. Но ты знаешь закон. Умершее – мертвое.

– И ничего нельзя сделать? – всплеснула руками донельзя расстроенная Клелия Кассиана. Опешивший от полученного ответа Альс отступил назад, привалившись к колонне. – Леук, это жестоко!

– Многие из ушедших на Равнину были достойны прожить еще немного, но не мой господин определяет срок их жизни, – пожал плечами слуга Безликого. – Он не знает жалости или гнева, он всего лишь служит Равновесию. Как и все мы.

Леук помолчал и внезапно спросил:

– Она так тебе необходима, эта смертная?

Аластор молча кивнул, не отрывая взгляда от переплетения мозаичного узора у себя под ногами.

– Тебе обязательно нужно, чтобы она жила в твоем ненаглядном городишке?

– Мне нужно, чтобы она просто жила, – нарочито ровным голосом отозвался Альс. – Все равно где. Лишь бы со мной.

– В таком случае, ты мог бы забрать ее в свои владения, – невозмутимо предложил Леук. – Правда, тем самым ты лишишь ее возможности возродиться в этом мире, зато она всегда пребудет с тобой. Господин Судья наделил меня достаточной властью, чтобы я мог вызвать с Равнин ее душу и вручить тебе. Согласен?

– А... – в когни веки растерялся Аластор.

Впрочем, через миг он уже владел собой и светился от радости:

– Да! Да, конечно!

– Книгу отдай, – ворчливо потребовал Ловец Загадок. Получив просимое, он зашелестел

хрустящими страницами, пока не отыскал ту, где незримая кисть вывела имя: «*Феруза ис-Мансур-ат'Джебеларик, в замужестве Кайлиени*». Из недр прорвавшегося одеяния Леука явились серебряный пенал для письма, перо и чернильница. Перо закрипело по пергаменту; закончив, Леук заверил написанное оттиском болтавшегося на его иссохшем пальце кольца с массивной печаткой.

— Все, — фолиант захлопнулся. — Мы в расчете. На ближайшие сто лет воздержись беспокоить моего господина своими вздорными просьбами. Относится ко всем, а то повадитесь возвращать к жизни своих любимчиков...

Кайлиени, еще не веря до конца в случившееся, с обалдело-отсутствующим видом принял сворачивать свой мешок. К жизни его вернул только возмущенный вопль:

— Постой-ка! А где корона?

— Какая корона? — рассеянно переспросил Альс, витавший в каких-то своих грезах.

— Моя, разумеется! — скорый на гнев Кебрадо лос Уракка воздвигся над столом. — Моя алмазная корона! Которую ты пытался прикарманить!

— А-а, эта... — припомнил Дурной Глаз и развел руками. — Извини, вот ее я не принес. Пришлось отдать ее одному весьма достойному человеку — в качестве оплаты за помощь в спасении Клелии.

Кебрадо побелел, затем и без того смуглое лицо до черноты налилось дурной кровью.

— Что? — совершенно по-змеиному прошипел он. — Что ты сказал? Отдать?! Смертному?! Как... просто как десяток медяков наемному каменотесу?! Я не ослышался??!

— Все ты правильно рассыпал, — рыкнул громогласный Эйрик. — Повторить? Отдал он твою безделушку. И совершенно правильно сделал — Клелия стоит дороже всех сокровищ мира, вместе взятых!

— Вот именно, — поддержал гиганта Эпиналь.

— Аммарт! — еле сдерживая ярость, возвзвал благородный Кебрадо. — Доколе будет продолжаться это безобразие?! Доколе я буду вынужден терпеть поношения от этого... этого...

— Мерзкого проходимца, — услужливо подсказал Кайлиени. — Аммарт, поверь, так было нужно. Я дал тому человеку слово, и за это слово — а также за жизнь госпожи Клелии — множество других людей отдали свои жизни. Нет, я понимаю, для блестящего гранда Кебрадо лос Уракка жизнь смертного и данное слово медного сикля не стоят, но я так не могу...

— Ты будешь учить меня чести?! Ты, вор и покровитель воров, ты, вечный лжец, ты... — Кебрадо аж задохнулся от гнева. — Да я тебя... я тебя... в порошок... уничтожу...

Величественный лик Аммарта сделался похож на бесстрастную бронзовую маску. Сказать по правде, затянувшаяся вражда между Обманщиком и Змееногим, в которой ему то и дело приходилось выступать арбитром, надоела Аммарту до тошноты.

— Аластор прав. Конечно, надо бы ему думать, прежде чем давать обещания. Но если боги перестанут держать слово, то чего будет стоить этот мир?.. Досточтимый Кебрадо, если тебе столь необходима эта вещь, то могу лишь напомнить тебе твое собственное высказывание: «Если хочешь что-то сделать, сделай это сам»...

— Но, Аммарт...

— И больше того. Зная твои... гм... методы, я ставлю обязательное условие: тот человек должен отдать тебе корону добровольно. А ты, в свою очередь, не должен причинить ему никакого вреда. Понял ли ты меня?

— Да как же... э... Понял, Высочайший.

— Вот и хорошо. Теперь, поскольку талисманы по большей части возвращены законным хозяевам, предлагаю обсудить возникшее сегодня затруднение, а именно — нашего... — он замялся, подбирая нужное слово, — нашего гостя.

* * *

Для пребывавшего за пределами террасы создания, по воле случая получившего имя Хасти, происходившее за огромным мозаичным столом было лишено звука. Он мог лишь догадываться о ходе спора, сопровождаемого яростной жестикуляцией, и размышлять о том, какое из этих незнакомых могущественных созданий пожелает встать на его сторону, а какое будет противиться самой мысли о его существовании. Разок он из любопытства попробовал одолеть завесу — когда страсти за столом накалились до предела — и не услышал ничего, кроме отдаленных и неразборчивых звуков. Да, к нему вернулась Сила, но лишь своей неизмеримо малой частью... Можно понять нынешних Хранителей Земли и Неба — для них он всего лишь темная, пугающая легенда. Они опасаются за доверенный их попечению мир. Опасаются нарушения Равновесия.

Все изменилось. Все иное. Все не так.

А жизнь — она продолжается. Не обращая внимания на склоки богов и войны людей.

Какое бы решение они не приняли — он согласится.

— ...говорил и повторяю — он опасен! Ну да, он встал на вашу сторону — не разобравшись, что к чему! Завтра он пообвыкнется — и решит, что настала пора переделать наш мир так, как ему будет угодно! Признаю, мы сами далеки от совершенства, но мы худо-бедно научились держать наши распри в узде! Мир давно поделен, каждому отведено подобающее место — и мы не рады чужакам! — месьор Эпиналь словно стал выше ростом, а голос его гремел, как в былые времена, призывая огнем и железом искоренять нечестивцев. — Аммарт, посмотри на них — они же собственными руками открывают дверь Повелителю Тьмы!

— А мне он нравится, — мечтательно протянула Кэто Сувейба, накручивая на тонкий палец пышную рыжую прядь. — Сразу видно, настоящий мужчина, не в пример некоторым, которые только болтать горазды. Повелитель Тьмы из древних времен — это так романтично... Если верить легендам смертных...

— Если верить легендам смертных, ни одно создание в мире, что божественное, что человеческое, не способно удовлетворить твоих желаний, — вполголоса, однако достаточно внятно поделился с ближайшей колонной дон Кебрадо. — К тому же в мире только один Повелитель Тьмы, и это — я.

— Какой ты повелитель? Ты прислужник, — съязвила оскорблена Кэто.

Ар-Гийяд заржал, как вырвавшийся на свободу жеребец, приговаривая: «Так его, женщина!»

— Шлюха, — мрачно сказал Кебрадо. — Эпиналь! Запомни этот день — сегодня я впервые на твоей стороне. Ему не место среди нас. Пусть отправляется, откуда пришел — за Грань.

— Да у тебя силенок не хватит, — сладко выгнув спину, промурлыкала Кэто Сувейба. — Раз

ты против, то я – за. Пусть остается. Хоть одно новое лицо в нашей скучной компании.

– Может, почтеннейший Эпиналь и прав, а я совершаю ошибку, – подал голос Аластор. – Но я стоял рядом с ним в бою, и я буду настаивать, чтобы ему даровали право быть выслушанным.

– Поддерживаю, – упрямо наклонила голову Клелия Кассиана.

– Мы, Хранители Полуночи, появились на свет благодаря вере его последователей, – переглянувшись с Эйриком, заявила воительница Мори. – Одно это заставляет нас быть признательными. Пусть он станет одним из нас, что в этом дурного?

– Для тебя – ничего! – вззвизгнул Эпиналь. – Я уверен, если он затеет войну, ты, твой полумертвый папаша и твои сородичи дружно встанете под его знамена! В первых рядах!

Мори недобро ухмыльнулась, но смолчала.

– Что плохого в хорошей войне? – простодушно поинтересовался Эйрик.

– Почтеннейший Джерхаллидин! – отчаявшись, воззвал Эпиналь. – Всем ведомы твои подвиги во имя Света! Неужели ты допустишь, чтобы в мир вернулся тот, кого именовали Всадником Мрака?

– Н-ну... Э-э... – Ар-Гийяд горделиво выпрямился и опустил руку на свой любимый ятаган. – Посмотрим на него. Он воин. Ар-Гийяд тоже воин. Если в нем нет Зла – Ар-Гийяд станет ему другом и братом. Друг – это хорошо, брат – еще лучше! Наши шатры будут стоять рядом, и наши кони будут скакать стремя в стремя! Если же окажется, что он исполнен Зла – Ар-Гийяд станет ему врагом. Хороший враг – это тоже славно! Нашей стали будет о чем спорить, клянусь степным ветром! Пусть остается. Я сказал.

– Тьфу на тебя, – сплюнул Эпиналь в сердцах. – Рубить-колоть. Что с вас взять... Леук?

– Его также именовали Первым из Творцов, Покровителем Жизни и Темной Звездой, – прошелестел Леук. – Мой господин считает, что явление этого создания не покачнет Великие Весы, а заодно позволит нам приобщиться к давно забытым знаниям...

– Да ты за знания уже давно душу продал, – Эпиналь понял, что остался в меньшинстве. Последние надежды возлагались им на покровителя, Аммarta, и почтенный старец уже без прежнего пафоса в голосе вопросил главу Собрания: – А что думает тот, кому мы вручили бразды правления нами и этим миром?

– Что нам не нужен возрожденный Рота-Всадник, – после долгого почтительного молчания заговорил Аммарт. Клелия Кассиана и Дурной Глаз вскочили со своих мест, но не успели ничего сказать – Аммарт коротким повелительным жестом приказал им молчать, завершив фразу: – Но мы не имеем ничего против Хасти, или как ему будет угодно называться. Равного среди равных, но не первого среди прочих. Мы предложим ему место среди нас и скрепим его обещания Клятвой Силы. И, если отыщется сообщество человеческих существ, коему он пожелает покровительствовать...

– Разве что неудачникам, – раздраженно проворчал дон Кебрадо. Злорадство не имело успеха.

– Почему бы и нет? – изящно выгнула бровь Клелия. – Мы предпочитаем победителей, но должен же кто-то сочувствовать и проигравшим.

– К тому же никто так отчаянно не цепляется за жизнь, как неудачники, – поддержал Аластор.

– Мы разрешаем ему войти и говорить, – подвел итог Аммарт. С его последним словом над Перекрестком прокатилась тягучая волна колокольного удара, а золотые звездочки в недрах колонн вокруг террасы вспыхнули ярким огнем. Еле различимый взглядом

прозрачный туман, окутывавший террасу, развеялся – и Хасти совершенно правильно расценил это как приглашение присоединиться к Собранию.

* * *

Кодо Сиверн по прозвищу Ходячий Кошмар проснулся среди ночи, весь в холодном поту, задыхаясь и с ясным ощущением, что в спальне есть кто-то еще. Но такого быть не может, Бел свидетель! Двери заперты изнутри, ставни закрыты, и на страже стоят лучшие из лучших... Странное чувство не пропадало, напротив, стало даже явственнее. Ходячий Кошмар мог поклясться, что рядом с постелью кто-то стоит, весьма внимательно и недобро разглядывая его, Коддрака Сиверна, старшину квартала Нарикано, на прошлой седмице наконец-то утвержденного Большим Кругом Братства.

Он спустил ноги с кровати и протянул руку к светильнику, другой рукой нашаривая кресало...

«*Не зажигай огня, смертный!*»

– А?! Что?! Кто здесь?! – подскочил Ходячий Кошмар. Верная шипастая палица, которую он всегда держал рядом с ложем, сама прыгнула в руку. Глаза его уже привыкли к темноте, и он ясно видел, что комната совершенно пуста – но ведь кто-то же сказал...

«*Оружие тебе не поможет. Верни то, что тебе не принадлежит, и я уйду.*»

– Стража!

«*Стражники тебя не слышат. Я наслал на них сонные чары. Хотя вообще-то они и так дрыхли.*»

– Сгинь! Пропади! Рассыпься, демон!

«*И не подумаю. Между прочим, называя меня демоном, ты оскорбляешь мое достоинство, а я страшен в гневе.*»

– Да кто ты такой?! Покажись, проклятье!

«*Твой разум достаточно крепок? Тогда смотри.*»

В изголовье широкой постели Кодо соткалось прямо из воздуха некое жуткое существо: мускулистый мужской торс, переходящий ниже пояса в тело огромной змеи, упруго свивающей бесчисленные кольца. Лицо было смутно знакомо...

– Однако вы сильно изменились с нашей последней встречи, благородный месьор Кебрадо...

«*Не надо имен. То, которое известно тебе, не истинное, а истинное не должно здесь звучать. Смертные обычно именуют меня Сетом, или Змееногим, или Владыкой Тьмы.*»

– ...!!!

«*Довольно болтовни. Я пришел забрать вещь, которая принадлежит мне и только мне. Отдай ее по доброй воле, и я щедро вознагражжу тебя. Откажись, и умрешь страшной смертью.*»

– Какая вещь?! Кто бы ты ни был, прекрати, прах тебя побери, говорить загадками и скажи толком!

«*Корона! Алмазная тиара, идиот! И только попробуй сказать, что получил ее в наследство от бабушки!*»

— Ах вот ты о чём...

Кодо помрачнел, отложил в сторону палицу и крепко задумался, поглядывая на Сета, нетерпеливо стучащего по полу кончиком хвоста.

— Ладно, — буркнул он наконец. — Сейчас.

Ходячий Кошмар встал возле кровати на корточки, откинулся устилавший пол пестрый ковер и довольно долго возился с потайным замком. Когда он, кряхтя, выпрямился, у него в руках был большой сверток. Лунный луч, просочившись в ставню, коснулся этого свертка, и из-под слоев бархата неожиданно остро брызнуло радужное сияние множества бриллиантов.

— На, забирай. Доволен?

«Ты поступил разумно, смертный. Прощай.»

Змееног замерцал и вместе с короной, которую бережно прижимал к груди, начал растворяться в воздухе.

— Эй, куда?! Ты вроде говорил о щедром вознаграждении?!

«Ах да, чуть не забыл. Я оставляю тебе жизнь. Разве это не самая щедрая из всех возможных наград?..»

— Чтоб тебе пусто было!

«Не стоит благодарностей, смертный.»

Когда гость исчез совсем, Кодо прошаркал к угловому столику и одним махом опустошил целый кувшин отменного красного вина. Мерзавец все же этот Альс, подумал он. Мог бы предупредить, что оплата с подвохом. И ведь не поймать его теперь, что самое досадное, нет его более в Столице Воров, и появится ли снова — неизвестно... Корону, конечно, до слез жалко — уж больно вещица красивая и вообще... а впрочем, Сет с ней, с короной. Тем более, что даже тех бриллиантов, которые успели из нее вынуть шадизарские ювелиры, ему, Кодо Сиверну, хватит самое малое на две достойно прожитых жизни.

Ходячий Кошмар швырнул пустой кувшин об стену и пошел спать.

* * *

Квикка, домоправитель Башни-у-Моря, делал вид, будто старательно прибирается в верхней круглой зале, навострив заросшее жестким серым волосом ухо в сторону распахнутых настежь дверей балкона. Вчера этого балкона не существовало — он появился только сегодня утром. Теперь на балконе стояли два кресла, а в них расположились вернувшийся Хозяин и приведенная им женщина. Живая женщина, не былой развеивающийся призрак. Девица с медово-рыжими локонами и карими глазами, смотревшая на Хозяина Башни так, будто в мире не существовало более никого.

— ...И тебя ранили. Очень тяжело, так что лекари были уверены — это конец, — говорил Хозяин Башни, держа внимавшую девицу за руки. — Но я не стал никого слушать. Увез тебя сюда, в Асгалун, нанял лучших из лучших врачевателей. Ты долго не приходила в сознание, почти две луны. Но боги милостивы, и ты все-таки очнулась.

— Хоть таким способом, но ты добился своего — утащил меня из Шадизара на Побережье, — хмыкнула девица. Что-то в услышанной истории ее настораживало, не вязалось друг с другом, но ей было слишком хорошо, чтобы задумываться над несуразностями

повествования. – И что, это все твое?

- Угу.
- И мы теперь будем тут жить?
- Тут или там, где тебе захочется...
- Всегда?
- Всегда, Феруза... Теперь у нас есть все время мира...

«Что ни делается, все к лучшему, – размышлял старый клурикане. – В Башне появилась Хозяйка, а господин пришел в себя и прекратил заниматься глупостями. Теперь все пойдет замечательно. И, надеюсь, она прогонит этих паршивых хорьков, которые только и знают, что портить хорошие вещи...»

Море вздыхает и накатывается на берег. В гавани несуществующего города поднимают паруса корабли.

Что-то заканчивается, что-то начинается.

Переводы стихов выполнены Е. Ачиловой, Д. Благодировым, Л. Бочаровой, Т. Шельен.

Конец книги третьей и последней